

ЭХО

הח

Отдельные стихотворения в переводе на русский Адольфа Гомана

1. [Из испанской поэзии](#)
2. [Из немецкой поэзии](#)
3. [Из ивритской поэзии](#)
4. [Из французской поэзии](#)
5. [Из польской поэзии](#)

[Из испанской поэзии](#)

Хорхе Манрике (1440–1479)

[Стихи на смерть его отца](#)

Хуан Боскан (1490-1542)

Кто говорит, что разлука порождает забвение

Лопе де Вега (1562 – 1635)

[Сонет-экспромт](#)

Густаво Адольфо Беккер (1836-1870)

[Рифмы. XI](#)

[Рифмы. LIII](#)

Jorge Manrique (España)

Coplas por la muerte de su padre

Juan Boscán (España)

Quien dice que la ausencia

Lope de Vega (España)

Soneto de repente

Gustavo Adolfo Bécquer (España)

Rimas. XI

Rimas. LIII

Вечная любовь

Рубен Дарьо (1867-1916)

Это неотвратимо

Амадо Нерво (1870-1919)

В мире

Мадригал

Дельмира Агустини (1886-1914)

Невыразимое

Абрахан Вальделомар (1888-1919)

Tristitia

Эрнесто Нобoa-и-Кааманьо (1889-1927)

Предвечернее настроение

Габриэла Мистраль (1889-1957)

Баллада

Ласка

Альфонсина Сторни (1892 - 1938)

Жизнь

Федерико Гарсиа Лорка (1898-1936)

Романс о Гражданской гвардии Испании

Хорхе Луис Борхес (1899-1986)

Моменты

Шахматы II

* * *

Хорхе Манрике (1440–1479)

Amor Eterno

Rubén Darío (Nicaragua)

Lo Fatal

Amado Nervo (México)

En paz

Madrigal

Delmira Agustini (Uruguay)

Lo inefable

Abrahan Valdelomar (Perú)

Tristitia

Ernesto Noboa y Caamaño (Ecuador)

Emoción Vespéral

Gabriela Mistral (Chile)

Balada

Caricia

Alfonsina Storni (Argentina)

Vida

Federico Garcia Lorca (España)

Romance de la Guardia Civil Española

Jorge Luis Borges (Argentina)

Instantes

Ajedrez II

* * *

Jorge Manrique (España)

Стихи на смерть его отца

1

Опомнись, душа, от дремоты
И мозг пробуди понемногу.
Взгляни же,
Как жизнь прошла за минуту,
Как смерть подошла к порогу:
Нет тише.
Чему раньше каждый был рад,
Что было раньше так мило, -
Мучит нас.
Нынче кажется, на наш взгляд,
Всё лучше в прошедшем было,
Чем сейчас.

Хуан Боскан (1490-1542)

Кто говорит, что разлука порождает забвение

Кто говорит, что разлука порождает забвение,
сам всеобщего заслуживает забвения.
Если любишь истинно, верно, то, без сомнения,
разлука не забудется ни на мгновение.

Твоя память оживит каждое сновидение;
одинокость умножит заботы, волнения;
то, что возлюбленная сейчас в отдалении,
больше заставляет желать её, а не менее.

Раны, нанесённые душе, не заживают,
когда исчезает нанесший их взгляд;
нет, они душу денно и ночью терзают.

Coplas por la muerte de su padre

1

Recuerde el alma dormida
Avive el seso y despierte
Contemplando
Cómo se pasa la vida,
Cómo se viene la muerte,
Tan callando,
Cuán presto se va el placer,
Cómo, después de acordado
Da dolor,
Cómo, a nuestro parecer,
Cualquier tiempo pasado
Fue mejor.

Juan Boscán (España)

Quien dice que la ausencia

Quien dice que la ausencia causa olvido
merece ser de todos olvidado.
El verdadero y firme enamorado
está, cuando está ausente, más perdido.

Aviva la memoria su sentido;
la soledad levanta su cuidado;
hallarse de su bien tan apartada
hace su desear más encendido.

No sanan las heridas en él dadas,
aunque cese el mirar que las causó,
si quedan en el alma confirmadas.

Ведь, если человека ножом поражают,
раны не заживут и болеть не прекратят
оттого, что он убежал; они жечь продолжают.

Лопе де Вега (1562 – 1635)

Сонет-экспромт

Сонет мне Виоланта заказала;
Трудней нет в жизни ничего на свете:
Четырнадцать должно быть строк в сонете,
Тут заковырка с самого начала.

Непросто рифму отыскать, чтоб прозвучала,
Но для второй строфы есть на примете;
Когда я в первом окажусь терцете,
Катрены позади, и горя мало.

И, вроде, с правой я ноги вступаю
В терцет, в нём каждое мне ясно слово.
Последнюю строку вам предлагаю.

Теперь последний. Где же я? И снова
Я строки до тринадцати считаю...
Ах, их четырнадцать? Ну всё, тогда готово.

Густаво Адольфо Беккер (1836-1870)

Рифмы. XI

— Я жаркая, тёмная - символ страсти;
Ты всё забудешь, меня любя.
Со мной найдёшь ты радость и счастье.
Меня ты ищешь?

Que si uno está con muchas cuchilladas,
porque huya de quien lo acuchilló,
no por eso serán mejor curadas.

Lope de Vega (España)

Soneto de repente

Un soneto me manda hacer Violante;
en mi vida me he visto en tal aprieto,
catorce versos dicen que es soneto,
burla burlando van los tres delante.

Yo pense que no hallara consonante
y estoy a la mitad de otro cuarteto;
mas si me veo en el primer terceto,
no hay cosa en los cuartetos que me espante.

Por el primer terceto voy entrando,
y aun parece que entra con pie derecho,
pues fin con este verso le voy dando.

Ya estoy en el segundo, y aun sospecho
que estoy los trece versos acabando:
contad si son catorce, y esta hecho.

Gustavo Adolfo Bécquer (España)

Rimas. XI

—Yo soy ardiente, yo soy morena,
yo soy el símbolo de la pasión;
de ansia de goces mi alma está llena.
¿A mí me buscas?

— Нет, не тебя.

— Мой бледен лоб, локон – струя золотая,
блаженство я дам и опору в судьбе,
тебя, как сокровище, укрывая.
Ко мне ты взываешь?
— Нет, не к тебе.

— Я - призрак тумана и света; напрасно
ты будешь искать меня в мире мечты;
я неосвязаема, я бестелесна,
любить не смогу тебя.
— Да, только ты!

Густаво Адольфо Беккер (1836-1870)

Рифмы. LIII

Вновь вернутся весною ласточек стаи,
снова к балкону гнёзда свои прикрепят,
и, тёмными крыльями стёкол касаясь,
будут с тобой играть.

Но те, что полёт замедляли, увидев
твою красоту, полный счастья мой взгляд,
те, что имена уже наши узнали...
Те... не прилетят опять!

И жимолость вновь, по стене поднимаясь,
ветвями опутает крепкими сад,
и ещё краше в весенней прохладе
будет цветы распускать.

Но те, которыми мы любовались,
глядя, как капли росы в них дрожат
и, словно слезы дня, с них стекают...

—No es a ti, no.

—Mi frente es pálida, mis trenzas de oro,
puedo brindarte dichas sin fin.
Yo de ternura guardo un tesoro.
¿A mí me llamas?
—No, no es a ti.

—Yo soy un sueño, un imposible,
vano fantasma de niebla y luz;
soy incorpórea, soy intangible;
no puedo amarte.
—¡Oh ven; ven tú!

Gustavo Adolfo Bécquer (España)

Rimas. LIII

Volverán las oscuras golondrinas
en tu balcón sus nidos a colgar,
y otra vez con el ala a sus cristales
jugando llamarán.

Pero aquellas que el vuelo refrenaban
tu hermosura y mi dicha a contemplar,
aquellas que aprendieron nuestros nombres...
¡esas... no volverán!

Volverán las tupidas madreselvas
de tu jardín las tapias a escalar,
y otra vez a la tarde aún más hermosas
sus flores se abrirán.

Pero aquellas, cuajadas de rocío
cuyas gotas mirábamos temblar
y caer como lágrimas del día...

Те... не расцветут опять!

Они вернутся, слова любви огневые,
лаская в ушах твоих зазвучат;
и, может быть, твоё сердце проснётся,
и будешь их страстно ждать.

Но любить, как я – нем, отрешён, на коленях,
как пред алтарём Бога, чей образ свят, –
так тебя никто никогда не полюбит...
Не стоит себя убеждать!

Густаво Адольфо Беккер (1836-1870)

Вечная любовь

В тумане навек может спрятаться солнце;
И море может мгновенно высохнуть вдруг;
Земная ось может сломаться однажды,
Словно хрупкий кристалл.

Всё это может случиться! Смерть может
Накрыть своим траурным крепом меня;
Но до скончания дней во мне не погаснет
Пламя твоей любви.

Рубен Дарио (1867-1916)

Это неотвратимо

Как счастливо дерево: чувства в нём проще, беднее;
тем более, камень, в котором вообще нет дыхания,
ведь боль жизни прочих болей всех намного сильнее,
нет большей печали, чем жизнь, суть которой - сознание.

¡esas... no volverán!

Volverán del amor en tus oídos
las palabras ardientes a sonar;
tu corazón de su profundo sueño
tal vez despertará.

Pero mudo y absorto y de rodillas
como se adora a Dios ante su altar,
como yo te he querido...; desengáñate,
¡así... no te querrán!

Gustavo Adolfo Bécquer (España)

Amor Eterno

Podrá nublarse el sol eternamente;
Podrá secarse en un instante el mar;
Podrá romperse el eje de la tierra
Como un débil cristal.

¡todo sucederá! Podrá la muerte
Cubrirme con su fúnebre crespón;
Pero jamás en mí podrá apagarse
La llama de tu amor.

Rubén Darío (Nicaragua)

Lo Fatal

Dichoso el árbol, que es apenas sensitivo,
y más la piedra dura porque esa ya no siente,
pues no hay dolor más grande que el dolor de ser vivo,
ni mayor pesadumbre que la vida consciente.

Нам выпало быть и не знать ничего, быть бесцельно,
на всё то, что было и будет, закрывая глаза...
В опасении умереть завтра, в страхе смертельном
и в волненьях за жизнь или даже за тень её, за

то, что нам не известно, что мы лишь подозреваем...
Да, есть вкусное мясо, плоды, что мы собираем,
но есть и могила с похоронным букетом пустая...

Мы откуда, куда, что за краем?
Ничего мы не знаем!..

Амадо Нерво (1870-1919)

В мире

Жизнь, закат мой уж близок. Тебя благословляю!
Не сулила, и тщетных я надежд не питаю,
ни работы нечестной, ни наветов не знаю;

Я спокойно предвижу конец трудной дороги,
потому что в судьбе был сам строителем строгим;

из вещей рука часто мёд и желчь извлекала,
потому, что вложила желчь и мёд в них сначала,
и, сажая кусты роз, их цветы собирала.

... Цветы осенью вянут, и зима недалече,
но ведь ты не сулила, что мой май будет вечен!

Были ночи печалей и дорога крутая;
ты и не обещала мне спокойствия рая;
но была временами безмятежность святая...

Ser y no saber nada, y ser sin rumbo cierto,
y el temor de haber sido y un futuro terror...
Y el espanto seguro de estar mañana muerto,
y sufrir por la vida y por la sombra y por

lo que no conocemos y apenas sospechamos,
y la carne que tienta con sus frescos racimos,
y la tumba que aguarda con sus fúnebres ramos,

¡y no saber adónde vamos,
ni de dónde venimos!...

Amado Nervo (México)

En paz

Muy cerca de mi ocaso, yo te bendigo, vida,
porque nunca me diste ni esperanza fallida,
ni trabajos injustos, ni pena inmerecida;

porque veo al final de mi rudo camino
que yo fui el arquitecto de mi propio destino;

que si extraje las mieles o la hiel de las cosas,
fue porque en ellas puse hiel o mieles sabrosas:
cuando planté rosales, coseché siempre rosas.

...Cierto, a mis lozanías va a seguir el invierno:
¡mas tú no me dijiste que mayo fuese eterno!

Hallé sin duda largas las noches de mis penas;
mas no me prometiste tan sólo noches buenas;
y en cambio tuve algunas santamente serenas...

Я любил, был любимым, солнце грело порою.
Ничего не должна мне! И мы в мире с тобою!

Амадо Нерво (1870-1919)

Мадригал

По твоим зелёным глазам я скучаю,
сирена, из тех, что мудрый Улисс любя
опасался, я знаю.
По твоим зелёным глазам я скучаю,
по зелёным глазам твоим, что ярче дня,
но порою они печально сияют;
по зелёным глазам, что покой свой храня,
тайн полны, как надежда, что всё ж питаю;
заклиная твоими глазами, сирена, себя
я всегда спасаю.

Дельмира Агустини (1886-1914)

Невыразимое

Я странно так умираю... Не Жизнь меня убивает,
Не Смерть меня убивает, и не Любовь сейчас;
От мысли немой умираю, как раненый умирает...
Вы никогда не страдали, боль не губила вас

От мысли огромной силы, что корни в жизни пускает,
Всю душу, плоть пожирает, но не цветёт хоть раз?
Вы никогда не носили спящей звезды, что сжигает,
Вас целиком поглощает, хоть её свет погас?..

Мучеников вершина, должных нести всё время

Amé, fui amado, el sol acarició mi faz.
¡Vida, nada me debes! ¡Vida, estamos en paz!

Amado Nervo (México)

Madrigal

Por tus ojos verdes yo me perdería,
sirena de aquellas que Ulises, sagaz,
amaba y temía.
Por tus ojos verdes yo me perdería.
Por tus ojos verdes en lo que, fugaz,
brillar suele, a veces, la melancolía;
por tus ojos verdes tan llenos de paz,
misteriosos como la esperanza mía;
por tus ojos verdes, conjuro eficaz,
yo me salvaría.

Delmira Agustini (Uruguay)

Lo inefable

Yo muero extrañamente... No me mata la Vida,
No me mata la Muerte, no me mata el Amor;
Muero de un pensamiento mudo como una herida...
¿No habéis sentido nunca el extraño dolor

De un pensamiento inmenso que se arraiga en la vida
Devorando alma y carne, y no alcanza a dar flor?
¿Nunca llevasteis dentro una estrella dormida
Que os abrasaba enteros y no daba un fulgor?...

То иго, что душу сушит, то беспощадное семя,
Что, словно хищника зубы, в вашей застряло крови!..

Но, если мог бы нежданно чудный цветок проснуться,
Было бы святотатством этого чуда коснуться,
Как если б голову Бога взяли в ладони свои!

Абрахан Вальделомар (1888-1919)

Tristitia

*)

Моё детство было милым, кротким и грусти полным.
Оно давно соскользнуло в покой дальней деревни,
где чуть слышно шурша умирали лёгкие волны,
и звенел заунывно на церкви колокол древний.

От того моря мне меланхолии нота досталась,
от неба - тишина красоты его безмятежной,
от поцелуев моей матери - сладкая радость,
от смерти солнца - печали смутная нежность.

Голубым утром проснувшись, ещё не вставая,
я слушал пение волн, мелодию понимая,
ароматы дыхания моря спешил ощутить;
в душе моей живы его наставленья и чувства.

Отец мой был тихим, а мать всегда была грустной,
и никто не знал счастья, и не мог меня научить.

*) Tristitia – грусть (лат.)

Эрнесто Нобoa-и-Кааманьо (1889-1927)

Предвечернее настроение

Cumbre de los Martirios!... Llevar eternamente,
Desgarradora y árida, la trágica simiente
Clavada en las entrañas como un diente feroz!...

Pero arrancarla un día en una flor que abriera
Milagrosa, inviolable!... Ah, más grande no fuera
Tener entre las manos la cabeza de Dios!

Abrahan Valdelomar (Perú)

Tristitia

Mi infancia, que fue dulce, serena, triste y sola,
se deslizó en la paz de una aldea lejana,
entre el manso rumor con que muere una ola
y el tañer doloroso de una vieja campana.

Dábame el mar la nota de su melancolía;
el cielo, la serena quietud de su belleza;
los besos de mi madre, una dulce alegría,
y la muerte del sol, una vaga tristeza.

En la mañana azul, al despertar, sentía
el canto de las olas como una melodía
y luego el soplo denso, perfumado, del mar,
y lo que él me dijera, aún en mi alma persiste;

mi padre era callado y mi madre era triste
y la alegría nadie me la supo enseñar.

Ernesto Noboa y Caamaño (Ecuador)

Emoción Vespéral

Под вечер желание вдруг возникает
встать, уйти и уплыть куда-то бесцельно,
долго стоя на палубе корабельной
безмолвно, тихо, как день умирает;

И так по неведомым далям блуждая,
потом затеряться в пустыне без тени,
в таинственной дали морей беспредельной,
куда ещё люди дороги не знают.

Хотя хорошо ведь известно, что даже
в просторах морей за тобою, как стража,
печали последуют непременно,

Когда же мираж, тебя влѣкший, исчезнет,
то ночью, поднявшись из сизых волн бездны,
тебя соблазнят напоследок сирены.

Габриэла Мистраль (1889 - 1957)

Баллада

Он прошёл с другою;
мимо меня прошёл.
Как всегда, нежен ветер,
и на дороге покой.
Глаза мои - о, горе! -
видели, как он шёл!
Он покорён другою
на цветущей земле.
Он в боярышник входит... *)
Вот и песне конец.
Ведь он покорён другою
на цветущей земле.

Hay tardes en las que uno desearía
embarcarse y partir sin rumbo cierto,
y, silenciosamente, de algún puerto,
irse alejando mientras muere el día;

Emprender una larga travesía
y perderse después en un desierto
y misterioso mar, no descubierto
por ningún navegante todavía.

Aunque uno sepa que hasta los remotos
confines de los piélagos ignotos
le seguirá el cortejo de sus penas,

Y que, al desvanecerse el espejismo,
desde las glaucas ondas del abismo
le tentarán las últimas sirenas.

Gabriela Mistral (Chile)

Balada

El pasó con otra;
yo le vi pasar.
Siempre dulce el viento
y el camino en paz.
¡Y estos ojos míseros
le vieron pasar!
El va amando a otra
por la tierra en flor.
Ha abierto el espino;
pasa una canción.
¡Y él va amando a otra
por la tierra en flor!

Он целовался с другою
на морском берегу.
И скользила над морем
апельсином луна.
И не обагрился кровью
моею моря простор!
Он с другою, с другою
уйдёт навсегда.
Будет ласково небо,
(Бог решит промолчать),
И с другою, с другою
он уйдёт навсегда!

*) В статье, посвящённой этому стихотворению, говорится, что Габриэла Мистраль намекает на какой-то известный анекдот, в котором свидание происходит в кустах боярышника. Ниже тоже приведена метафора с сексуальным подтекстом: луна – женщина, море – мужчина. Вообще, как кажется героине стихотворения, вся природа, да и сам Бог, на стороне неверного возлюбленного. (А.Г.)

Габриэла Мистраль (1889-1957)

Ласка

Мама, ты меня целуешь,
я же больше в сотни раз,
и за роем поцелуев
рассмотреть не смог тебя...

Как в цветок пчела проникает,
Крыльями не трепещет,
сына так же ты укрываешь,
и неслышно спит дитя...

Я всегда не уставая
на тебя смотрю любя,

El besó a la otra
a orillas del mar;
resbaló en las olas
la luna de azahar.
¡Y no untó mi sangre
la extensión del mar!
El irá con otra
por la eternidad.
Habrá cielos dulces.
(Dios quiere callar)
¡Y él irá con otra
por la eternidad!

Gabriela Mistral (Chile)

Caricia

Madre, madre, tú me besas,
pero yo te beso más,
y el enjambre de mis besos
no te deja ni mirar...

Si la abeja se entra al lirio,
no se siente su aletear.
Cuando escondes a tu hijito
ni se le oye respirar...

Yo te miro, yo te miro
sin cansarme de mirar,

и в твоих глазах читаю:
этот милый мальчик - я...

Как в пруду зеркальном видно
всё, что есть вокруг сейчас,
лица дочерей и сына
отразятся в бездне глаз.

Зреньем острым наградила
сына, и ведёшь меня
следом за собой по небу,
через доли и моря...

Во время работы учителем Габриела Мистраль писала
«школьные» стихи. Это стихотворение из её книги «Нежность»
(1924).
Возможно она сочла, что одинаковая рифмовка всех строф сделала
бы его монотонным (А.Г.)

Альфонсина Сторни (1892 - 1938)

Жизнь

Мои нервы сошли с ума, в венах кипенье
крови, жидкий огонь к губам приливает,
и притворяется, улыбкой сияя,
всех ночных празднеств безумным весельем.

Я хочу смеяться без лавров мученья
и жертвы. Сегодня со мной не играют,
но я не горюю, а просто играю
с синей грустью, столь полной значенья.

Мир пульсирует; всё в нём так гармонично.
Я чувствую это и делаю личным,

y qué lindo niño veo
a tus ojos asomar...

El estanque copia todo
lo que tú mirando estás;
pero tú en las niñas tienes
a tu hijo y nada más.

Los ojitos que me diste
me los tengo de gastar
en seguirte por los valles,
por el cielo y por el mar...

Alfonsina Storni (Argentina)

Vida

Mis nervios están locos, en las venas
la sangre hierve, líquido de fuego
salta a mis labios donde finge luego
la alegría de todas las verbenas.

Tengo deseos de reír; las penas
que de donar a voluntad no alego,
hoy conmigo no juegan y yo juego
con la tristeza azul de que están llenas.

El mundo late; toda su armonía
la siento tan vibrante que hago mía

повторяя волшебную серенаду.

Просто минуту назад я окно открыла,
и с лёгким ветром, на его тонких крыльях,
весна преподнесла мне солнце в награду.

Федерико Гарсиа Лорка (1898-1936)

«Цыганское романсеро»

15

Романс о Гражданской гвардии Испании

Хуану Герреро

Черны коней их крупы,
чернее сёдел подковы,
а на плащах и куртках
чернил и воска разводы.
В их череп свинец заложен
(такой уже не заплачет),
душа - из блестящей кожи. *)
Во тьме они молча скачут.
В ночи едва различимы,
несут – без звука, без вида -
молчание тёмной резины
со страхом песка корриды.
Прносятся - путь не заказан! -
как мысли, храня по секрету
созвездья невидимых глазу
заряженных пистолетов.

*) символ Гражданской Гвардии Испании,

cuando escancio en su trova de hechicera.

Es que abrí la ventana hace un momento
y en las alas finísimas del viento
me ha traído su sol la primavera.

Federico Garcia Lorca

“Romancero gitano”

15

Romance de la Guardia Civil Española

*A Juan Guerrero.
Cónsul general de la Poesía*

Los caballos negros son.
Las herraduras son negras.
Sobre las capas relucen
manchas de tinta y de cera.
Tienen, por eso no lloran,
de plomo las calaveras.
Con el alma de charol
vienen por la carretera.
Jorobados y nocturnos,
por donde animan ordenan
silencios de goma oscura
y miedos de fina arena.
Pasan, si quieren pasar,
y ocultan en la cabeza
una vaga astronomía
de pistolas inconcretas.

жандармерии - треуголка из чёрной
лакированной кожи (Википедия)

* * *

О город цыган столичный!
На каждом углу тут флаги.
Желтеют луна и тыква,
на сладкое – вишня с малагой.
О город цыган привольный!
Всем, кто увидел, снится
мускуса город и боли,
под башнями из корицы.

* * *

Угас уже день воскресный
и ночь ночей потемнела,
цыгане в кузницах тесных
ковали солнца и стрелы.
И раненый конь в самом деле
стучался у каждой двери,
петухи стеклянные пели
под утро согласно поверью.
Дул ветер голый, горячий,
каким он родился вначале,
и серебристой ночью
ночь ночей наступала.

* * *

Иосиф Святой, Матерь Божья
цыган зовут: помогите,
где кастаньеты?! Быть может,
вы их случайно найдёте.
Идёт впереди Пресвятая

* * *

¡Oh ciudad de los gitanos!
En las esquinas banderas.
La luna y la calabaza
con las guindas en conserva.
¡Oh ciudad de los gitanos!
¿Quién te vio y no te recuerda?
Ciudad de dolor y almizcle,
con las torres de canela.

* * *

Cuando llegaba la noche,
noche que noche nochera,
los gitanos en sus fraguas
forjaban soles y flechas.
Un caballo malherido,
llamaba a todas las puertas.
Gallos de vidrio cantaban
por Jerez de la Frontera.
El viento, vuelve desnudo
la esquina de la sorpresa,
en la noche platinoche
noche, que noche nochera.

* * *

La Virgen y San José
perdieron sus castañuelas,
y buscan a los gitanos
para ver si las encuentran.

в платье из бязи в крахмале,
в фольге шоколадной ступает
и в ожерельях миндальных.
Иосиф же машет руками
под балахоном из шёлка,
и важный торговец за ними
с тремя волхвами с востока.
Сам полумесяц в азарте,
как аист, замер, не дышит,
а фонари и штандарты
уже захватили крыши.
В глуби зеркал отражаясь,
рыдают плясуньи без бёдер.
Вода и тень предвещают
цыганскому городу горе.

* * *

О город цыган! Ты слышишь?
Гаси окон свет зелёный,
сверни все флаги на крышах:
грядёт по делам оценённый!
О город цыган! Кто видел,
ты снишься до самого утра.
Вдали от моря, притихнув
ты спишь, разметавши кудри.

* * *

Они въезжают попарно,
а город весь разукрашен.
Бессмертников слабый запах
вторгается в патронташи.
Они въезжают попарно.
Внизу город в сумрак обёрнут,
а в небе пылают пожаром

La Virgen viene vestida,
con un traje de alcaldesa
de papel de chocolate
con los collares de almendras.
San José mueve los brazos
bajo una capa de seda.
Detrás va Pedro Domecq
con tres sultanes de Persia.
La media luna, soñaba
un éxtasis de cigüeña.
Estandartes y faroles
invaden las azoteas.
Por los espejos sollozan
bailarinas sin caderas.
Agua y sombra, sombra y agua
por Jerez de la Frontera.

* * *

¡Oh ciudad de los gitanos!
En las esquinas banderas.
Apaga tus verdes luces
que viene la benemérita.
¡Oh ciudad de los gitanos!
¿Quién te vio y no te recuerda?
Dejadla lejos del mar,
sin peines para sus crenchas.

* * *

Avanzan de dos en fondo
a la ciudad de la fiesta.
Un rumor de siemprevivas
invade las cañucheras.
Avanzan de dos en fondo.
Doble nocturno de tela.

блестящие звёздные шпоры.

* * *

А город страха не знает,
открыты его ворота,
и сорок гвардейцев въезжают
на поле жатвы короткой.
Но стрелки часов застыли,
коньяк в этот день весенний
глядит ноябрём в бутылках,
чтоб быть вне подозрений.
Вдруг крики, всполохи света
поднялись над флюгерами,
то сабли кромсают ветер,
в потёмках каски мелькают.
По улицам в тьме глубокой
цыганки бегут спасаясь,
ведя лошадей с собою
и медью монет бряцая.
Но вверх по уличным кручам
плащи зловещие следом,
и сабель-ножниц подручных
вращения едва заметны.

К вратам Вифлеема у храма
собрались цыгане рыдая.
Святой Иосиф изранен,
но мёртвую он обряжает.
Не колокол – ночью винтовки
трезвонят не переставая,
детей Богородица кротко
слюною звёзд исцеляет.
Разводят костры гвардейцы,
и там в пожаре и дыме
сгорают сейчас пламена

El cielo, se les antoja,
una vitrina de espuelas.

* * *

La ciudad libre de miedo,
multiplicaba sus puertas.
Cuarenta guardias civiles
entran a saco por ellas.
Los relojes se pararon,
y el coñac de las botellas
se disfrazó de noviembre
para no infundir sospechas.
Un vuelo de gritos largos
se levantó en las veletas.
Los sables cortan las brisas
que los cascos atropellan.
Por las calles de penumbra,
huyen las gitanas viejas
con los caballos dormidos
y las orzas de monedas.
Por las calles empinadas
suben las capas siniestras,
dejando atrás fugaces
remolinos de tijeras.

En el Portal de Belén
los gitanos se congregan.
San José, lleno de heridas,
amortaja a una doncella.
Tercos fusiles agudos
por toda la noche suenan.
La Virgen cura a los niños
con salivilla de estrella.
Pero la Guardia Civil
avanza sembrando hogueras,

нагие и молодые.
Стеная от жуткой боли,
сидит на пороге Роза:
ей груди клинком отрубили,
они лежат на подносе.
Бегут молодые цыганки,
за косы их ловят, за ворот,
и чёрные розы не гаснут,
их запах разносит порох.
Когда все крыши вдоль склона
на землю легли бороздами,
как камень, застыл изумлённо
рассвет, пожимая плечами.

* * *

О город цыганского рая!
Уходят гвардейцы устало,
уходят в туннель молчанья.
Лишь миг, и тебя не станет.

О город цыганский! Если
и вспомнят тебя иные,
пусть ищут тебя в моих мыслях:
луну и песок корриды.

Пояснения – см. перевод П.Ильинского
<https://magazines.gorky.media/zz/2009/19/romans-ob-ispanskoj-zhandarmerii.html>

Хорхе Луис Борхес (1899-1986)

Моменты

Если бы я мог прожить свою жизнь снова,

donde joven y desnuda
la imaginación se quema.
Rosa la de los Camborios,
gime sentada en su puerta
con sus dos pechos cortados
puestos en una bandeja.
Y otras muchachas corrían
perseguidas por sus trenzas,
en un aire donde estallan
rosas de pólvora negra.
Cuando todos los tejados
eran surcos en la tierra,
el alba meció sus hombros
en largo perfil de piedra.

* * *

¡Oh ciudad de los gitanos!
La Guardia Civil se aleja
por un túnel de silencio
mientras las llamas te cercan.

¡Oh ciudad de los gitanos!
¿Quién te vio y no te recuerda?
Que te busquen en mi frente.
Juego de luna y arena.

Jorge Luis Borges (Argentina)

Instantes

в следующий раз я постарался бы сделать больше ошибок.
Не старался бы быть таким идеальным, я бы больше расслабился.
Был бы глупее, чем я был в этой жизни,
на самом деле, я очень мало вещей воспринимал бы всерьёз.
Вёл бы себя менее гигиенично.
Я бы больше рисковал,
больше ездил,
созерцал больше закатов,
поднялся бы на большее число гор, переплыл бы больше рек.
Я посетил бы больше мест, где я никогда не был,
ел бы больше мороженого и меньше бобов,
у меня было бы больше реальных проблем и меньше
воображаемых.

Я был бы из тех людей, которые проживают разумно
и плодотворно каждую минуту своей жизни.
Конечно, у меня были бы моменты радости,
но, если бы я мог вернуться, я бы попробовал сделать так,
чтобы это были только хорошие моменты.

Ведь вы не знаете, из чего состоит жизнь:
это - только моменты; Не упустите настоящего.

Я был одним из тех, кто никогда
никуда не ходит без градусника,
бутылки с горячей водой,
зонта и парашюта;
если бы я мог начать жить снова, я бы путешествовал налегке.

Если бы я мог начать жить снова,
я бы начинал ходить босиком
вначале весны
и ходил бы босиком до конца осени.
Я бы больше катался на каруселях,
созерцал бы больше рассветов,

Si pudiera vivir nuevamente mi vida,
en la próxima trataría de cometer más errores.
No intentaría ser tan perfecto, me relajaría más.
Sería más tonto de lo que he sido,
de hecho tomaría muy pocas cosas con seriedad.
Sería menos higiénico.
Correría más riesgos,
haría más viajes,
contemplaría más atardeceres,
subiría más montañas, nadaría más ríos.
Iría a más lugares adonde nunca he ido,
comería más helados y menos habas,
tendría más problemas reales y menos imaginarios.

Yo fui una de esas personas que vivió sensata
y prolíficamente cada minuto de su vida;
claro que tuve momentos de alegría.
Pero si pudiera volver atrás trataría
de tener solamente buenos momentos.

Por si no lo saben, de eso está hecha la vida,
sólo de momentos; no te pierdas el ahora.

Yo era uno de esos que nunca
iban a ninguna parte sin un termómetro,
una bolsa de agua caliente,
un paraguas y un paracaídas;
si pudiera volver a vivir, viajaría más liviano.

Si pudiera volver a vivir
comenzaría a andar descalzo a principios
de la primavera
y seguiría descalzo hasta concluir el otoño.
Daría más vueltas en calesita,
contemplaría más amaneceres,
y jugaría con más niños,

если бы у меня была впереди другая жизнь.

Но, видите ли, мне 85 лет...
И я знаю, что умираю.

Хорхе Луис Борхес (1899–1986)

Шахматы II

Слабый король, хитроумный епископ*, ферзь злобный,
прямая ладья, пешка хитрая - вместе, всё боле
разъярясь, на битву по чёрно-белому полю
ведут за собою фигуры, что войску подобны.

Они не знают: рукою игрок, сидя удобно,
направляет движенья фигур согласно их роли.
Не знают того, что ходы целиком в его воле,
непреклонной, дающей приказы чётко, подробно.

Сам же игрок находится всё время в заключенье
(Омару принадлежит идея и предложенье)
на другой доске из белых дней и из чёрных ночей.

Бог двигает игрока, игрок ставит фигуру.
Какой бог, за богом стоящий, создал партитуру
из агонии, пыли и времени, сна и огней?

[Из немецкой поэзии](#)

Некто из Кюренберга (XII век)

[Я сокола растила](#)

si tuviera otra vez vida por delante.

Pero ya ven, tengo 85 años...
y sé que me estoy muriendo.

Jorge Luis Borges (Argentina)

Ajedrez II

Tenue rey, sesgo alfil, encarnizada
reina, torre directa y peón ladino
sobre lo negro y blanco del camino
buscan y libran su batalla armada.

No saben que la mano señalada
del jugador gobierna su destino,
no saben que un rigor adamantino
sujeta su albedrío y su jornada.

También el jugador es prisionero
(la sentencia es de Omar) de otro tablero
de negras noches y de blancos días.

Dios mueve al jugador, y éste, la pieza.
¿Qué Dios detrás de Dios la trama empieza
de polvo y tiempo y sueño y agonía?

Der von Kürenberg

Ich zog mir einen Falken

Неизвестная дама (XII век)

[Ты ведь мой, я – твоя](#)

Мартин Опиц

[Сонет XXI](#)

Пауль Флеминг

[К самому себе](#)

Андреас Грифиус

[Скорбный плач опустошённой Германии](#)

[Страдания человеческие](#)

[Всё напрасно](#)

[Вечер](#)

[К звёздам](#)

Кристиан Хофманн фон Хофмансвальдау

[Бренность красоты](#)

Маттиас Клаудиус

[Человек](#)

Иоганн Вольфганг Гёте

[Ночная песня странника II](#)

[Жил в Туле король когда-то](#)

Фридрих Шиллер

[Перчатка](#)

Unbekannte Dichterin des 12. Jahrhunderts

Du bist mein, ich bin dein

Martin Opitz

Sonnet XXI

Paul Fleming

An sich

Andreas Gryphius

Traurklage des verwüsteten Deutschlands

Menschliche Elende

Es ist alles eitell

Abend

An die Sternen

Christian Hofmann von Hofmanswaldau

Vergänglichkeit der Schönheit

Matthias Claudius

Der Mensch

Johann Wolfgang von Goethe

Wanderers Nachtlied II

Es war ein König in Thule

Friedrich Schiller

Der Handschuh

Людвиг Тик

[Где медлишь, любимый?](#)

Клеменс Брентано

[Я знаю, любишь ты во мне](#)

Людвиг Ахим фон Арним

[Как спать? Так много света](#)

Джастин Кернер

[Что тебе, то и мне](#)

Йозеф Фрайхер фон Эйхендорф

[Сломанное колечко](#)

Генрих Гейне

[Из старых сказок](#)

Николаус Ленау (1802-1850)

[Поэма «Альбигойцы» \(начало\)](#)

[К меланхолии](#)

[К ветру](#)

[Уходя \(Песня эмигранта\)](#)

[Короткие стихотворения](#)

Эдуард Мёрике

[Дерзай!](#)

Ludwig Tieck

Geliebter, wo zaudert

Clemens Brentano

Ich weiß wohl, was du liebst in mir

Ludwig Achim von Arnim

Mir ist zu licht zum Schlafen

Justinus Kerner

Wie Dir, so mir

Joseph Freiherr von Eichendorff

Das zerbrochene Ringlein

Heinrich Heine

Aus alten Märchen winkt es

Nikolaus Lenau

Das Gedicht “Die Albigenser” (der Anfang)

An die Melancholie

An den Wind

Abschied (Lied eines Auswandernden)

Kurze Gedichte

Eduard Mörike

Nur Zu!

[Подумай, о душа!](#)

Фердинанд Фрейлиграт

[Люби, пока хватает сил!](#)

Хуго фон Гофмансталь

[Двое](#)
[Что такое мир?](#)

Райнер Мария Рильке

[Осенний день](#)
[Песня нищего](#)

Вильгельм Буш

[Внешний вид и реальность](#)

* * *

Некто из Кюренберга (XII век)

Я сокола растила

Я сокола растила больше года с тем,
чтоб птицей стал ручной, послушной мне совсем;
и обвила я перья лентой ему золотой, -
он вихрем взвился в воздух и в край умчался другой.

Могла им любоваться я недолго;
Блестели в небе ярко петельки шёлка.
Он, золотом сияя, солнце мне смог затмить...

Denk es, o Seele!

Ferdinand Freiligrath

O lieb', solange du lieben kannst!..

Hugo von Hofmannsthal

Die beiden
Was ist die Welt?

Rainer Maria Rilke

Herbsttag
Das Lied des Bettlers

Wilhelm Busch

Schein und Sein

* * *

Der von Kürenberg

Ich zog mir einen Falken

Ich zog mir einen Falken länger als ein Jahr.
Als er von mir gezähmt und mir zu Wunsche war
und ich um sein Gefieder goldene Bänder wand,
steil stieg er in die Lüfte und flog in andere Land.

Fortan sah ich den Falken herrlich schwingen;
er trug an seinem Fuße seidene Schlingen,
es glänzte sein Gefieder um und um von Gold.

С тем, по кому тоскую, дай, Боже, вместе быть!

Некто из Кюренберга, старейший из поэтов «дунайской любовной поэзии», не известный по имени, жил примерно в середине 12 века. Вероятно, он был австрийцем из рыцарского рода из области к западу от Линца на Дунае. Песни, возможно, написаны в 1150 году или вскоре после этого. Он считается старейшим из известных нам миннезингеров.

Источник: ©Reclam 1993 Немецкие стихотворения
средневековья Избрано, переведено и объяснено
©UlrichMüller/©Gerlinde Weiss

Неизвестная дама (XII век)

Ты ведь мой, я – твоя

Ты ведь мой, я – твоя.
Знай твёрдо: у меня
Заперт ты в сердце.
Закрыта дверца,
И ключик сыскать нельзя.
Ты там до последнего дня.

Из примечания Йенса Вальтера Хекманна на сайте
<https://www.staff.uni-mainz.de/pommeren/Gedichte/dubistmin.html> :

Стихотворение находится в конце письма, написанного на латыни, от высокопоставленной дамы к ее учителю, священнослужителю. Тема письма: «Дружба». В предыдущем письме священник ухаживает за дамой, но она явно отвергает его в третьем письме — очевидно, она имела в виду более платонические отношения. Все три письма происходят из собрания писем Веринхера фон Тегернзее, дошедшего до нас в рукописи, написанной около 1200 г. (сегодня в библиотеке Мюнхенского университета, Codex lat. 19411). В остальном автор неизвестен.

Gott sende sie zusammen, die sich sehnüchtig hold.

Unbekannte Dichterin des 12. Jahrhunderts

Du bist mein, ich bin dein

Du bist mein, ich bin dein.
Dessen sollst du gewiss sein.
Du bist eingeschlossen,
in meinem Herzen,
verloren ist das Schlüsselchen.
Du musst auch für immer darin bleiben.

Мартин Опиц (1597-1639)

Сонет XXI

Франческо Петрарке

Если любовь – ничто, то почему пылаю?
А если есть, то что – каприз или ремесло?
Если любовь – добро, откуда в страсти зло?
А если не добро, что ж радость ощущаю?

Любить свободен я? Зачем же боль терплю я?
А если принуждён, что толку так скорбеть?
И если не хочу, кто может мне велеть?
Но если жажду я, на что же негодую?

Колеблюсь, как трава под ветром в час вечерний,
Когда меж облаков свет гаснет в небесах.
Мечусь я, как корабль в бушующих волнах;

Как он, к причалу путь найти не в силах верный.
Чего хочу, как знать? Что знаю – не по мне.
Я мёрзну в летний день, зимою – как в огне.

Пауль Флеминг (1609-1640)

К самому себе

И всё ж бесстрашен будь и щедр (но меру зная).
Будь счастлив тем, что есть, и зависть презирай.
Есть повод – веселись; в беде не унывай,
удачу, место, день виновником считая.

Martin Opitz

Sonnet XXI

Francisci Petrarchae

Ist Liebe lauter nichts, wie dass sie mich entzuendet?
Ist sie dann gleichwohl was, wem ist ihr Tun bewusst?
Ist sie auch gut und recht, wie bring sie boese?
Ist sie nicht gut, wie dass man Freud' aus ihr empfindet?

Lieb' ich ohn allen Zwang? Wie kann ich schmerzen tragen?
Muss ich es tun, was hilft's, dass ich solch Trauren fuehr'?
Heb' ich es ungern an, wer dann befiehlt es mir?
Tue ich es aber gern, um was hab' ich zu klagen?

Ich wanke, wie das Gras, so von den kuehlen Winden
Um Vesperzeit bald hin geneiget wird, bald her:
Ich walle wie ein Schiff, da durch das wilde Meer

Von Wellen umgejagt nicht kann zu Rande finden.
Ich weiss nicht was ich will, ich will nicht was ich weiss:
Im Sommer ist mir kalt, im Winter ist mir heiss.

Paul Fleming

An sich

Sei dennoch unverzagt! Gib dennoch unverloren!
Weich keinem Glücke nicht, steh höher als der Neid,
vergnüge dich an dir und acht es für kein Leid,
hat sich gleich wider dich Glück, Ort und Zeit verschworen.

Ведь всё предрешено, и, это понимая,
что толку сожалеть? Что можешь, выполняя
и от других людей команд не ожидай;
грядущий день встречай, надежды не теряя.

Что нам хвалить, хулить и обвинять, ты знаешь?
И счастье, и беду ищи в себе самом.
Тщеславные мечты... Да что нам толку в том?

Не взвесив, не спеши, чтоб не жалеть потом.
Но, если сам собой умело управляешь,
тогда в твоих руках весь мир и всё, что в нём.

Андреас Грифиус (1616-1664)

Скорбный плач опустошённой Германии

Нам жить уже невмочь и даже хуже стало.
Народов буйных сброд и рёв трубы взбешённой,
От крови жирный меч, гром пушек, войск колонны...
Похищены труд, пот; что было, всё пропало.

Огонь, убийства, мор, и добродетель пала.
Бесчестье жён и дев, собор дотла сожжённый,
Разбиты сильные, взор видит удручённый:
Меж градом и стеной, меж шанцами и валом

Течёт потоком кровь; ум, сердце не сберечь.
Лет трижды шесть прошло как реки медлят течь
Не в силах унести жертв этих дней печали.

Не говоря о том, что голода страшней
(Расскажет Страсбург вам), что хуже всех смертей -
Сокровища души у нас враги отняли.

Was dich betrübt und labt, halt alles für erkoren;
nimm dein Verhängnis an. Laß alles unbereut.
Tu, was getan muß sein, und eh man dir's gebeut.
Was du noch hoffen kannst, das wird noch stets geboren.

Was klagt, was lobt man noch? Sein Unglück und sein Glücke
ist ihm ein jeder selbst. Schau alle Sachen an:
dies alles ist in dir. Laß deinen eitlen Wahn,

und eh du fürder gehst, so geh in dich zurücke.
Wer sein selbst Meister ist und sich beherrschen kann,
dem ist die weite Welt und alles untertan.

Andreas Gryphius

Traurklage des verwüsteten Deutschlands

Wir sind doch nunmehr ganz, ja mehr als ganz verdorben.
Der frechen Völker Schar, die rasende Posaun,
Das vom Blut feiste Schwert, die donnernde Kartaun,
Holt' alles dies hinweg, was mancher saur erworben.

Die alte Redlichkeit und Tugend ist gestorben,
Die Kirchen sind verheert, die Starken umgehaun,
Die Jungfrau sind geschänd', und wo wir hin nur schau
Ist Feur, Pest, Mord und Tod. Hier zwischen Schanz und Korben,

Dort zwischen Maur und Stadt, rinnt allzeit frisches Blut.
Dreimal sind schon sechs Jahr, als unser Ströme Flut
Von so viel Leichen schwer, sich langsam fortgedrungen.

Ich schweige noch von dem, was stärker als der Tod,
Du, Strassburg, weisst es wohl, der grimmen Hungersnot,
Und dass der Seelenschatz gar vielen abgezwungen.

Это перевод первой версии сонета (год издания 1637).
Андреас Грифиус написал несколько версий. Наиболее известна
вторая версия (1643 года) под названием «Слёзы отечества»
(см. статью Г.В.Синило на <https://textarchive.ru/c-2805896.html>
и перевод Л.В.Гинзбурга)

Андреас Грифиус (1616-1664)

Страдания человеческие

Так что мы, люди, есть? Жилище мрачной боли,
Удачи ложной бал, мы – отблеск наших дней,
Мы – сцена, где печаль и острый страх видней,
Мы - талый снег, огарки свеч - не боле.

Как шутки, сплетни, жизнь – лишь миг земной юдоли,
А слабых тел покров - наряд немногих дней.
И в Книгу Мёртвых мы - вместилища страстей,
Умов - уж внесены, покорны общей доле.

Как тщетная мечта забвенья избежит?
Что дышит, то умрёт. Всё время истребит.
Исчезнет имя, честь и всё, что сердцу мило.
А времени поток ничем не удержим.
Что говорить! Лишь миг – уйдём, как с ветром дым.
Что будет после нас, в свой срок уйдёт в могилу.

Андреас Грифиус (1616-1664)

Всё напрасно

Всё, что ни есть вокруг, тщета на самом деле.
Всё, что построено, не стоило труда:

Andreas Gryphius

Menschliche Elende

Was sind wir Menschen doch! Ein Wohnhaus grimmer Schmerzen,
Ein Ball des falschen Glücks, ein Irrlicht dieser Zeit,
Ein Schauplatz herber Angst, besetzt mit scharfem Leid,
Ein bald verschmelzter Schnee und abgebrannte Kerzen.

Dies Leben fleucht davon wie ein Geschwätz und Scherzen.
Die vor uns abgelegt des schwachen Leibes Kleid
Und in das Toten-Buch der großen Sterblichkeit
Längst eingeschrieben sind, sind uns aus Sinn und Herzen.

Gleich wie ein eitel Traum leicht aus der acht hinfällt
Und wie ein Strom verscheußt, den keine Macht aufhält,
So muß auch unser Nam, Lob, Ehr und Ruhm verschwinden.
Was itzund Athem holt, muß mit der Luft entfliehn,
Was nach uns kommen wird, wird uns ins Grab nachziehn.
Was sag ich? Wir vergehn wie Rauch von starken Winden.

Andreas Gryphius

Es ist alles eitel

Du siehst, wohin du siehst, nur Eitelkeit auf Erden.
Was dieser heute baut, reißt jener morgen ein;

Там завтра будет луг, где ныне города,
И пастушок пройдёт, играя на свирели;

То, что вчера цвело, уже сорвать успели;
Костями и пеплом стать - на всех одна беда;
Ничто не вечно здесь - ни мрамор, ни руда.
Сегодня счастлив ты, а завтра дышишь еле.

Великие дела? Их слава – краткий сон.
О слабый человек, к чему игра времён?
Ах, что есть то, что мы считаем драгоценным? -

Лишь суета сует, лишь ветер, пыль и тень,
Как луговой цветок, что цвёл один лишь день!
Но люди заняты не вечным, только бrenным.

Андреас Грифиус (1616-1664)

Вечер

Лишь миг и ми́нул день. Вот ночь, подняв свой стяг,
Ведёт армады звёзд. От ремесла и поля
Ушёл усталый люд; зверей и птиц нет боле,
Пустыня лишь и скорбь. О время, скор твой шаг!

Всё ближе к нам причал. Сколь краток путь во мрак!
Как ныне свет угас, уйдут года, и вскоре
Я, ты и всё вокруг, подвластно общей доле,
Исчезнет. Жизнь – забег, где выжить трудно так.

Избавь меня, Господь, от гонки и от краха,
От жажды многих благ, от славы и от страха!

Wo jetzund Städte stehn, wird eine Wiese sein,
Auf der ein Schäferskind wird spielen mit den Herden;

Was jetzund prächtig blüht, soll bald zertreten werden;
Was jetzt so pocht und trotzt, ist morgen Asch und Bein;
Nichts ist, das ewig sei, kein Erz, kein Marmorstein.
Jetzt lacht das Glück uns an, bald donnern die Beschwerden.

Der hohen Taten Ruhm muß wie ein Traum vergehn.
Soll denn das Spiel der Zeit, der leichte Mensch, bestehn? Ach, was ist
alles dies, was wir für köstlich achten,

Als schlechte Nichtigkeit, als Schatten, Staub und Wind,
Als eine Wiesenblum, die man nicht wieder find't!
Noch will, was ewig ist, kein einig Mensch betrachten.

Andreas Gryphius

Abend

Der schnelle Tag ist hin; die Nacht schwingt ihre Fahn
Und führt die Sternen auf. Der Menschen müde Scharen
Verlassen Feld und Werk; wo Tier und Vögel waren,
Trauert jetzt die Einsamkeit. Wie ist die Zeit, vertan!

Der Port naht mehr und mehr sich zu der Glieder Kahn.
Gleich wie dies Licht verfiel, so wird in wenig Jahren
Ich, du, und was man hat, und was man sieht, hinfahren.
Dies Leben kömmt mir vor als eine Rennebahn.

Lass, höchster Gott! mich doch nicht auf dem Laufplatz gleiten!
Lass mich nicht Ach, nicht Pracht, nicht Lust, nicht Angst verleiten!
Dein ewig heller Glanz sei vor und neben mir!

Твоё сияние да будет век со мной!

И вечером в тот день, когда мой час настанет,
И тело вдруг замрёт, пускай душа воспрянет!
Возьми меня к Себе из темноты земной!

Laß, wenn der müde Leib entschläft, die Seele wachen,
Und wenn der letzte Tag wird mit mir Abend machen,
So reiß mich aus dem Tal der Finsternis zu dir!

Из «Википедии» [https://de.wikipedia.org/wiki/Abend_\(Gryphius\)](https://de.wikipedia.org/wiki/Abend_(Gryphius)) :

«**Вечер**» — сонет Андреаса Грифиуса , одно из самых известных его стихотворений, признанный поэтический шедевр. Впервые он был опубликован в 1650 году во Франкфурте-на-Майне в сборнике сонетов Грифиуса Das Ander Buch. Именно там, после «Утреннего сонета » и «Полуденного сонета», третий из четырех сонетов временного цикла, открывает книгу...

Грифиус лишь изредка упоминает своего силезского соотечественника Мартина Опица, который в 1624 году своей книгой «Von der Deutschen Poeterey» поставил на новую основу немецкоязычную поэзию . Однако уже в 1637 году он буквально следовал инструкциям Опица в своей первой книге стихов « Сонеты Лиссаера». Таким образом, как и большинство сонетов Грифиуса, «Abend» написан александрийским стихом, рекомендованным Опицем... Было высказано мнение, что в «Вечере» «использование александрийских стихов доведено до виртуозности».

Вечер приносит не передышку, а пугающее осознание бренности этой жизни и мольбу о спасении от мрака смертного. Стихотворение своими 14 строками проходит путь, по которому проходит личность («я», «мир») и человечество («люди, усталая стая») после утраты божественного света («Быстрый день ушел») на «беговой дорожке», пока Бог снова не будет найден ими.

Согласно Шиндлеру, в «Вечере» человек находится во власти быстротечности не только как индивидуум, а как существо, вместе со всем творением, сложным и неотличимым от него. Ни тема, ни отношение поэта к быстротечности не новы, но Грифиус

разработал тему и ответ чутко, образно и красноречиво. Стихотворение начинается с наблюдения за природой. С наступлением ночи все живое уходит. Но сонет ни в коем случае не является упражнением в пейзажной живописи. Скорее, это оценка шаткости положения человека в мире, его нахождения во власти, которую Грифиус, пожалуй, переживал глубже и болезненнее, чем большинство его современников.

Второй катрен распространяет символизм «вечера» и «времени» на продолжительность человеческой жизни. Знаменитая первая строка его снова является символом: «Порт все более и более приближается к кораблю». Что уникально в «Вечере», так это изменение реального направления движения. Не корабль подходит к порту, а порт подходит к кораблю. Смерть неумолимо приближается к человеку.

Затем следует с захватывающей дух внезапностью ... неожиданный, дерзкий образ, контрастирующий по своему повседневному языку с возвышенным поэтическим стилем перед ним: «Эта жизнь кажется мне беговой дорожкой».

Поспешность, вошедшая в стихотворение с «быстрым днем» и завершающаяся в образе беговой дорожки, влияет и на звук, на скорость чтения. «Ни один другой сонет Грифиуса не производит подобного впечатления измученного человека». Обилие односложных слов, почти исключительно с короткими гласными, заставляют читать стаккато :...В «Вечере» на 102 односложных слова приходится всего 34 многосложных слова...

В «Вечере» Грифиус связывает воедино катрены и терцеты (беговая дорожка – не дай мне умереть на бегу).

Являясь частью эфемерного и изменчивого мира, человек у Грифиуса не стремится действовать и навязывать миру свою волю; скорее, на него действуют силы, находящиеся вне его влияния. Надежда на помощь, поддержка храбрости, в которой он нуждается, надежда на спасение в загробном мире исходят только от Бога...

Визуальное переживание сумерек переводится в его аллегорическое значение, а именно, в быстротечность жизни — оно проходит так же быстро, как свет дня... Германист и теолог Ганс-Рюдигер Шваб писал во Франкфуртской антологии: «Если из бушующей повсюду быстротечности можно было вывести страстное обращение к настоящему, к предельному переживанию мгновения, то у Грифиуса об этом не может быть и речи для тех, кто умеет расшифровывать смысл вещей, как о необоснованной иллюзии. Является ли это своего рода спиритуалистическим мировым отрицанием? Скорее это попытка держаться на непоколебимой дистанции от всего, что приводит в движение неконтролируемые аффекты, иметь опьяняющее, мужественное самообладание. «Вечер» Грифиуса — стихотворение, пришедшее издалека. Как ни странно, несмотря на стилистическую условность своей эпохи, оно передает трогательную ауру как бы преодолеваемого отчаяния, хладнокровия посреди катастрофы».

Андреас Грифиус (1616-1664)

К звёздам

XXXVI

О яркие огни, как я люблюсь вами!
Сквозь ночь и тучи мне, как факел, шлёте свет,
Горите, как алмаз чистейший, сотни лет
И на лугах небес красуетесь цветами.

Миры, что создал Бог, храните вы веками!
Он белизне самой дал имя, блеск и цвет;
Лишь у Него весы, лишь у Него ответ.
(Мы, смертные - слепцы, ну что мы можем сами!)

Гаранты светлых чувств, не вашей ли игрой
Я очарован был всегда во тьме ночной?
О вестники времён! Когда же мне судьбою

Andreas Gryphius

An die Sternen

XXXVI

Ihr Lichter die ich nicht auff Erden satt kann schauen
Ihr Fackeln die ihr Nacht und schwartze Wolcken trennt
Als Diamante spilt und ohn Aufffhören brennt;
Ihr Blumen die ihr schmückt des grossen Himmels Auen:

Ihr Wächter die als Gott die Welt auff-wolte-bauen;
Sein Wort die Weißheit selbst mit rechten Namen nennt
Die Gott allein recht misst die Gott allein recht kennt.
(Wir blinden Sterblichen! was wollen wir uns trauen!)

Ihr Bürgen meiner Lust wie manche schöne Nacht
Hab ich in dem ich euch betrachtete gewacht?

Назначен будет срок, вас память сохранит.
Не вас ли, чья любовь мне сердце пламенит,
Свободный от забот увижу под собою?

Кристиан Хофманн фон Хофмансвальдау (1616-1679)

Бренность красоты

Рукой холодной смерть тебя в какой-то срок
Коснётся, наконец, грудь нежную лаская,
Прекрасных губ коралл померкнет увядая,
Где плеч был тёплый снег, теперь сырой песок.

И яркий блеск очей, и сила юных рук
Со временем уйдут слабея, исчезая,
Сияющих волос корона золотая,
Тускнея день за днём, вся сморщится в клубок.

Прекрасных жестов рой и лёгкий шаг степенный -
Всё превратится в прах и в небыль постепенно,
И красоты твоей забудут божество.

Лишь сердце устоять твоё всегда способно,
По прочности оно алмазу лишь подобно,
Природа таковым задумала его.

Маттиас Клаудиус (1740-1815)

Человек

Рождённый и возвращённый
подросток, увидел свет,

Herolden dieser Zeit wenn wird es doch geschehen

Daß ich der euer nicht allhier vergessen kan
Euch derer Libe mir steckt Hertz und Geister an
Von andern Sorgen frey werd unter mir beschen?

Christian Hofmann von Hofmanswaldau

Vergänglichkeit der Schönheit

Es wird der bleiche Tod mit seiner kalten Hand
Dir endlich mit der Zeit um deine Brüste streichen,
Der liebliche Korall der Lippen wird verbleichen;
Der Schultern warmer Schnee wird werden kalter Sand,

Der Augen süßer Blitz, die Kräfte deiner Hand,
Für welchen solches fällt, die werden zeitlich weichen,
Das Haar, das itzund kann des Goldes Glanz erreichen,
Tilgt endlich Tag und Jahr als ein gemeines.

Der wohlgesetzte Fuß, die lieblichen Gebärden,
Die werden teils zu Staub, teils nichts und nichtig werden,
Denn opfert keiner mehr der Gottheit deiner Pracht.

Dies und noch mehr als dies muss endlich untergehen,
Dein Herze kann allein zu aller Zeit bestehen,
Dieweil es die Natur aus Diamant gemacht.

Matthias Claudius

Der Mensch

Empfangen und genähret
vom Weibe wunderbar,

но знать определённо,
где правда – силы нет;
влюблённый, вожделенный
готов всплакнуть в жилет;
и чтимый, и презренный -
то рад, то слаб от бед -
он изучает денно
и ночью смысл примет,
он строит, рушит стены,
стремясь найти ответ,
ест, спит и постепенно -
шатен, а после сед -
он проживёт отменно
аж восемьдесят лет.
А напоследок рядом с праотцами
уснёт, простившись с нами.

Иоганн Вольфганг Гёте (1749-1832)

Ночная песня странника II

На вершинах горных
Покой.
В древесных кронах
Никакой
Не ощутишь дрожи.
Замолкли в лесу птичьи хоры.
Жди, обретёшь скоро
Свой покой тоже.

P.S. О «тайне» этого стихотворения сатья на этом сайте
«Вершины Гёте и Лермонтова»

Й.-В. Гёте

kömmt er und sieht und höret
und nimmt des Trugs nicht wahr;
gelüstet und begehret
und bringt sein Tränlein dar;
verachtet und verehret;
hat Freude und Gefahr;
glaubt, zweifelt, wähnt und lehret,
hält nichts und alles wahr;
erbauet und zerstöret
und quält sich immerdar;
schläft, wachet, wächst und zehret;
trägt braun und graues Haar,
und alles dieses währet,
wenn's hoch kommt, achtzig Jahr.
Dann legt er sich zu seinen Vätern nieder,
und er kömmt nimmer wieder.

Johann Wolfgang von Goethe

Wanderers Nachtlied II

Über allen Gipfeln
Ist Ruh,
In allen Wipfeln
Spürest du
Kaum einen Hauch;
Die Vögelein schweigen im Walde.
Warte nur, balde
Ruhest du auch.

J.-W. Goethe

Жил в Туле король когда-то
(песня Гретхен, «Фауст» ч.1, сцена 7)

Жил в Туле король когда-то,
Любимой верен был
Умершей; кубок из злата,
Её он дар хранил.

И, что бы ни случилось,
На каждом пиру всегда
Лицо его озарялось,
Он пил из кубка до дна.

Когда же смерть подкралась,
Он города сосчитал,
Сынам вручил, лишь малость -
Тот кубок не отдал.

Пируя одиноко
Средь рыцарей своих,
В замке дедов высоком
У самых волн морских

Выпил старый пьянчуга
Последний жизни глоток
И бросил священный кубок
Вниз, где бурлил поток.

Он видел: до верху полный
Кубок скрыла вода;
Сомкнулись веки, как волны;
Больше не пил никогда.

P.S. Комментарии к переводу см. в разделе «О стихах Рильке...»
этого сайта

Es war ein König in Thule

Es war ein König in Thule
Gar treu bis an das Grab,
Dem sterbend seine Buhle
Einen goldnen Becher gab.

Es ging ihm nichts darüber,
Er leert ihn jeden Schmaus;
Die Augen gingen ihm über,
So oft er trank daraus.

Und als er kam zu sterben,
Zählt' er seine Städt' im Reich,
Gönnt' alles seinem Erben,
Den Becher nicht zugleich.

Er saß beym Königsmahle,
Die Ritter um ihn her,
Auf hohem Väter-Saale,
Dort auf dem Schloß am Meer.

Dort stand der alte Zecher,
Trank letzte Lebensgluth,
Und warf den heiligen Becher
Hinunter in die Fluth.

Er sah ihn stürzen, trinken
Und sinken tief ins Meer,
Die Augen thäten ihm sinken,
Trank nie einen Tropfen mehr.

Фридрих Шиллер (1759-1805)**Перчатка**

Перед зверинцем сидя,
 Занятный бой предвидя,
 Король Франциск молчал.
 Вокруг – вся знать короны
 И дамы на балконе;
 Двор развлечения ждал.

Он знак даёт. И ограда
 Раздвинута, оттуда
 Раскрыв в зевоте ужасный зев,
 Выходит лев.
 Глядит кругом,
 Потом
 Встряхнувши гривой,
 Потянулся лениво;
 Привстал и разом
 Ложится наземь.

Вновь король машет с приказом,
 И из ворот других
 В арены круг
 Быстрый, как вихрь,
 Тут тигр огромный
 Влетает вдруг.
 Когда ж он увидел льва,
 Зарычал сперва,
 Взвил мощный хвост,
 Встал во весь рост,

Friedrich Schiller**Der Handschuh**

Vor seinem Löwengarten,
 Das Kampfspiel zu erwarten,
 Saß König Franz,
 Und um ihn die Großen der Krone,
 Und rings auf hohem Balkone
 Die Damen in schönem Kranz.

Und wie er winkt mit dem Finger,
 Auftut sich der weite Zwinger,
 Und hinein mit bedächtigem Schritt
 Ein Löwe tritt,
 Und sieht sich stumm
 Rings um,
 Mit langem Gähnen,
 Und schüttelt die Mähnen,
 Und streckt die Glieder,
 Und legt sich nieder.

Und der König winkt wieder,
 Da öffnet sich behend
 Ein zweites Tor,
 Daraus rennt
 Mit wildem Sprunge
 Ein Tiger hervor,
 Wie der den Löwen erschaut,
 Brüllt er laut,
 Schlägt mit dem Schweif
 Einen furchtbaren Reif,

Но пошёл бесшумный,
Ворча тихо, как только можно,
Вокруг льва осторожно,
Хоть сам не робок.
А потом лёг набок -
Не так уж страшен.

Вот король вновь машет,
И опять открывается ограда,
Врываются два леопарда
И, увидев тигра перед собой,
Бросаются в бой.
Но с тигром им лучше было б не драться.
Теперь лев с рёвом встаёт.
Все замирают. Лев идёт,
За ним тигр шагает;
И, злобой пылая,
Ужасные кошки ложатся.

Тут с балкона упала вниз
Перчатка (женский каприз),
И упала точно притом
Меж тигром и львом.

И Делоржу рыцарю говорит с ухмылкой
Прекрасная Кунигунда властно:
«Рыцарь, если Ваша любовь так пылка,
Как Вы клянётесь мне ежечасно,
То поднимите для меня перчатку».

Крепко сжав меча рукоятку,
Рыцарь вниз сбегает; дверь открывает
И, твёрдым шагом
Пройдя среди чудовищ, разом
Перчатку смелой рукой поднимает.

Und recket die Zunge,
Und im Kreise scheu
Umgeht er den Leu
Grimmig schnurrend,
Drauf streckt er sich murrend
Zur Seite nieder.

Und der König winkt wieder,
Da speit das doppelt geöffnete Haus
Zwei Leoparden auf einmal aus,
Die stürzen mit mutiger Kampfbegier
Auf das Tigertier,
Das packt sie mit seinen grimmigen Tatzen,
Und der Leu mit Gebrüll
Richtet sich auf, da wirds still,
Und herum im Kreis,
Von Mordsucht heiß,
Lagern sich die greulichen Katzen.

Da fällt von des Altans Rand
Ein Handschuh von schöner Hand
Zwischen den Tiger und den Leun
Mitten hinein.

Und zu Ritter Delorges spottenderweis
Wendet sich Fräulein Kunigund:
„Herr Ritter, ist Eure Lieb so heiß
Wie Ihr mirs schwört zu jeder Stund,
Ei so hebt mir den Handschuh auf.“

Und der Ritter in schnellem Lauf
Steigt hinab in den furchtbarn Zwinger
Mit festem Schritte,
Und aus der Ungeheuer Mitte
Nimmt er den Handschuh mit keckem Finger.

С изумленьем следят за драмой
Сверху рыцари, знатные дамы.
Он перчатку спокойно несёт.
И каждый при этом рыцаря славит,
С нежным, любящим взглядом его
Кунигунда радостно ждёт,
Чтоб принять перчатку, но, вместо того,
Он в лицо ей перчатку бросает сам:
«**Благодарность мне не нужна, мадам**».
И тотчас её оставил.

Людвиг Тик (1773-1853)

Где медлишь, любимый?

Где медлишь, любимый?
Приди же скорей!
Любовью томимый
Поёт соловей.

Как свет золотистый,
Сияя в окне,
С мечтой шёпот листьев
Струится ко мне.

Ты знаешь, как в полной
Желаний и мук
Груди сердцу больно
Становится вдруг?

Лети ко мне, милый,
Спаси для себя,
Из ночи постылой
Умчимся любя.

Und mit Erstaunen und mit Grauen
Sehens die Ritter und Edelfrauen,
Und gelassen bringt er den Handschuh zurück,
Da schallt ihm sein Lob aus jedem Munde,
Aber mit zärtlichem Liebesblick -
Er verheißt ihm sein nahes Glück -
Empfängt ihn Fräulein Kunigunde.
Und er wirft ihr den ***Handschuh*** ins Gesicht:
„**Den Dank, Dame, begehrt ich nicht**“,
Und verläßt sie zur selben Stunde.

Ludwig Tieck

Geliebter, wo zaudert

Geliebter, wo zaudert
Dein irrender Fuß?
Die Nachtigall plaudert
Von Sehnsucht und Kuß.

Es flüstern die Bäume
Im goldenen Schein,
Es schlüpfen mir Träume
Zum Fenster hinein.

Ach! kennst du das Schmachten
Der klopfenden Brust?
Dies Sinnen und Trachten
Voll Qual und voll Lust?

Beflügle die Eile
Und rette mich dir,
Bei nächtlicher Weile
Entfliehn wir von hier.

Вот парус над нами,
И даль не страшна,
Ведь там, за волнами
Родная страна.

Всё дальше отчизна?
Гонись же за ней!
Любовь в нашей жизни
Рассудка сильнее.

О, как сладострастна
Морская волна!
Ведь с нами согласна,
Конечно, она.

Так кто с нею спорит?
Она нас зовёт!
И знает, что вскоре
Любовь доплывёт.

Клеменс Брентано (1778-1842)

Я знаю, любишь ты во мне

Я знаю, любишь ты во мне
На миг не гаснущий пожар,
Надёжно скрытый в глубине
Желания волшебный дар.
И хоть в скале меня запри,
Мой зов из мозга, из груди
К тебе дойдёт: приди, приди
Ко мне! Живи, люби, умри...

Должна, должна!

Die Segel, sie schwellen,
Die Furcht ist nur Tand:
Dort, jenseit den Wellen
Ist väterlich Land.

Die Heimat entfliehet,
So fahre sie hin!
Die Liebe, sie ziehet
Gewaltig den Sinn.

Horch! wollüstig klingen
Die Wellen im Meer,
Sie hüpfen und springen
Mutwillig einher,

Und sollten sie klagen?
Sie rufen nach dir!
Sie wissen, sie tragen
Die Liebe von hier.

Clemens Brentano

Ich weiß wohl, was du liebst in mir

Ich weiß wohl, was du liebst in mir –
Es ist die Glut in meiner Brust –
Es ist die zauberhafte Zier,
Der tief geheimen innern Lust,
Die strahlt aus mir, und ruft zu dir:
Schließ mich in einen Felsenstein,
So ruf ich doch durch Mark und Bein!
Komm, lebe, liebe, stirb bei mir -

Du mußt, du mußt.

Людвиг Ахим фон Арним (1781-1831)

Как спать? Так много света

Как спать? Так много света,
День прогоняет ночь,
Душа тиха, согрета,
От счастья спать невмочь.

Вложил всю душу разом
Я в первый поцелуй.
Так что ж терзает разум?
Ей хорошо со мной?

Она, я знаю, тоже
Доверилась губам.
Как это всё, о Боже,
Скажи, досталось нам?

На что смотреть, что делать?
Ах, всё лишь в ней одной.
Чего желать - мир целый?
Ведь всё уже со мной.

Она - моя, я знаю,
И счастье в ней моё.
И чувства расцветают
В восторге от неё.

Джастин Кернер (1786-1867)

Что тебе, то и мне

Ludwig Achim von Arnim

Mir ist zu licht zum Schlafen

Mir ist zu licht zum Schlafen,
Der Tag bricht in die Nacht,
Die Seele ruht im Hafen,
Ich bin so froh erwacht.

Ich hauchte meine Seele
Im ersten Kusse aus,
Was ist's, daß ich mich quäle
Ob sie auch fand ein Haus.

Sie hat es wohl gefunden
Auf ihren Lippen schön,
O welche sel'ge Stunden,
Wie ist mir so geschehn!

Was soll ich nun noch sehen?
Ach, alles ist in ihr.
Was fühlen, was erleben?
Es ward ja alles mir.

Ich habe was zu sinnen,
Ich hab', was mich beglückt:
In allen meinen Sinnen
Bin ich von ihr entzückt.

Justinus Kerner

Wie Dir, so mir

Что случилось с тобой, то и со мной случится,
Только там, где ты есть, я хочу очутиться:
Только пока ты есть, я ещё существую,
Если ты ночью скрыта, в ночи я блуждаю,
Если больно тебе, мучаюсь и тоскую.
Жить в разлуке с тобой я и не помышляю,
К тебе, к тебе одной только лететь хочу я!

Йозеф Фрайхер фон Эйхендорф (1788-1857)

Сломанное колечко

Вот колесо на скате
Кружится, как юла,
Любимая когда-то
На мельнице жила.

Кольцо мне подарила,
Но вот, в конце концов,
Любви не сохранила,
И лопнуло кольцо.

От дома к дому стану
С шарманкой я бродить,
Чтоб песни петь - и рану,
И струны беречь.

И я хотел бы очень
В бою сражённым быть
И в поле тёмной ночью
Среди пожаров стыть.

А колесо кружится...
Чего ещё, мой друг?

Wie Dir geschah, so solls auch mir geschehn,
Nur wo Du hinkamst, will auch ich hingehn:
Ich will ins Licht nur, wirst im Licht Du sein,
Bist Du in Nacht, so will ich in die Nacht,
Bist Du in Pein, so will ich in die Pein.
Von Dir getrennt hab ich mich nie gedacht,
Zu Dir, zu Dir will ich allein, allein!

Joseph Freiherr von Eichendorff

Das zerbrochene Ringlein

In einem kühlen Grunde
Da geht ein Mühlenrad,
Mein Liebste ist verschwunden,
Die dort gewohnt hat.

Sie hat mir Treu versprochen,
Gab mir ein'n Ring dabei,
Sie hat die Treu gebrochen,
Mein Ringlein sprang entzwei.

Ich möcht als Spielmann reisen
Weit in die Welt hinaus,
Und singen meine Weisen,
Und gehn von Haus zu Haus.

Ich möcht als Reiter fliegen
Wohl in die blut'ge Schlacht,
Um stille Feuer liegen
Im Feld bei dunkler Nacht.

Hör ich das Mühlrad gehen:
Ich weiß nicht, was ich will –

Уснуть навек. Пусть снится,
Что стало тихо вдруг.

Генрих Гейне

Из старых сказок

Из старых сказок наших
Мне белою рукой
Взывая кто-то машет,
Манит в мир чудный свой:

Цветы перед закатом
В сиянье золотом
Пленяют ароматом,
Сияющим лицом;

Деревья напевают
Сказанья прежних лет,
И стаи птиц порхают,
И ветер шлёт привет;

В тумане лёгком рея
И прячась в нём порой,
Виденья или феи
Танцуют над землёй.

Искр синих тьмы лучатся
На листьях и ветвях,
Огни алея мчатся
В запутанных кругах.

Из мраморного камня
Бьют громкие ключи,
Отсвечивая странно
Меж листьями в ночи.

Ich möcht am liebsten sterben,
Da wär's auf einmal still!

Heinrich Heine

Aus alten Märchen winkt es

Aus alten Märchen winkt es
Hervor mit weisser Hand,
Da singt es und da klingt es
Von einem Zauberland;

Wo bunte Blumen blühen
Im gold'nen Abendlicht,
Und lieblich duftend glühen,
Mit bräutlichem Gesicht;

Und grüne Bäume singen
Uralte Melodei'n,
Die Lüfte heimlich klingen,
Und Vögel schmettern drein;

Und Nebelbilder steigen
Wohl aus der Erd' hervor,
Und tanzen luft'gen Reigen
Im wunderlichen Chor;

Und blaue Funken brennen
An jedem Blatt und Reis,
Und rote Lichter rennen
Im irren, wirren Kreis;

Und laute Quellen brechen
Aus wildem Marmorstein.
Und seltsam in den Bächen

О, как найти мне дверцу
В прекрасный этот сад,
Чтоб жить с спокойным сердцем -
Свободен, счастлив, рад!

О чудный край, приходит
Он что ни ночь, как сон,
Когда же солнце всходит,
Как пена, тает он.

*) Существуют две версии этого стихотворения Aus alten Märchen:
6-и и 8-истрофная. Первая – более распространённая, есть и в 12-
томнике берлинского издания 1910г. и в советском 10-томнике
1956г., а также в доступных в Интернете переводах. Wikisource
предлагает вторую версию, ту, на текст которой написал
композитор Роберт Шуман последнюю песню из изумительного
цикла «Любовь поэта» (1840г.) на тексты из «Лирического
интермеццо» Генриха Гейне. Здесь приведен её перевод. Никаких
комментариев касательно двух версий найти не удалось. (А.Г.)

Николаус Ленау (1802-1850)

Поэма «Альбигойцы» (начало)

Прекрасное должно исчезнуть,
И славное почит в бездне.
Ни честь не вечна, ни мораль.
Живыми мертвецов считая,
Пожнёшь осенних слёз печаль,
Картину мира искажая.

Ночная песня

Strahlt fort der Widerschein.

Ach, könnt' ich dorthin kommen,
Und dort mein Herz erfreu'n,
Und aller Qual entnommen,
Und frei und selig sein!

Ach! jenes Land der Wonne,
Das seh' ich oft im Traum,
Doch kommt die Morgensonne,
Zerfließt's wie eitel Schaum.

Nikolaus Lenau

Das Gedicht “Die Albigenser” (der Anfang)

Daß alles Schöne muß vergehen
Und auch das Herrlichste verwehen,
Die Klage stets auf Erden klingt;
Doch Totes noch lebendig wännen,
Verwirrt das Weltgeschick und bringt
Das tiefste Leid, die herbsten Tränen.

Увы, насмешка, горькая сатира
 Вполне уместны в этом страшном мире.
 Китаец из свирепых всех зверей
 Хранителем дух тигра выбирает
 Для дома, поля и своих детей
 И на него всецело уповаает.

Он крепко спит, когда его хранитель
 Обходит ночью поле и обитель;
 И в заблужденье этом есть резон:
 Враг чует в ветре хищника дыханье,
 Глаз тигра видит в светлячка мерцанье
 И в страхе покидает место он.
 О, если б тигр такой, как друг мой, рыскал
 (Невидимый, с когтями, с челюстями),
 Вокруг меня и охранял ночами
 От всех воров очаг заветных мыслей!

Когда в пожаре мыслей сердце мчится,
 Я забываю этот мир скорбящий,
 И, как большой кузнечный горн горящий,
 Святой субботы свет уже лучится.
 О тигр! Храни мои сокровища, а людям,
 Что захотят украсть, движеньем лёгким,
 Как дождь, вонзи глубоко в душу когти,
 Чтоб уползли в отчаянье отсюда.

Когда земные явятся желанья,
 На них бросайся, тигр, без состраданья,
 А если мысли грустные возникнут,
 Убей их раньше, чем они проникнут.
 Но прежде *одного* ты разорви на части,
 Он должен по кускам тобою быть проглочен,

O gläubger Hohn! o bitterste Satire
 Auf diese Welt voll Haß und Feindesnot,
 Wenn der Chinese sich dem grimmsten Tiere
 Vertraut und sich begibt in seine Hut,
 Wenn er für sich, die Seinen, Haus und Feld
 Zum Schutzgeist den verstorbnen Tiger wählt.

Er schläft getrost, wenn still der Tigergeist
 Als Hüter Haus und Feld bei Nacht umkreist;
 Und wohl mag ihm sein Wahn zum Schutze taugen;
 Denn wenn ein Feind sich schleicht in seine Nähen,
 Der sieht im Glühwurm rolln des Tigers Augen,
 Der spürt im Nachtwind seinen Rachen wehen. –
 O wäre solch ein Tiger mir Genosse,
 Mit Geisterkrallen, unsichtbarem Rachen
 Mir den Gedankenherd treu zu bewachen,
 Den Einbruch wehrend meinem Feindestrosse!

Wenn mein einsames Herz Gedanken hämmert,
 Daß ich die Welt und ihren Gram vergesse,
 Wenn mir an seiner hellen Feueresse
 Die Morgenglut des heiligen Sabbats dämmert,
 Ha! Tiger! dann bewache meine Schranken,
 Und kommen Störer, schlag in ihre Seelen
 Als scharfe Schauer deine luftigen Pranken,
 Daß sie sich scheu verzagt von dannen stehlen! –

Wenn Erdenwünsche kommen, mich zu locken,
 So spring sie an, daß sie entfliehn erschrocken!
 Und kommen klagende Erinnerungen,
 Ermorde sie, bevor sie eingedrungen!
 Auf *eine* aber stürze dich vor allen,

Тот, что меня всегда тиранит очень, -
То женщины портрет, укрившей счастье!

Бросаю песню я в лицо тирану,
Так совести его добавь же рану,
Бей лапами, терзай его когтями,
Пусть адские увидит сны ночами!
И, когда он от ужаса проснётся,
Зажжёт свечу, дрожа в постели сядет,
Задуй огонь, во тьме пусть остаётся,
Издай кинжала свист, что слышен сзади!
И, если трус бежать решит, сначала
Сорви с него не медля одеяло,
Проклятьями укутай за несчастья,
Что сердцу он принёс топча всечасно.
Пусть корчится тиран от боли страшной,
И пусть течёт она, как яд, по телу.
А будет к доктору звать – за дело! –
Шнур колокольчика порви тотчас же.

О тигр, терзай тирана душу, мучай,
Пока не станет он добрее, лучше!..

Я вижу миллион сердец в крови и ранах,
Потоки слёз я вижу непрерывных,
Весь мир в руках у наглых властелинов,
И радости дворцы стоят в руинах.
Владыки-гномы буйствуют зловеще,
А пленных великанов стража хлещет.
О мир! Я бы хотел, что б сын пустыни,
Дух тигра стал тебе апостолом отныне.
О ненависть, ты наполни мне сознание!
Пусть тигр меня везде сопровождает,
Пусть дух его сквозит в моём дыханье,
Пусть в моём сердце кровь его пылает!

Zerreiße schnell mit deinen scharfen Krallen,
Verschling auf immer du in deinen Rachen
Ein Frauenbild, das mich will weinen machen! –

Send ich ein Lied auf die Tyrannenfratzen,
So hilf ihm, Tiger, nach mit deinen Tatzen!
Schlag ihnen breite Wunden ins Gewissen
Und Höllenträume hauche auf ihr Kissen!
Und wenn sie, aufgeschreckt, die Augen reiben,
Die Kerze zünden, zitternd auf sich setzen,
Blas aus das Licht, daß sie im Finstern bleiben,
Mach vor der Tür Geräusch wie Dolchewetzen!
Und will der Feige dann mit seinem Schrecken
Verkriechen sich, entreiß ihm seine Decken
Und wickle ihn in alle Flüche fest,
Die er getreten Herzen ausgepreßt!
Sein Eingeweide schlag mit Schmerzensbissen,
Die wie Vergiftung durch den Leib sich ringeln,
Daß er auffährt, nach seinem Arzt zu klingeln,
Du aber hast die Glockenschnur zerrissen.

O Tiger, den Tyrannen quäle! quäle!
Bis er sich bessert, schüttre seine Seele!

Millionen wunde Herzen seh ich bluten,
So viele Tränenströme seh ich fluten,
Von frecher Willkür weit die Welt zerrüttet,
Der Menschheit Freudenschlösser rings verschüttet,
Ich seh gepeitscht von hochgestellten Zwergen
Gefangne Riesen, knirschend ihren Schergen.
O Welt! aus allen Wüsten möcht ich holen
Die Tigergeister dir zu Apostolen! – –
Wohin ließ ich von meinem Haß mich führen!
Ich wünschte mir den Tiger zum Genossen,
Schon ist in meinem Geist sein Hauch zu spüren
Und durch mein Herz sein wildes Blut ergossen!

Николаус Ленау (1802-1850)

К меланхолии

Ты меня по жизни водишь,
Меланхолии покой!
Пусть звезда моя восходит,
Пусть угаснет — будь со мной!

Водишь ты меня по скалам,
Где лишь ели и гранит,
Где орёл парит устало
Да лесной ручей гремит.

И, припомнив здесь у края
Тех, кто скован вечным сном,
Я к твоей груди склоняюсь
Тихо с сумрачным лицом.

Николаус Ленау (1802-1850)

К ветру

Я покидал свой край родной
И оглянувшись увидал,
Что рот её мне вслед кричал
И что махала мне рукой.

Последний дружеский привет
Ещё звучал, но ветром злым
Был унесён, как лёгкий дым.
Любимых звуков больше нет.

Nikolaus Lenau

An die Melancholie

Du geleitest mich durchs Leben,
Sinnende Melancholie!
Mag mein Stern sich strahlend heben,
Mag er sinken – weichest nie!

Führst mich oft in Felsenklüfte,
Wo der Adler einsam haust,
Tannen starren in die Lüfte
Und der Waldstrom donnernd braust.

Meiner Toten dann gedenk ich,
Wild hervor die Träne bricht,
Und an deinen Busen senk ich
Mein umnachtet Angesicht.

Nikolaus Lenau

An den Wind

Ich wandre fort ins ferne Land;
Noch einmal blickt' ich um , bewegt,
Und sah, wie sie den Mund geregt
Und wie gewinket ihre Hand.

Wohl rief sie noch ein freundlich Wort
Mir nach auf meinem trüben Gang,
Doch hört ich nicht den liebsten Klang,
Weil ihn der Wind getragen fort.

Навек теряю счастье я.
Холодный грубый ветер, что ж
Привет последний ты крадёшь -
Всё, что осталось у меня?

Николаус Ленау (1802-1850)

Уходя (Песня эмигранта)

Прощай, отечество, край слуг,
Людей трусливо-глупых; тут
Все лижут деспота каблук,
Дрожа приказа свыше ждут.

Здесь детям спится хорошо,
Мальчишкам есть где поиграть;
Здесь юноша любовь нашёл;
Но им свободы не видать.

В горах охотник, услышав
Как стадо вепрей, словно гром,
Несётся по лесу стремглав,
Ложится на землю ничком.

Так, родина, заслышав шаг
Правителя, пав ниц, всегда
Ты ждёшь, едва дыша, чтоб враг
Прошёл, не причинив вреда.

Лети, корабль, как облака,
Страну огня богов открой!
Смой, море, бездну, что легла
Между свободою и мной!

Daß ich mein Glück verlassen muß,
du rauher; kalter Windeshauch,
Ist's nicht genug, daß du mir auch
Entreißest ihren letzten Gruß?

Nikolaus Lenau

Abschied (Lied eines Auswandernden)

Sei mir zum letztenmal begrüßt,
Mein Vaterland, das, feige dumm,
Die Ferse dem Despoten küßt
Und seinem Wink gehorchet stumm.

Wohl schlief das Kind in deinem Arm,
Du gabst, was Knaben freuen kann;
Der Jüngling fand ein Liebchen warm;
Doch keine Freiheit fand der Mann.

Im Hochland streckt der Jäger sich
Zu Boden schnell, wenn Wildesschar
Heran sich stürzt fürchterlich;
Dann schnaubt vorüber die Gefahr:

Mein Vaterland, so sinkst du hin,
Rauscht deines Herrschers Tritt heran,
Und lässest ihn vorüberziehn
Und hältst den bangen Atem an. –

Fleug, Schiff, wie Wolken durch die Luft,
Hin, wo die Götterflamme brennt!
Meer, spüle mir hinweg die Kluft,
Die von der Freiheit noch mich trennt!

О новый, о свободный мир,
Ты весь в цветах, прекрасный край.
Тень тирании с нас сотри.
Моё отечество, прощай!

Николаус Ленау (1802-1850)

Короткие стихотворения

Туман

О пасмурный туман, укрой
Леса на склонах круч,
Долину с медленной рекой
И каждый солнца луч.
В тьме твоей серой без следа
Земля вся сгинет пусть
И прошлое – оно всегда
Меня ввергало в грусть!

Прощальный взгляд

В твоём нежном глубоком душевном взоре
Бездонное море счастья испытывал я.
Но я должен буду расстаться с ним, вскоре
Моё счастье навеки покинет меня,
Погружённным молча в глубь этого моря.

Не спрашивай

Сказать тебе, насколько твой я?
А можно ли узнать такое?

Du neue Welt, du freie Welt,
An deren blütenreichem Strand
Die Flut der Tyrannei zerschellt,
Ich grüße dich, mein Vaterland!

Nikolaus Lenau

Kurze Gedichte

Nebel

Du, trüber Nebel, hüllest mir
Das Tal mit seinem Fluß,
Den Berg mit seinem Waldrevier
Und jeden Sonnengruß.
Nimm fort in deine graue Nacht
Die Erde weit und breit!
Nimm fort, was mich so traurig macht,
Auch die Vergangenheit!

Scheideblick

Als ein unergründlich Wonnemeer
Strahlte mir dein tiefer Seelenblick;
Scheiden muß ich ohne Wiederkehr,
Und ich habe scheidend all mein Glück
Still versenkt in dieses tiefe Meer.

Frage nicht

Wie sehr ich dein, soll ich dir sagen?
Ich weiß es nicht und will nicht fragen;

Ответ там, в глубине сердечной,
И у тебя, конечно.
Но, тише! Ведь тогда неясно:
Когда твоя любовь угаснет,
Останется ль во мне немного
Нетронутым для Бога?

Эдуард Мёрике (1804-1875)

Дерзай!

Роза в росе молодая сияет,
Утро её серебрит и румянит.
Цветёт она, будто вовек не увянет
И о последнем цветенье не знает.

В небо орёл свой полёт устремляет
Золота блеском зенит его манит;
Спрашивать, как несмышлёныш, не станет:
Голову он там свою не сломает?

Время цветения юности тоже
Кратко, но манит своим совершенством;
Грёзы лишиться кому бы хотелось?

Разве любовь на орла не похожа?
И для неё страх ведь тоже блаженство,
Счастье её — бесконечная смелость.
Дерзай!

Эдуард Мёрике (1804-1875)

Подумай, о душа!

Mein Herz behalte seine Kunde,
Wie tief es dein im Grunde.
O still! ich möchte sonst erschrecken,
Könnt ich die Stelle nicht entdecken,
Die unzerstört für Gott verbliebe
Beim Tode deiner Liebe.

Eduard Mörike

Nur Zu!

Schoen prangt im Silbertau die junge Rose,
Den ihr der Morgen in den Busen rollte,
Sie blühet, als ob sie nie verblüehen wollte,
Sie ahnet nichts vom letzten Blumenlose.

Der Adler strebt hinan ins Grenzenlose,
Sein Auge trinkt sich voll von sprueh'ndem Golde;
Er ist der Tor nicht, dass er fragen sollte,
Ob er das Haupt nicht an die Woelbung stosse.

Mag denn der Jugend Blume uns verbleichen,
Noch glaenzet sie und reizt unwiderstehlich;
Wer will zu früh so suessem Trug entsagen?

Und Liebe, darf sie nicht dem Adler gleichen?
Doch fuerchtet sie; auch fuerchten ist ihr selig,
Denn all ihr Glueck, was ist's? — ein endlos.
Wagen!

Eduard Mörike

Denk es, o Seele!

Сосна растёт в лесу...
В каком, кто знает?
И розы куст в саду...
В каком, кто скажет?
Уже им суждено -
Душа, подумай! -
С твоей могилой рядом
Встать когда-то.
Лошадок чёрных пара
На лужайке.
Они спешат домой
В прыжках весёлых,
Но шагом побредут
С тобою, с трупом,
Быть может, раньше, чем
Своих подков,
Сейчас столь ярких,
Они лишатся.

Фердинанд Фрейлиграт (1810-1876)

Люби, пока хватает сил!

Люби, пока хватает сил
И жаждешь ты душой любить!
Чтоб не пришлось тебе стоять
И у могилы слёзы лить!

Следи за сердцем, чтоб светясь
Любовь лелея берегло,
Пока другое сердце есть,
Что любит нежно и тепло.

Тому, кто душу распахнёт,
Ты всё, что можешь, отдавай,

Ein Tännlein grünet wo,
Wer weiss, im Walde,
Ein Rosenstrauch, wer sagt,
In welchem Garten?
Sie sind erlesen schon,
Denk es, o Seele,
Auf deinem Grab zu wurzeln
Und zu wachsen.
Zwei schwarze Rösslein weiden
Auf der Wiese,
Sie kehren heim zur Stadt
In muntern Sprüngen.
Sie werden schrittweis gehn
Mit deiner Leiche;
Vielleicht, vielleicht noch eh
An ihren Hufen
Das Eisen los wird,
Das ich blitzen sehe.

Ferdinand Freiligrath (1810-1876)

O lieb', solange du lieben kannst!..

O lieb', solange du lieben kannst!
O lieb', solange du lieben magst!
Die Stunde kommt, die Stunde kommt,
Wo du an Gräbern stehst und klagst!

Und Sorge, daß dein Herze glüht
Und Liebe hegt und Liebe trägt,
Solang ihm noch ein ander³⁹ Herz
In Liebe warm entgegenschlägt!

Und wer dir seine Brust erschließt,
O tu ihm, was du kannst, zulieb'!

Чтоб каждый день он счастлив был,
И даже миг не отравляй!

За речью бережно следи,
Чтоб в спешке словом злым не бил:
О Боже, кто ж того хотел,
А друг уже обижен был!

Люби, пока хватает сил
И жаждешь ты душой любить!
Чтоб не пришлось тебе стоять
И у могилы слёзы лить!

Вот у могилы замер ты,
О друге думая с тех пор,
Сквозь слёзы смотришь на траву,
Покрывшую церковный двор,

И плача шепчешь про себя:
«Взгляни с небесной высоты,
Я не хотел тебе вредить,
Прости, что был обижен ты!»

Но он не слышит, не глядит,
К тебе он не протянет рук,
Не скажет он, тебя обняв:
«Давно простил, прощай, мой друг!»

Он много горьких слёз пролил
С тех пор, как вдруг расстались вы.
Теперь, давно тебя простив,
В конце пути он спит, увы!

Und mach' ihm jede Stunde froh,
Und mach ihm keine Stunde trüb!

Und hüte deine Zunge wohl,
Bald ist ein böses Wort gesagt!
O Gott, es war nicht böse gemeint, —
Der andre aber geht und klagt.

O lieb', solange du lieben kannst!
O lieb', solange du lieben magst!
Die Stunde kommt, die Stunde kommt,
Wo du an Gräbern stehst und klagst!

Dann kniest du nieder an der Gruft
Und birgst die Augen, trüb und naß,
— Sie sehn den andern nimmermehr —
Ins lange, feuchte Kirchhofsgras.

Und sprichst: O schau' auf mich herab,
Der hier an deinem Grabe weint!
Vergib, daß ich gekränkt dich hab'!
O Gott, es war nicht böse gemeint!

Er aber sieht und hört dich nicht,
Kommt nicht, daß du ihn froh umfängst;
Der Mund, der oft dich küßte, spricht
Nie wieder: Ich vergab dir längst!

Er tat's, vergab dir lange schon,
Doch manche heiße Träne fiel
Um dich und um dein herbes Wort —
Doch still — er ruht, er ist am Ziel!

Люби, пока хватает сил
И жаждешь ты душой любить!
Чтоб не пришлось тебе стоять
И у могилы слёзы лить!

O lieb', solange du lieben kannst!
O lieb', solange du lieben magst!
Die Stunde kommt, die Stunde kommt,
Wo du an Gräbern stehst und klagst!

Первую строфу этого стихотворения Ференц Лист взял эпиграфом к своему ноктюрну №3 «Грёзы любви»:

в исполнении А.Рубинштейна

<https://www.youtube.com/watch?v=nAYgiFiZtXA>

в исполнении Д.Циффра

<https://www.youtube.com/watch?v=6CKwFKdyXGA>

Канцона (переложение для голоса с инструментальным сопровождением):

В исп. Й.Кауфманна <https://www.youtube.com/watch?v=Uez9Zzcihss>

На музыку Ф.Листа (по Ф.Фрейлиграту)

Канцона

Люби, люби, пока в душе огонь есть,
Пока... хватает сил!
Настанет час, настанет горький час
Нам плакать у могил!

Следи за сердцем, чтоб
Любовь уберегло,
Пока другое сердце есть, сердце есть,
И ты им любим,
Так любим,
Ты любим
Так нежно и тепло.

Интермеццо ф-но

И ты тому, кто душу распахнё...т,

Всё, что только мо...жешь, всё отдавай,
Чтоб каждый день его счастливым был,
И мига не отравляй!

За речью бережно следи,
Чтоб словом злым не бил:
О, нет...! Ты не хотел, не ду...мал,
А друг твой тобой оби...жен был!
Уже... тобой... обижен... друг

Интермеццо ф-но

Люби, люби, пока в душе огонь есть,
Пока... хватает сил!
Настанет час, настанет горький час,
Наста...нет час
Нам плакать у могил!

Каденция ф-но

F.Listz Notturmo #3 Ноты
исп.Д.Баренбойм
https://www.youtube.com/watch?v=Y4XEPdYO5mM&list=RDY4XEPdYO5mM&start_radio=1

Хуго фон Гофмансталь (1874-1929)

Двое

Походкой лёгкой быстро шла,
Бокал не расплескав несла.
Рот, подбородок, как бокал:
Такой же блеск, похож овал.

Hugo von Hofmannsthal

Die beiden

Sie trug den Becher in der Hand
– Ihr Kinn und Mund glich seinem Rand –,
So leicht und sicher war ihr Gang,
Kein Tropfen aus dem Becher sprang.

Легка, тверда его рука:
Он тронул лошадь молодую
Движеньем резким и гарцуя
Заставил задрожать слегка.

Когда ж друг к другу подошли,
Она, бокал подав, склонилась,
Он, храбрость потеряв, поник;
Дрожали оба в этот миг,
Друг друга руки не нашли,
И тёмное вино пролилось.

Хьюго фон Хофманнстхаль (1874-1929)

Что такое мир?

Мир, что он есть? Поэма тысяч лет.
В нём мудрости вино искрясь бурлит,
В нём голос близких с нами говорит,
В нём Божества величие и свет.

Когда нас мысль случайно озарит,
Она лишь луч, в ней мощи солнца нет,
Она средь тысяч строф – один куплет,
Что незаметно тает и дрожит.

Но он и мир в себе, во тьму одет,
И тайных сладких звуков полон он,
Красой неосквернённой одарён.

Ни отражения, ни звука нет.
И, даже если будем мы читать,
Смысл этой книги не дано понять.

Райнер Мария Рильке

So leicht und fest war seine Hand:
Er ritt auf einem jungen Pferde,
Und mit nachlässiger Gebärde
Erzwang er, daß es zitternd stand.

Jedoch, wenn er aus ihrer Hand
Den leichten Becher nehmen sollte,
So war es beiden allzu schwer:
Denn beide bebten sie so sehr,
Daß keine Hand die andre fand
Und dunkler Wein am Boden rollte.

Hugo von Hofmannsthal

Was ist die Welt?

Was ist die Welt? Ein ewiges Gedicht,
Daraus der Geist der Gottheit strahlt und glüht,
Daraus der Wein der Weisheit schäumt und sprüht,
Daraus der Laut der Lieben zu uns spricht.

Und jedes Menschen wechselndes Gemüt,
Ein Strahl ists, der aus dieser Sonne bricht,
Ein Vers, der sich an tausend andre flicht.
Der unbemerkt verhallt, verlischt, verblüht.

Und doch auch eine Welt für sich allein,
Voll süß-geheimer, nie vernommner Töne,
Begabt mit eigner, unentweihter Schöne,

Und keines Andern Nachhall, Widerschein.
Und wenn du gar zu lesen drin verstündest,
Ein Buch, das du im Leben nicht ergründest.

Rainer Maria Rilke

Осенний день

Господь, как долго летний зной, паля,
царил! На солнечных часах встань тенью
и дай ветрам умчаться на поля.

Чтобы последние плоды смогли сполна
созреть, дай им два дня погожих, южных,
для накопления совершенства нужных -
последней сладости тяжёлого вина.

Бездомный дом не выстроит и впредь.
Кто одинок, души родной не встретит,
станет читать, писать и ждать, пока ответят,
и по аллеям, выкрашенным в медь,
Бродить по листьям, что гоняет ветер.

*) Комментарии переводчика – см. в статье
«О стихотворениях Р.М.Рильке» на этом сайте

Райнер Мария Рильке

Песня нищего

Под солнцем иду, под дождём
от двери к двери другой.
Сейчас вот правое ухо своё
закрыл правой рукой,
и голос мой в ухе орёт,
как чей-то совсем чужой.

Я что-то в толк не возьму и сам:
это я или кто другой?

Herbsttag

Herr: es ist Zeit. Der Sommer war sehr groß.
Leg deinen Schatten auf die Sonnenuhren,
und auf den Fluren laß die Winde los.

Befiehl den letzten Früchten voll zu sein;
gieb ihnen noch zwei südlichere Tage,
dränge sie zur Vollendung hin und jage
die letzte Süße in den schweren Wein.

Wer jetzt kein Haus hat, baut sich keines mehr.
Wer jetzt allein ist, wird es lange bleiben,
wird wachen, lesen, lange Briefe schreiben
und wird in den Alleen hin und her
unruhig wandern, wenn die Blätter treiben.

Rainer Maria Rilke

Das Lied des Bettlers

Ich gehe immer von Tor zu Tor,
verregnet und verbrannt;
auf einmal leg ich mein rechtes Ohr
in meine rechte Hand.
Dann kommt mir meine Stimme vor
als hätt ich sie nie gekannt.

Dann weiß ich nicht sicher wer da schreit,
ich oder irgendwer.

Кричу... (конечно, по пустякам,
не то, что поэт большой).

Теперь лицо моё в пятерне.
Стоит глаза прикрыть,
под этой тяжестью можно вполне
даже покой ощутить.
Никто не сможет подумать, что мне
негде голову преклонить.

*) Комментарии переводчика – см. в статье
«О стихотворениях Р.М.Рильке» на этом сайте

Вильгельм Буш (1897-1966)

Внешний вид и реальность

Дитя, есть вещи в этом мире
(И дело вовсе не в размере):
Весьма сложны их суть и плоть,
Их, как орех, не расколоть.

Не думай, что поймёшь снаружи
За полчаса людские души.
Извне туда дороги нет:
Не сердце видишь, а жилет.

Ich schreie um eine Kleinigkeit.
Die Dichter schrein um mehr.

Und endlich mach ich noch mein Gesicht
mit beiden Augen zu;
wie's dann in der Hand liegt mit seinem Gewicht
sieht es fast aus wie Ruh.
Damit sie nicht meinen ich hätte nicht,
wohin ich mein Haupt tu.

Wilhelm Busch

Schein und Sein

Mein Kind, es sind allhier die Dinge,
Gleichwohl, ob große, ob geringe,
Im wesentlichen so verpackt,
Daß man sie nicht wie Nüsse knackt.

Wie wolltest du dich unterwinden,
Kurzweg die Menschen zu ergründen.
Du kennst sie nur von außenwärts.
Du siehst die Weste, nicht das Herz.

Из ивритской поэзии

Из Антологии ивритской поэзии

От переводчика:

В марте 2013г. вышла в свет антология ивритской поэзии двадцатого века, составленная Менахемом Бэном и Дороном Кореном. (A Hundred Years of Israeli Poetry. Miskal – Yedioth Ahronoth Books and Chemed Books. Tel-Aviv, 2013)

Возможно, это первая попытка такого рода. Во всяком случае, ни в библиотеках, ни в Интернете не удалось найти чего-либо подобного.

Антология называется "Самые красивые стихи на иврите". В ней более 350 стихотворений. Естественно, выбор материала определяется вкусами составителей, при этом стремление показать творчество как можно большего числа поэтов, оставляет мало места для каждого из них, в том числе, и самых крупных.

Антология открывается разделом, озаглавленным "Четырнадцать лиц (видов) красоты". Представленные там образцы поэзии сопровождаются комментариями составителей сборника. Остальные разделы построены по хронологическому принципу.

Далее приведены стихотворения, не вошедшие в «Антологию».

В приложении приведены принятые в переводах на русский язык названия частей Библии.

Примечания переводчика.

Стихотворения, вошедшие в «Антологию»

Из вступительного раздела "Четырнадцать лиц красоты"

Натан Альтерман. [Вновь вернулся напев](#)
Амос Оз. [Посреди ночи Стихотворение о маленькой девочке](#)
Давид Рокэах. [Какова мера любви рассеянной над садами роз](#)
Хаим Ленский. [Меж этих согнутых спин](#)
Рахель. [Я себя рассказала дотла.](#)
Авраам Шлёнский. [Могуч лес в пору листопада](#)
Дори Манор. [Fin de siècle](#)
Давид Авидан. [Из цикла "Два сонета"](#)

נתן אלטרמן. עוד חזר הנגון
עמוס עוז. באמצע הלילה שיר על ילדה קטנה
דוד רוקח. מה מדת האהבה
חיים לנסקי. בין אלה הגבים הגוחנים
רחל. את כלי ספרתי עד תם
אברהם שלונסקי. האדיר הגווע
דורי מנור. Fin de siècle
דוד אבידן. מתוך "שתי סונטות"

Из раздела "Первые"

Хаим Нахман Бялик
Дай [твоим укрыться крылом](#)
Авидор Амейри
[Весь день попугай мой кричал](#)

חיים נחמן ביאליק.
הכניסיני תחת כנפך
אביגדור המאירי.
והתופי יוסי – כל היום צרח

Из раздела "От Рахели до Хаима Гури"

Элишева
[Остаток](#)
Йосеф Шалом
Рог
Хаим Ленский
[Меня полынь заколдовала](#)
[Тем, у кого](#)
[Язык праотцев](#)
Габриэль Прейл
[Остров и отступившее море](#)
Зельда (Шнеерсон-Мишковская)
[Каждая лилия](#)
[Невидимый Кармель](#)
Яков Орланд

אלישבע.
שארית
יוסף שלום שפירא.
השופרות
חיים לנסקי.
קסם לי קסמה הלענה
לאלה שיומם
לשון קדומים
גבריאל פרייל.
אי יימו הנסוג
זלדה.
כל שושנה
הכרמל האי-נראה
יעקב אורלנד.

[Радость бедных](#)
Элиэзер Каган
[Золотая свадьба](#)
[Сила притяжения](#)
Хаим Гури
Вот недвижимые наши тела

שְׂמֵחַת עֲנִיִּים
אליעזר כגן.
חֲתוּנַת זָהָב
לח הכְּבִידָה
חיים גורי.
הנה מְטָלוֹת גופוֹתֵינוּ

Из раздела "От Иегуды Амихaya до Мардехая Гелдемана"

Израэль Пинкас
[Два отрывка о сне и любви](#) 2.
Ури Бернштейн
[Короткая любовь](#)
Был резон
[Отчуждённость](#)
Рахель Халфи
[Рыба-скульптор](#)
[Хвост Эллы](#)
Меир Визелтир
О правде
Стансы
Иона Волах
[Авшалом](#)
Танхум Авнер
[Стихи](#)

ישראל פנקס.
שְׁנֵי פָּרְקִים עַל שִׁנָּה וְאַהֲבָה. ב'
אורי ברנש***טיין.
אַהֲבָה קְצָרָה
הָיָה טַעַם
זְרוּת
רחל חלפי.
הדָּג הַפֶּסֶל
הַזָּנָב שֶׁל אֵלָה
מאיר ויזלטיר.
בְּאֵמֶת
סְטָנָזוֹת
יונה וולך.
אַבְשָׁלוֹם
תנחום אבנר.
שִׁיר

* * *

Стихотворения, не вошедшие в «Антологию»

Стихотворения Дана Пагиса

[Мгновение в Лувре](#)
[Внезапное сердце](#)

שירי דן פגיס

רגע ב־לוּבֵר
לב פְּתֹאֲמִי

[Опознание](#)
[Эпилог к «Робинзон Крузо»](#)
[Новый любовник](#)
[Мозг\(1-18\)](#)

Стихотворения Эстер Рааб

[Рошца](#)
[Я](#)
[Дрофа](#)

Стихотворения Яакова Фихмана

[Караван в пустыне](#) (Направо, налево)
[Легенда](#) (У берега Кинерета)
[Парус](#)
[Рука коснулась](#)

Стихотворения Натана Заха

[Год за годом](#)
[Нам всем нужна милость*](#)
[Одну минуту](#)
[Ибо человек — дерево в поле](#)
[Чем подсластить дни](#)
[Как она смеет?](#)

Другие стихотворения Хаима Ленского

[И вот ты ночью вновь передо мной](#)
[Сиреневые ночи](#)

Приложение

Соответствие названий частей Библии на иврите и на русском языке

Стихотворения, вошедшие в «Антологию»

הַתּוֹדָעוּת
אֶפִּילוֹג לְרוֹבִינְזוֹן קְרוִיזוֹ
מֵאֵהָב חֲדָשׁ
מוֹחַ

שירי אסתר ראב

הַחֲרָשָׁה
אֲנִי
חוּגָה

שירי יעקב פיכמן

יָמִין וּשְׂמָאל
עַל שַׁפַּת יָם כְּנֶרֶת
מִפְרָשׁ
יָד מִי נִגְעָה

שירי נתן זך

מִשְׁנֶה לְשָׁנָה זֶה
כָּלֵנוּ זְקוּקִים לְחֶסֶד
רָגַע אֶחָד
כִּי הָאָדָם עַץ הַשָּׂדֶה
בְּמָה לְהִמָּתִיק יָמִים
אֵיךְ הוּא מַעֲזֵז?

שירי חיים לנסקי נספים

הַלֵּילָה שׁוֹב בְּגָלִית
לִילּוֹת לִילֶךְ

Из вступительного раздела "Четырнадцать лиц красоты"

Натан Альтерман
(1910-1970)

נתן אלטרמן

Вновь вернулся напев

*

Вновь вернулся заброшенный было напев.
Как глаза, распахнулась дорога без края.
Дуба сень на траве, тучи тень на тропе -
Все, прохожий, тебя ожидают.

עוד חזר הנגון שזנחת לשון
והדרך עודנה נפקחת לארץ
וענן בשמיו ואילן בגשמיו
מצפים עוד לך, עובר ארח.

С ветром буря придёт. Как качелей полёт,
Молний сноп над тобой след проложит,
А овца и газель подтвердят в свой черёд,
Что ты их приласкал - и свой путь продолжил,

והרום תקום ובטיסת נדנדות
יעברו הברקים מעליך
וכבשה ואילת תהיינה עדות
שלטפת אותן והוספת לכת--

Что твой город далёк, что с котомкой пустой
Не однажды склонялся влюблённо
Пред смеющейся женщиной, птичкой лесной,
Ливнем век в кронах рощи зелёной.

--שידיך ריקות ועירך רחוקה
ולא פעם סגדת אפים
לחרשה ירקנה ואשה בצחוקה
וצמרת גשומת עפעפים.

От составителя антологии:

Это вечное стихотворение, открывающее поэзию Альтермана, звучит в нас, как песня, раньше, чем мы понимаем его. Я тоже любил это стихотворение в течение многих лет ещё до того, как попытался растолковать его смысл. Я запомнил его как-то само собой. Всякий, кто слышит его положенным на музыку Нафтали Альтером в исполнении Бэрри Сахарофа, влюбляется в него намного раньше, чем понимает. Но, если мы начнём комментировать его (и это, конечно, только одна из возможных трактовок), то выясним, что Альтерман гово-рит в нём о моменте, когда он вернулся к поэтическому творчеству, и о том, что он вновь глубоко полюбил этот мир, поскольку поэзия вновь, изнутри открылась в нём, как глаза, которые были прежде закрыты. И никто не любил этот мир, как Альтерман. Он хочет, чтобы овца и газель засвидетельствовали, что он гладил их в бескорыстной любви. Это не та овца, которую ты тащишь в своё стадо, не та га-зель, которую можно присоединить к своему зверинцу. Нет, ты гладишь их, бесконечно очаровательных, ради наслаждения лаской и в

благодарности миру. И затем ты продолжаешь путь без них, "с котомкой пустой", только для того, чтобы сказать, что они, как и роща, как и женщина, и дождь – свидетельство божественной красоты мира.¹

Песня на музыку Нахума Геймана в исполнении Хавы Альберштейн
на сайте <https://www.youtube.com/watch?v=R2NDT9akvVg>

и на музыку Нафтали Альтера в исполнении Бари Сахарофа
на сайте https://www.youtube.com/watch?v=Du0tvC_AtHU

תנו תנו

תנו תנו

¹ Это стихотворение – вероятно, самое известное в современной ивритской поэзии. Отдельные его строки стали поистине крылатыми выражениями. Оно открывает первую книгу стихов Альтермана "Звёзды вовне" (1938), сразу поставившую его во главе современных ему израильских поэтов. Он вступил в поэзию не со сборником накопившихся стихов, а с сочинением, равного которому не появилось с тех пор по обдуманности общего плана и по уровню его воплощения.

Все идеи книги автор изложил в 12 строках этого вступления: и тематику, и композицию, и стилистику, и используемые художественные средства. Основные темы книги обозначены одним-двумя словами: напев (поэзии и вселенной), бесконечная дорога, поэт-труба-дур, вечный скиталец, верный лишь одному божеству – поэзии, природа и женщина – источники вдохновения и предмет поклонения. За-дан даже превалирующий в книге метр стиха – анапест.

Композиция стихотворения предваряет композицию книги, где конец – отражение начала: здесь дорога открывается, как глаза, а в последней части книги "закрываются дороги, как глаза, в конце пути"; в начале стихотворения поэт выходит из дому, побуждаемый творческим вдохновением, а в конце его "город далёк"; здесь он склоняется до земли перед смеющейся женщиной, но она – та единственная смеющаяся женщина в книге – появится только в последней её части (См.статью "Как тебя зовут, Хамуталь?" на этом сайте).

В 12 строках Альтерман демонстрирует чудеса поэтической техники (снова – в начале и в конце):

- в третьей и в предпоследней строках есть три внутренние рифмы ("Дуба сень на траве, тучи тень на тропе");
 - во второй и в последней строках есть слова, используемые в необычных значениях: дорога открывается, именно как глаза (для глаз в иврите существует отдельный глагол "открыть" – "лифкоах", вместо обычного "лифтоах"), а крона дерева "дождлива" веками (какой образ – листья-веки! Сравните, у Генриха Гейне: "что ни листик, то ушко");
 - а в середине стихотворения "обратная" аллегория: не качели быстры, как молния, а молнии проносятся, как качели.
- И ещё остаются целых две строки, чтобы остановиться и погладить овцу и газель (может быть, намёк на мифического певца Орфея, умевшего обходиться с дикими зверями).

Воистину, явление в поэзии и не только в ивритской.

Амос Оз
(p.1939)

Посреди ночи Стихотворение о маленькой девочке

באמצע הלילה שיר על ילדה קטנה

הלילה בשתיים ברוח בגשם לבד
עם ספר ונתה ונתנור עם כאב קזה ואחר
ער בין ישנים אין לי שלום רעידה חלשה בזגוגית
ופתאום פני ילדה בחלון מבחוץ מבחשך
ולא רק כתנת קיצית בקר הנורא הזה ומטפחת וכלום איננה אומרת.
ילדה בחורון-מות שאלתי, למה את לא ישנה בקר הנורא בחשך הזה
מה קרה מה עשו לך ילדה. כלם ישנים כבר עכשו.
עכשו, היא אומרת בשחוק, אני לא רוצה ואתה לא יכול לישון. ולמה, ילדה כחלה
בחלון, למה את לא מגלה
מה שם עושים לך בחשך ברוח הן כאן עצובים דואגים וכל כך רוצים לדעת.
אני, היא אומרת, כבר לא יכולה לדבר דבורים וכלום לא מתר לגלות.
אז אולי לעשות לך סירה של נר בית קטן ונחמד מקפסולת-גפרורים?
שום דבר היא אומרת אתה לא מבין מי צריך פה סירות ובתים מי צריך
איפה שלקחו אותי ישנם עוד המון ילדים כחלים וכלם לא רוצים לישון
לנו יש משחקים בלי סוף והמון המון תחניות אנחנו ילדי-שעשועים
לנו בכלל לא עצוב ולנו אפילו מרשים לשחק למשל
בלהוריד ולעצר את הגשם בלחת ולקחת רוח בלהזיז
פוכבים בלדחף ערמות עננים ולעשות מהם צורות
בלהתחבא לכם בין ענפים של עץ ולעשות משם שששש בלהכנס לתוך הבתים
ולחרק לכם בתריסים או בברז שתדעו שאנחנו קרובים בלהפיל
מעיל מן הודף לרצפה עלה מעציץ בלעשות לכם חלומות חלומות
בלילות בללחש מאחורי וילונות בלהתחפש לפרפר, לגבעות או לדשא
בלחזר אליכם עוד ועוד כמו מים כמו צפר כמו חרף
כמו רוח כמו לחש כמו איה שאנחנו רוצים.
היא מדברת אלי בזכוכית החלון ולה מן חיוך מתבייש ופניה שלמים ושקטים
ושקט גמור יורד גם עלי ובשקט אני בדמעות מפציר בה לך לא ילדה.
לכי תעירי את אמא ואבא בבקשה שתגידי להם בדיוק
כמו שהגדת לי אבל בדיוק והיא מחיכת, טפש, אני פה ואני
גם אצלם ואני עכשו קעת גם בעוד מקומות למשל גם בעמק יזבל יפעתים

בְּאַרְמוֹן שֶׁל תְּעוּ מֶלֶךְ חֻמַּת וְשֵׁם נִגֵּה אֶרְגוֹן וְכִרְמִיל וְתִכְלֵת וְשֵׁם עוֹד תִּרְאֶה מֶה יֵשׁ.
מִנִּין, יִלְדָּה, לְמִדָּת לְדַעַת אֶת כָּל הַמַּלְיָם הַקְּסוּמֹת הָאֵלֶּה?
אֵל תִּפְחֹד הִיא אוֹמֶרֶת עוֹד מְעַט תִּבּוֹא גַם אֶתָּה וְתִדַּע עוֹד אֶלֶף דְּבָרִים
שֶׁבְּכָלֹל לֹא חִלְמָת אֵף פַּעַם רַק שִׁכְלוּם אֶסוּר לְגִלּוֹת לִפְנֵי שֶׁתִּבּוֹאוּ לִרְאוֹת
אֶת בְּאֻמַּת מִבְּטִיחָה לִי, שְׁאֵלֹתִי אֲנִי בְּדַמְעָה.
אוּלֵּי רַק תִּתֶּנִּי לִי סִימָן לְפָחוֹת מִן מַזְכָּרֶת קִטְנָה
טַפֵּשׁ הִיא אוֹמֶרֶת, אֶתָּה וְכָלְכֶם הַמַּזְכָּרֶת
וְחֹשֶׁךְ וְחֹרֶף וְרוּחַ דּוֹפְקִים בַּחֲלוֹן מִבְּחוּץ
וְאֲנִי מִתְרַגֵּם לְמַלְיָם עוֹד מְעַט עוֹד מְעַט.

השיר הזה לנשמת ילדה קטנה ושמה נגה
שהייתי עושה לה סירות מנייר.

Посреди ночи Стихотворение о маленькой девочке

Сегодня часа в два дождливой и ветренной ночи
Один с книгой чаем и печкой и с болью какой-то
Беспокойно я бодрствую среди спящих Слегка задрожало стекло
И вдруг из тьмы за окном лицо девочки
А на ней в этот жуткий холод только летняя рубашонка платочек
и не говорит ничего.

Девочка смерти бледней я спросил, почему ты не спишь в этот холод ужасный во тьме
Что случилось вдруг что тебе сделали детка все сейчас уже спят.

А я, говорит смеясь, не хочу да и ты не можешь уснуть.

Но почему дитя посиневшее за окном, почему не откроешь

Что там происходит с тобой на ветру в темноте

Ведь всё так печально тревожно и хочется знать.

Мне, говорит она, не до болтовни сейчас и вообще ничего нельзя раскрывать.

Может сделать тебе бумажный кораблик или домик красивый из спичечных коробков?

Ничего говорит ты не понял кому тут нужны корабли и дома

Там куда меня взяли есть ещё много посиневших детей и никто спать не хочет

Нет конца нашим играм и планам мы дети забав²

Нам вовсе не грустно и даже позволено например

Дождь пролить прекратить ветер дать и забрать

Двигать звёзды фигурки складывать разные из облаков

² Выражение из ТАНАХа (Невиим, Ирмияhu, 21, 19), означающее "любимые дети"

Прятаться в ветках дерева делать оттуда вам ш-ш-ш-ш пробираться в дома
И скрипеть для вас ставнями кранами чтобы вы знали мы близко
Сбрасывать с вешалки куртку и на пол бумажку и листик цветка из горшка
Навевать вам разные сны по ночам шептать из-за штор
Наряжаться и лужайкой и бабочкой и холмом
Возвращаться к вам снова и снова как птица зима и вода
Как ветер как шёпот вообще так как мы захотим
Она говорит со мной через стекло с какой-то смущённой улыбкой
На лице её примиренье покой и нисходит такой же глубокий покой на меня
И тихонько сквозь слёзы я уговариваю её будь добра уходи.
Иди дитя разбуди маму с папой и скажи им пожалуйста

точь-в-точь всё то что ты мне рассказала

Дурачок смеётся она я и здесь я и там возле них и сейчас я во многих местах
Ну к примеру в долине Юваль Ифъатаим во дворце у Тоу царя Хамата а там
Сияние пряжи карминной пурпуровой и голубой ³ и много другого увидишь.
Где дитя научилась ты этим словам колдовским?
Не бойся она говорит скоро придёшь и узнаешь много вещей
Которые даже не снились тебе только нельзя раскрывать ничего пока не увидите сами
Ты и вправду мне обещаешь спросил я в слезах. Может дашь мне хоть знак
Что-нибудь такое на память вот дурачок, она говорит, ты и все вы и есть эта память.
А ветер и тьма и зима стучатся снаружи в окно
И я повторяю за ними словами осталось немного осталось немного

Это стихотворение в память маленькой девочки по имени Нóгаһ ⁴,
для которой я делал кораблики из бумаги.

От составителя антологии:

Я тоже не знал, что Амос Оз пишет стихи, до того дня в семидесятые годы, когда в недельном литературном приложении к газете "Давар" было опубликовано это поразительное стихотворение. Оно божественно по своей красоте и по сути. В нём Амосу Озу является за окном маленькая девочка по имени Нóгаһ, которая умерла и которой он делал когда-то бумажные кораблики. И она рассказывает ему о стране мёртвых, куда она попала после смерти и где стала частицей Бога (как сказано в "Кохелете", "и прах возвратится в землю, чем он и

³ ТАНАХ, Кетувим, Диврей-ха-ямим, I, 18 (описываются события около 1000 лет до н.э.)

⁴ нóгаһ – сияние (иврит)

был, а дух возвратится к Богу, Который дал его." ⁵) Она ведь, и в самом деле, занята делами, присущими Богу: " Нам ... даже позволено например/ Дождь пролить прекратить", а ведь это – деяние Божье, если только Он не доверяет кому-либо совершать его вместо Себя.

Оз пользуется здесь волшебной красотой иврита, в том числе – библейского, чтобы передать нам словами маленькой девочки небесную красоту смерти – тёмной и светоносной одновременно. И девочка говорит: "сейчас я во многих местах/ Ну к примеру в долине Юваль Ифъатаим во дворце у Тоу царя Хамата а там/ Сияние пряжи карминной пурпуровой и голубой и много другого увидишь." Он спрашивает её: "Где дитя научилась ты этим словам колдовским?" У тебя, Оз, у твоего знания ТАНАХа.

Другое важное духовное открытие стихотворения, несущее огромный смысл, это – объяснение того, что Бог может являться одновременно в бесконечном числе мест и даже в одной и той же телесной оболочке (ибо Бог – телесный образ, а не тело; дух, а не плоть). Ведь и умершая девочка Нóгаһ в телесном образе своём (ясно, что она уже не тело, а только телесный образ) появляется одновременно в нескольких местах. Значит, Бог может являться нам всем в одно и то же мгновение в телесном образе и, может быть, в этом и есть объяснение слова Бог ⁶ - один во многих.

Давид Рокзах
(1916-1985)

דוד רוקח

*

*

Какова мера любви рассеянной над садами роз
Чем измерить свет в перемене цветов
С течением времён года. Здесь возле оседающих гор,
Здесь на морском берегу. Сосчитай ракушки
Выбрасываемые на песок на пике их крапчатости.
Время за временем с их оттенками моря и над всем этим
голубизна моллюска

מה מדת האהבה הזרועה על גני הורדים
מה מדת האור בצבעים המתחלפים
על דליפת עונות. כאן ליד הים השוקע
כאן על שפת הים. מנה את הכונניות
הנזרקות אל החול בשיא נמורן.
עונה עונה וצבעיה הימיים ועל כלם תקלת החלזין

От составителя антологии:

Давид Рокзах (1916-1985), рисовавший всегда пейзажи души и реальные пейзажи редкостными по нежной красоте словами, сегодня – поэт почти неизвестный. По своему обыкновению Давид Рокзах не ставит точку в конце стихотворения и таким образом как бы открывает его в бесконечность. И, действительно, все понятия, предлагаемые к измерению в этом прекрасном стихотворении, бесконечны и потому измерению не поддаются: "Какова мера любви, рассеянной над садами роз"? Ну, в самом деле, какова мера любви? Нет ей меры. А чем измерить свет в перемене цветов? И ему меры нет. Но самой постановкой вопросов мы как бы даём сами себе напрашивающийся ответ:

⁵ ТАНАХ, Кетувим, Кохелет 12, 7

⁶ Слово "Бог" в иврите – существительное множественного числа (буквально, "божества")

всему этому нет меры, всякая красота неизмерима. И, обратите внимание, насколько сочетания слов у Давида Рокэаха новы, мы таких раньше не читали: "течение времён года", например (вместо того, чтобы говорить о смене времён года) или, скажем, "ракушки, выбрасываемые на песок на пике их крапчатости" (кто когда-либо говорил о крапчатых ракушках, да ещё выбрасываемых на песок на пике их крапчатости?). Так с помощью новых сочетаний слов заставляет нас Рокэах ощутить новые пейзажи нашего языка; ведь истёртые от частого употребления слова оставляют нас равнодушными, а новые слова оживляют для нас ландшафты. Здесь идёт соревнование в новизне красоты и рекорд принадлежит "голубизне моллюска", той самой голубизне, которую ещё в Талмуде не сумели, кажется, найти и извлечь ⁷. Это и есть настоящий источник красоты: совершенная редкость, в том числе – и редкость слов. Это стихотворение поражает нас необычностью своей красоты, суть которой в его новой основе.

Хаим Ленский
(1905-1942)

Меж этих согнутых спин

Цемент и камень тяжким грузом гнут
Скопления спин, бредущие рядами.
Спине моей ещё сгибаться тут
Меж них под блеск стальных штыков годами,
Но твёрдо знаю: тени их косой
Не вечно рассекать затылок мой.
Судьба короткий век мне присудила.
А что ждёт в будущем, Содомы судьи, вас?
Что проку кандалам звенеть, являя силу?
Конец один – сойти со мной в могилу,
Но песни жизнь длинней во много раз.
Поэта бойтесь вы, хоть он и слаб сейчас!
Поэта голос - громы небосвода.
Бессмертен, не страшны ему века.
От тонкой тени злобного штыка
Меня избавят смерть или свобода,
А вас в гробах придавит (будет день!),
Могильную плитой позора тень.

חיים לנסקי

בין אלה הגבים הגוחנים

בין אלה הגבים הגוחנים
לסבלותם באבן ובמלט
נדון גבי לגחון, לגחון שנים
מתחת להט פגיוני-הפלד.
אך זאת אדע ידע: פס צלם
על ערפי ינוח לא לעולם.
חיי שלחן קצרי-ימים בחלד.
ומה, דיני-סדום, דינקם? – הד-שוא!
ומה יתרון לצליל ברזל הכבל?
הרי סופו לצלול אתי בקבר.
לא כן שירו של משורר נלעב –
גורו ממנו כל מעליביו!
קולו פרעם שחק בן-אלמות,
לעד בו לא ישלט הכליון.
מתוך צלו הדק של הפגיון
אותי יוציא החפץ או המות;
אתכם גם לא יוציא החדלון
מתוך עב-צל מצבת-הקלון!

⁷ В древности из моллюсков добывали высококачественные красители для тканей (пурпур и т.п.)

От составителя антологии:

До сих пор не ясно, когда и как умер Хаим Ленский, чудесный еврейский поэт, который был арестован в 1934г. в сталинской России по обвинению в сочинении стихов на иврите (именно так!) и осуждён на пять лет каторжных работ. Ленский отбыл, насколько известно, срок полностью и после пяти лет вернулся в Москву и Ленинград, но в 1942г. был снова отправлен в концлагерь в Сибирь, где, повидимому, и умер.

В этом лагере он написал некоторые из самых лучших своих стихов, в том числе и "Меж этих согнутых спин". Стихотворение описывает ужасную действительность, реальную действительность тех дней в сталинской Сибири. Поэт переносит камни и цемент под надзором вооружённой штыками охраны. События описываются "со спины", то есть как совершенно анонимные, и лиц арестованных мы не видим. Поэта спасает от абсолютного душевного ада некое принципиальное убеждение: страдания в этом мире временны и, в особенности, страдания того, чья жизнь коротка. Поэзия, напротив, вечна. Она останется и после него и поставит "памятник позора" его охранникам, судьям и всему сталинскому советскому режиму. Даже после смерти они не смогут очиститься от этого позора.

Стихи Ленского нельзя отделить от искусства большой поэзии. Ленский из тех поэтов, которые доказывают, что поэзия и самый факт поэтического творчества есть некий источник радости; и в данном стихотворении заметна эта радость рифмы и ритма посреди Сибири, посреди тотального угнетения.

Рахель
(1890-1931)

רחל

*

*

Я себя рассказала дотла.
Я водила чужих
По комнатам потаённым души:
Здесь -
Гордость, что поправа, там – надежды тщета,
А покой - за отчаяньем,
Впереди.

אֶת כְּלִי סִפְרִתִּי עַד תֵּם.
בְּחֻדְרֵי חֻדְרֵי
הוֹלַכְתִּי זָרִים וְהִצְבַּעְתִּי :
כָּאן –
גִּאּוֹנָה רְמוּסָה, כָּאן – צְפִית שָׁוְא,
וְשִׁלְוָה לְאַחֵר יָאוּשׁ –
לְהֵלֵן.

И ты был среди них,
И ты, близкий-чужой, на меня
Мимоходом взглянув, вместе с ними ушёл.
Ну, а я

גַּם אַתָּה בִּינֵיהֶם,
גַּם אַתָּה, הַקְּרֹוב-הַזָּר,
עֲבַרְתָּנִי עֲבוּר וְהִבֵּט וַתִּצָּא עִם כָּלֶם,
וְאֲנִי

Буду молча в углу...
Я... Так что же, так что же,
Не было ничего?

בפנה אשקט.
ואני - - האמנם, האמנם
לא היה דבר!?

От составителя антологии:

Чудо Рахели из числа "простых", поэтому иногда не распознают её величия, ведь простота обманчива. Рахель – из самых редких поэтов; её фраза "Лишь о себе рассказать умела" обманула некоторых читателей, потому что говорила она не только о себе, но, по сути, обо всех нас. То есть говорила много больше, чем только о себе. И, среди прочего, по-своему о большой истории сионизма. Рассказывала об озере Кинерет, о пионерах освоения земли. Рассказывала о любви и о тоске по любви. И всегда с чудесной певучестью. Вовсе не легко и мало кому удаётся быть такой простой и чарующей, редкой по по силе своей любви, по силе исповедальности, глубине духовности и мысли, музыкальности, скромности фиалки, совершенству иврита, всегда свежего и прозрачного (своясь который всегда виден смысл), лишённого всякой заплесневелости - речевой и литературной, исполненного поэтической беглости. Рахель не только не пряталась за словами, но, наоборот, видела суть поэзии в возможности открыть душу, отбрасывая все литературные маски (отсюда её простота, которая и есть обнажение). Действительно, Рахель была противоположностью якобы-интеллектуальному снобизму, любующейся собой пустоте. Душа Рахели была велика и обнажена, и верно сказал о ней Бялик, что "клумбы её поэзии с их белыми цветами будут белеть вечно".

Вот и в этом стихотворении с беспощадной жестокостью по отношению к самой себе она срывает все маски: "Я себя рассказала до-тла..." Ясно, между прочим, что, если бы не Рахель, не было бы и Леи Гольдберг, которая умела приводить чужих ко всем своим разочарованиям, отчаяниям и любовям.

Авраам Шлёнский
(1900-1973)

אברהם שלונסקי.

Могуч лес в пору листопада

האדיר הגווע

Могуч лес в пору листопада,
И нет тропинки, нет пути,
А даль настойчива, и надо
Вновь спрашивать и вновь идти.

אדיר היער בשלכת
ואין משעול ואין משעול
והמרחק גוזר ללכת
ומחדש לתחיל לשאל.

Кому подобен ты, коль паства
Блеск фраз понять не в силах впредь,
И новой речью – вот лекарство! –
Теперь ты должен овладеть?

אל מי דמית כי דלות
היו צאניך לברות
וכמו הערב החלות
צרף מלים מהברות?

Мать сыну сказку рассказала:
Жил-был старик – богат, могуч,
Но, за собою дверь подвала
Закрыв, не смог найти он ключ

И пойманной подобен мыши
На груди золота вопил.
Никто не отвечал, не слышал,
Лишь эхо - до потери сил.

Так сказку мама завершила,
И эхо скрыл подвала свод.
Но неотступно мысль сверлила:
Могучий с голоду умрёт.

Могуч лес в пору листопада,
В нём нет следов былых путей.
Теперь тебе речь строить надо
Из неотёсанных камней.

אֶל הַכֶּסֶף יַעֲלֶה
שָׁמַע סֶפֶר מִפִּי אִמּוֹ
אִךְ נִסְגְּרָה עָלָיו הַדֶּלֶת
וְהַמִּפְתָּח בֶּל עָמּוּ.

אִךְ כַּעֲכָבָר לְכוּד שׁוּעַ
עַל דִּינָרָיו – עַד הַתַּעֲלֵף:
כִּי לֹא עָנָהוּ קוֹל שׁוֹמֵעַ
זֹלַת הָדוּ שְׁלִמְרָתָף.

תָּם-וְנִשְׁלַם סֶפֶר שֶׁל אִמָּא.
חֶתֶם הָהָד עַל מוֹרָאיו.
וְרִק הַדְּמוּת הַדְּמוּת הַפְּנִימָה:
אֲדִיר גּוֹזַע בְּרַעַב.

אֲדִיר הַיַּעַר בְּשִׁלְכָת.
נִמְחוּ נִמְחוּ עֵקְבֵי הַשְּׁבִיל - -
אֶל עוֹד תִּבְנֶה גְזִית מְלִיךְ
חֲצוֹב דְּבָרָךְ מֵאֶבֶן-גְּוִיל.

От составителя антологии:

За запоминающейся музыкальностью и языком закодированных символов стихотворения "Могуч лес в пору листопада", открывающего позднюю книгу Шлэнского "Неотёсанные камни" (1960), кроются болезненная правда и беспощадное самобичевание. Шлэнский уподобляет себя, в начале своей старости, могучему лесу в пору листопада (надо думать, по воспоминаниям своего украинского детства; на земле Израиля нет ничего подобного), где идущий теряет дорогу, и само расстояние, которое ему нужно преодолеть, чтобы вернуться (здесь, в смысле вернуться к самому себе и к своей поэтической силе), заставляет его задавать себе острые вопросы. В попытке выбраться из чащи лысеющего леса, в котором очутился, он уподобляет себя богачу, обладателю несметных сокровищ (в данном случае, лексических), потерявшему вдруг способность даже составлять слова из слогов, как если бы только сегодня вечером начал писать стихи. Человек, оказавшийся в ловушке подвала, при всём своём поэтическом богатстве и со всеми языковыми "динарами" не может оттуда выбраться и остаётся в полном одиночестве и в беспомощности, каким и был Шлэнский в те годы, когда очевидным образом лишился короны первого поэта.

Это стихотворение затрагивает и вопросы собственно поэтики. В нём Шлэнский советует самому себе быть менее совершенным, менее "отшлифованным" (строить из "неотёсанных камней"), быть более естественным, т.е. писать без рифм и не придерживаться строго

упорядоченного построения стиха, писать с минимумом "отёсанности", а не так, как это было характерно для его творчества на протяжении многих лет: "Теперь тебе речь строить надо / из неотёсанных камней." Но при всём том, стихотворение попрежнему выстроено из совершенным образом обработанного материала, стихотворение грандиозное и отчаянное. Прочтите его себе вслух, вслушайтесь в музыку и слова. Этот лес – Шлёнский, и человек, потерявший дорогу, - тоже он.

Дори Манор
(р.1971)

Fin de siècle

"Ячейки моего подполья проникают всюду" (Дан Пагис)

Стихов ждут времена, нужна поддержка им,
Час наступил поэзии великой, СПИД-поэтов.
Отвергнув Господа, мы шаг обожествим –
Носители стихов идут, пророки од, сонетов.

Носители стихов! Знак Каина не зря
На наших языках (бессмертие возможно!),
И время это мы, как кочета заря,
От сна пробудим пафосом, рассудком здравым, дрожью.

Божественности вирус в кровь людей проник, и он
Ячейкою подполья, группой риска ждёт сигнала.
Носители, чьи кровь и плоть всегда - оплот времён,

Долой преступность лаконизмов, скромность, тупость жала!
Час наступил поэзии великой. Вирус, в бой!
Мы время предназначены, как ключ, закрыть собой.

От составителя антологии:

Замечательный сонет Дори Манора зовёт к революции. Это, повидимому, лучшее его стихотворение. Оно написано перед началом 2000-го года, в свете больших ожиданий от нового тысячелетия, и отсюда название – известное французское выражение, означающее

דורי מנור.

Fin de siècle

"תאי המחתרת שלי מגיעים לכל מקום" (דן פגיס)

בָּאָה עַת שִׁירָה גְּדוֹלָה, שִׁירָה ה־HIV,
כִּי סַעַד הַזְּמַנִּים הוּא שִׁיר. הַזְּמַן זָקוּק לְסַעַד.
נִשָּׂא אַחֵר נִשָּׂא נִצָּעַד, וְכָל נִשָּׂא – נָבִיא;
בָּאִין לָנוּ אֵלּוּהַ, נִאֲלִיָּה אֶת הַצַּעַד.

אֲנַחְנוּ נִשָּׂאִי שִׁירָה: אוֹת-קִין חִיּוּבִי
חֲקוּק עַל לְשׁוֹנֵנוּ (הָאֱלֻמּוֹת הוּא הַיַּעַד).
נִפְצִיעַ עַל הַזְּמַן הַזֶּה כְּשֹׁחַר עַל שִׁכּוּי,
נִאִיר אוֹתוֹ בְּפִתּוֹס, בְּדַעַה צְלוּלָה, בְּרַעַד!

נְגִיף הָאֱלֹהוּת עוֹבֵר בְּנִפְשׁ הָאָדָם.
כָּתָא מַחְתָּרַת הוּא עוֹבֵר: קְבוּצַת סָכָן, הַכּוֹנִי!
הַזְּמַן זָקוּק לְסַעַד נִשָּׂאִי בִּשְׂר-וָדָם –

הַקֵּץ לַהֲצִטְנָעוּת, הַקֵּץ לַפֶּשַׁע הַלְקוֹנִי!
אֶת בְּרִים הַתְּקוּפָה הַזֹּאת נוֹעֲדֵנוּ לְהַגִּיף:
עֲכָשׁוּ הוּא זְמַן שִׁירָה גְּדוֹלָה. עֲכָשׁוּ הוּא זְמַן נְגִיף!

"конец столетия", а по сути – конец тысячелетия, так сказать, "смену времён". Сонет этот совершенен по рифмовке и ритму, почти что чудо стихосложения, возвещающее возрождение поэтичности и духовности прямо-таки на уровне библейского пророчества конца света, включая отмену смерти навеки ("бессмертие возможно"). Вирус СПИДа и его носители служат здесь метафорой, добавляющей адреналин в процесс оживления великой поэзии, великой духовности и исправления мира (даже, если для самого автора нет Бога, он превращает поэзию в религию: "Отвергнув Господа, мы шаг обожествим").

Вирус СПИДа несколько парадоксальным образом служит альтернативой "вирусу божественности". (С содроганием обнаруживаем, что буквы аббревиатуры СПИД совпадают с некоторыми буквами упоминаемого рядом имени Господа⁸). Но, вопреки "отвергнув Господа...", речь идёт о стихотворении, несущем, по существу, религиозную весть, стремящемся воздействовать на нашу жизнь в незащищённой точке её духовности в момент, когда мы полны опасений и надежд в предверии нового тысячелетия. Наше время – "время вируса" не только потому, что речь идёт о "вирусе божественности", распространяющемся всё больше и больше среди людей, но и потому, что время можно победить (как вирус). Если духовность победит стремление к материальным благам (то есть поэзия победит приземлённость реальности или, иными словами, божественность – идолопоклонство), тогда мы выиграли битву. И сделать это надлежит поколению живущих меж двух тысячелетий. "Мы время предназначены, как ключ, закрыть собой". Мы закрываем и мы открываем эпоху, мы и никто иной.

Давид Авидан
(1934-1995)

דוד אבידן.

Из цикла "Два сонета"

מתוך "שתי סונטות"

1

א

В злосчастный вечер дня обрубленного вдруг
Как шар железный что подброшен к облакам
Себя я видел как бы иссякая там
Затем расстаял как твердили все вокруг

בְּעֶרְבַּ רֵעַ וּבְיוֹם מֵתָז
לְעֵנִינִים כְּמוֹ כְּדוּר בְּרִזָּל
רְאִיתִי אֶת עֵצְמִי פְתָאוּם אוֹזֵל
לֹא-ט-לֹאט כְּמוֹ שְׁאִמְרוּ לִי אֵז

И это знающие всё мои друзья
Не то чтоб предрекли а просто так рекли
И так судить о том решительно могли
Поскольку не они умрут а только я

הַיְדִידִים הַמְּבִינִים שְׁלִי
שֶׁלֹא נִבְּאוּ אֲבָל אָמְרוּ לִי סֵתֶם
כְּמוֹ שֶׁהִבִּינוּ אֶת עֲבָדוֹת מוֹתֶם
בְּמִנְגֵּנוֹן-תְּפִסָּה אָטוּם שְׁלִילִי

Но вспоминал меня потом всегда народ

⁸ В оригинале намёк на близость букв обозначения HIV (ВИЧ) к ивритским буквам имени Бога Сущего, которое по традиции не произносится всуе, заменяясь на "Господи" или "Господь"

Стоящим прочно или мчавшимся вперёд
Не думавшим совсем чего от завтра ждать

А после как-то вдруг на мне сошёлся свет
И выхода как из ловушки больше нет
А после после было поздно рассуждать

От составителя антологии:

Это один из самых совершенных сонетов на иврите, в котором Авидан предвидит, как он исчезнет из мира; видение прямо-таки физическое, осязающее беду. Желательно прочесть вслух. Красота сонета в его рифмах, музыкальности отшлифованного чудесно иврита и, конечно, в самом рассказе о жизни и смерти, в резюме жизни Авидана.

Что происходит в стихотворении? В какой-то злосчастный вечер (т.е. попросту вечер особенно плохой) Авидан выплеснут, запущен к своей катастрофе огромной неведомой силой извне и изнутри, как железный шар, отлетевший к облакам ("отлетевший" здесь в смысле "запущенный в полёт" и в том смысле, как говорят об отрубленной голове: оборванный ясный день становится зловещим вече-ром). Судьба непонятна, тяжела и враждебна, как железный шар. Осознание ухода внезапно, но само исчезновение происходит медленно ("себя я видел как бы иссякая"), как медленна смерть человека, вскрывшего себе вены. Только само осознание беды, как внезапная вспышка пламени свечи, неожиданно и быстро.

И всё же, несмотря на то, что "вдруг на мне сошёлся свет, ловушки крышка мне застила свет", то есть, хотя отчаяние почти безнадежно, самый факт того, что Авидан говорит критически о своих друзьях, глухих к реальности их будущей смерти, это как бы своего рода декларация жажды жизни.

Тот, кто знаком с всегдашней авидановской надеждой на вечные миры и с его враждебностью по отношению ко всякому "примирению со смертью" – хорошо известными элементами его поэзии, опознает и здесь эту всегдашнюю враждебность смерти и неприятие её, даже тогда, когда всё уже закрыто для него (обратите внимание: свет закрывается на нём, а не вокруг него, чтобы подчеркнуть интим-ность и взаимозависимость между ним самим и тем, что с ним происходит; смерть приходит не только извне, но и изнутри).

Из раздела "Первые"

Хаим Нахман Бялик
(1873-1934)

Дай твоим укрыться крылом⁹

Дай твоим укрыться крылом,

אָבֿל זָכְרוּ אוֹתִי כְּמוֹ תַּמִּיד
דוֹהֵר קְדִימָה וְנֹצֵב עֲמִיד
וְלֹא יוֹדֵעַ מֵהַ יְקָרָה מִחֵר

וְאַחֵר-כֵּן הַכֵּל נִסְגָּר אֵלַי
כְּמוֹ חֶפֶת-מִלְכָּדֶת מַעֲלִי
וְאַחֵר-כֵּן הָיָה כָּבֵד מֵאַחֵר

חיים נחמן ביאליק.

הַכְּנִיסִינִי תַּחַת כְּנָפֶךָ

הַכְּנִיסִינִי תַּחַת כְּנָפֶךָ,

⁹ По мнению некоторых специалистов автор обращается к Божественному Присутствию, Шхине. На иврите это слово – женского рода.

Будь мне матерью и сестрой,
На груди твоей спрячу лицо, -
Тщетным мольбам сердце открой.

Милосердно склонись в сумерек час,
Муки свои поведаю я :
Ю н о с т ь есть на земле, говорят.
Где юность моя ?

И выдам ещё тайну одну :
Сгорела душа в пламени снов.
Говорят, л ю б о в ь есть на земле.
Но что есть любовь ?

Звёзды, и те солгали мне :
Дали мечту – разбили её.
Всего лишился я на земле,
Нет ничего.

Дай твоим укрыться крылом,
Будь мне матерью и сестрой,
На груди твоей спрячу лицо, -
Тщетным мольбам сердце открой.

Авигдор Амейри
(1890-1970)

Весь день попугай мой кричал

Весь день попугай мой Йоси кричал:
Петер ушёл! Петер сбежал!
Тише ты, Йоси! Ты что, одичал?
А он за своё: Петер сбежал!
Дала ему зёрнышек, чтоб замолчал,
А он без конца: Петер сбежал!
Йосинька, всё! Ты уже мне сказал!

וְהִי לִי אִם וְאַחֹת,
וְהִי חִיקָה מְקַלֵּט רֹאשִׁי,
קַן-תְּפִילוֹתַי הַנִּדְחוֹת.

וּבַעֲת רַחֲמִים, בֵּין-הַשְּׁמָשׁוֹת,
שָׁחִי וְאָגַל לָךְ סוּד יְסוּרֵי :
אוֹמְרִים יֵשׁ בְּעוֹלָם נְעוּרֵי מִ –
הֵיכָן נְעוּרֵי ?

וְעוֹד רַצְ אֶחָד לָךְ אֶתְּוֹדָה :
נִפְשִׁי נִשְׂרָפָה בְּלִהְבָה ;
אוֹמְרִים, אֵהְיָה יֵשׁ בְּעוֹלָם –
מֵה-זֹאת אֶהְבָּה ?

הַפּוֹכְבִּים רָמוּ אוֹתִי,
הָיָה חֲלוּם – אֵךְ גַּם הוּא עָבַר ;
עָתָה אֵין לִי כָלוּם בְּעוֹלָם –
אֵין לִי דָבָר.

הַכְּנִי־סִינִי תַחַת כְּנָפֶיךָ,
וְהִי לִי אִם וְאַחֹת,
וְהִי חִיקָה מְקַלֵּט רֹאשִׁי,
קַן-תְּפִילוֹתַי הַנִּדְחוֹת.

אביגדור המאירי.

וְהִתְכִּי יוֹסִי – כָּל הַיּוֹם צָרַח

וְהִתְכִּי יוֹסִי – כָּל הַיּוֹם צָרַח:
פָּטַר הֵלֶךְ, פָּטַר בָּרַח!
הִשְׁתַּקְתִּי אוֹתוֹ: יוֹסִי, מֵה לָּךְ? –
וְהוּא בָּאֶחָת: פָּטַר הֵלֶךְ!
נָתַתִּי לוֹ מִתֶּקַּע עִם עָלִי-שָׁרָךְ –
וְהוּא בָּלִי הָרַף: פָּטַר בָּרַח!

Вздохнул попугай: Петер сбежал...
Давай успокоимся, Йосинька мой.
Ведь, если и ты, что будет со мной?
Петер вернётся с тобой поиграть.
Петер сбежал, - прошептал он опять.
Замолкли деревья и ветер застыл.
Вздохнул попугай и глаза закатил.
И вдруг исчез, голова не видна.
Свалился за шторку и замер комком.
И так осталась я в мире во всём
одна.

יוֹסִי, הֵס-נָא, אֶל-נָא תִצָּרַח –
וְהוּא נֶאָנַח: פֶּטֶר בָּרַח!
יוֹסִי יִקְרִי, עָלֵינוּ לְהַרְגֵעַ –
אִם גַּם אַתָּה תֵּלֵךְ אֵנִי אֲשַׁתְּגַע –
הַלִּילָה יָשׁוּב פֶּטֶר וְשׁוֹב יִשְׁרָק לָךְ –
וְהוּא מִלֵּל: פֶּטֶר הֵלֵךְ! –
עָצִי הֵיעַר מִמָּרְחָק אֵט שָׁמָּה
וְהוּא נֶאָנַח – וְעֵינָיו נִעְצָמוּ –
וּפְתָאם נֶאֱלַם
וַיִּפֹּל אַחֲזָרְנִית מֵעַל-גְּבִי הַבַּד –
כָּכָה נִשְׁאַרְתִּי לְגִמְרִי בְּדָד
בְּתוֹךְ הָעוֹלָם. –

¹ По мнению некоторых специалистов автор обращается к Божественному Присутствию, Шхине. На иврите это слово – женского рода.

Из раздела "От Рахели до Хаима Гури"

Элишева

(Елизавета Ивановна Жиркова-Быховская)
(1888-1949)

Остаток

Вот что осталось на старости лет:
Час сумерек тускло кафе осветил,
Спешить собеседнику повода нет -
Не молод уже, не красив и не мил.

Нет, кроме нас, здесь пока что гостей.
Скрипач с пианистом в углу за спиной.
Мелодия вечная пьяных людей,
И сколько печали в мелодии той!

Это не ново, всё это из снов,

*
אלישבע.

שְׁאָרִית

זֶה שְׁנִשְׁאָר לִי לַעַת זְקֵנָתִי:
שָׁעָה לְפָנוֹת-עָרָב. אוֹלָם בֵּית-קֶפֶה.
שִׁיחָה מְמֻשָּׁכֶת, וּבֵן-שִׁיחָתִי –
אֵינָנוּ צָעִיר וְאֵינָנוּ יָפֶה.

רִיק הָאוֹלָם. בְּשִׁבִּיל שְׁנֵינוּ בְּלִבָּד
כְּנוֹר וּפְסוּנֶתֶר מְנַגְּנִים בַּפֶּנֶה.
נִגּוֹן בֵּית-מִרְזָח – הוּא חֵי עַד־עַד,
וְמָה רַב הַיְגוֹן בְּקוֹלוֹת הַנְּגִינָה!

כָּל זֶה הִיָּה – בְּעֶבֶר, בְּדִמְיוֹן,

Всё было в надеждах напрасных, в стихах,
Но память всё ищет за буднями слов:
Да, что-то там было, осталось в мечтах ...

Выпьем! Не сто́ит наполнившей зал
Иллюзии тени искать в этот час.
Рукою незримой наполнен бокал,
Вино нашей памяти сладко для нас.

Йосеф Шалом
(1904-1990)

Рог

В доме деда громко в рог трубили,
Чтобы возвестить о Судном дне,
И беременные женщины входили,
Поправляли простыню на мне.

Слёзы их скрывали боль и муку,
Чтобы я не мог найти ответ:
Что же знают нежные их руки
Про печаль, где утешенья нет?

Амулет мой на груди хранился,
И, его целуя, надо мной
Наклонялись. Только б миг продлился! -
Так был сладок сердцу поцелуй.

Гладкой, тонкой кожей щёк касались,
И от счастья нем я был и тих,
Но трубил вдруг рог, и покрывались
Белизной простынной лица их. ¹⁰

בְּחֵרוֹז מְשׁוֹרֵר, בְּתוֹחֶלֶת-כְּזָב...
מִבְּעַד לְחֹל שִׁיחֲתָנוּ – כְּעֵין זְכָרוֹן:
דְּבַר-מָה הָיָה – וְהָלָךְ – וְלֹא שָׁב.

הִבָּה נִשְׁתָּה, וְאֵין צֶרֶךְ לַתַּפֵּשׁ
אֶת הַצֵּל הַמְשָׁלָה שֶׁפָּרַח בְּאֹוִיר.
יָד נְעֻלָּמַת תִּמְזַג אֶל הַכּוֹס
יֵין-זְכָרוֹנוֹת – הוּא מְתוֹק וְקָרִיר.

יוסף שלום שפירא.

השופרות

הַשּׁוּפְרוֹת הָיוּ מְרַבִּים לַתְּקוּעַ
בְּבֵית סָבָא, בְּעֶרֶב יוֹם הַדִּין.
נָשִׁים הָרוֹת הָיוּ בָּאוֹת לְשִׁמוּעַ
וּמִיִּשְׁרוֹת עָלִי אֶת הַסֵּדִין.

עֵינֵיהֶן הָיוּ יוֹדְעוֹת לְדַמּוּעַ
בְּשַׁעַת מַעֲשֵׂה מִבְּלִי שְׁאֵנִי אֲבִין:
מָה לַיָּד הַזֹּאת שְׁכַּח תִּרְךָ לְנִגּוּעַ
וּלְעֶצֶב זֶה, שְׁאִין לוֹ תִּנְחֹמִין?

אֶל צִנְאֲרֵי הָיָה קָשׁוּר קָמִיעַ,
הָיוּ נוֹשְׁקוֹת אוֹתוֹ בְּרֻטָּט כָּאֵב.
הַתְּפִלָּתִי אַז לִקְץ שְׁלֹא יִגִּיעַ –
כֹּה נָעַם מִגַּע שְׁפָתַי לִלֵּב.

עוֹר לְחִין הָיָה כֹּה דַק, שְׁעִיעַ,
כְּמַעֵט שְׁפִי נִפְתָּה לוֹמַר: הִדְרָן...
אֶךְ קוֹל שׁוֹפֵר הָיָה פִּתְאֹם מִרִיעַ –
וּפָנִי כָּלֵן הִפְכוּ מִסָּר לִבָּן.

¹⁰ Согласно иудаизму в Судный день Господь решает судьбу человека на следующий год: кому жить, кому умереть

Хаим Ленский
(1905-1942)

חיים לנסקי.

Меня полынь заколдовала

Влив мне в сердце едкий горький сок,
Навсегда полынь заколдовала,
И прошёл я тысячи дорог,
Для неё одной терпя немало.
Без вины был острым градом гроз
Иссечён и ветром бит пустыни,
И зеленоватые её седины
Мне дороже, чем весь пурпур роз.
Но в улыбке зубы обнажая,
Не дразни, красotka молодая!
Не отшельник скромный из пустынь:
С соком страсть влила в меня полынь.

(Ленинград, 25.12.1934, в заключении)

Тем, у кого

Тем, у кого есть только редька на обед,
Сон открывает свой большой буфет.

Кувшин хрустальный струи чистой водки льёт,
Стакан гранёный жадно ловит рот.

Жаркого сочного кус вилкою прошит,
И в чашке чая ложечка звенит,

А на закуску (словно в сказке давних дней)
Падут в тарелку тушки голубей.

Не мёд с льдом севера и не чужбин нектар
Не утолят меня на досках нар.

קסם לי קסמה הלענה

קסם לי קסמה הלענה
במרירות מיצה חריף-הריח.
רק למענה, למענה
נד אני ונע – אדם אורח.
נטע-נוד חבוט רוחות קדים,
על לא חטא רגום בך חד-רגב,
שיבתו הלזו הירקרקת
לי יקרה מארגמן ורדים,
אף משני שפתי, בת היפי! -
טור שניך אל בצחוק תחשוףי,
לא נזיר אני ולא ענו -
קסם לי קסמה הלענה.

לאלה שיומם

לאלה שיומם השביע מצונו
פוחת החלום את מצונו.

שם צלול סילון יזל מלגין-גביש הי"ש,
צמאון צנצנת מצלעת ישק.

לשם כבוד עלו מתהום-ימים בריות,
ירדו ממרום שחקים יונים צליות.

וצלי נודף נפגש בצליל מזלג ולג,
בשאון צלילת כפית בתה מתוק.

הן גם את יצועי תפקודה, חלומי.
המתיקה נא את מרר צנון יומי...

О сон, слети ко мне, на ложе навести
И жизнь, что горше редьки, подсласти!

Лишь тонкий ломтик борозды родной
Дай, что пропитан Немана водой,

И с берегов реки отрежешь, может быть,
Кусочек хлеба, чтоб благословить...

Язык праотцев

Эймáна, Галевй¹¹, всех праотцев язык,
Дошёл ко мне ты чудом сквозь века и сечи.
Твой звук отрадой в сердце мне проник.
Как поцелуй южанки, жарки твои речи.

Мне легион вести с Йордана и Евфрата
Велел ты, царь, собрав войска из слов.
И буквы, что ты выстроил когда-то,
Квадратны, как в Ашуре бороды бойцов.

Ты дал приказ: двинь армии скорей!
Мчит кавалерия под дактиль легконогий,
Пехота – ямбом, колесницы - сплошь хорей,
И чувство-знамя им торит дорогу.

О царь! Я вёл твои войска за Дон,
Через Неву на Неман, где дни детства протекли.
Переведи же моё имя через Леты сон
Как имена тех праотцев – Эймана, Галеви.

אך לא בצוף צפון ובנפת נוף נכר –
לא בם, לא בם תרוה גרוני נחר !

רק פלח דק בקע מגזר תלמי ארצי,
מלא ממי הנימן מלא קמצי.

ואם לא תקמץ – מגדות אותו נהר
לי פרוסת לחם פרוס ל"המוציא".

לשון קדומים

לשון קדומים, לשון הימן והלוי,
בדרך נס הגעת אלי, את המענגת.
ניבך נעים הניב לבי ועלי פי
דלקו מליך כנשיקות בת-נגב.

מגדות ירדן ופרת הסעת לגיונותיה,
שמתני למפקד ולך, מלכה, לסגן.
נצבו הכן בטור אותיותיה
כגבורי אשור מרבעי זקן.

נתת לי צו: את הגיסות הסע! והרי
דוהר חיל הרוכבים בדקטילוס דק-רגל,
הפיסטונים בימב, הרקב בחורי.
ובראשם דגלן חרוץ – הרגש.

מלכה! העברתי צבאותיה כמצביא
מעבר דון, ניבה ונימן נהר מולדת.
כן תעבירי שמי מעבר נהר הלתי
כשמות הקדמונים הימן והלוי.

¹¹ Эйман сын Йоэля – поэт и музыкант времён создания Первого Храма в Иерусалиме (около 1000 лет до н.э.), Иегуда Галеви – один из крупнейших еврейских поэтов Средневековья. Философ и врач, жил в Испании (1075-ок.1141)

Габриэль Прейл
(1911-1993)

גבריאל פרייל.

Остров и отступившее море

אי וימא הנסוג

Песня может прийти в любую погоду
И создать собственный климат,
Насадить сады с золотыми плодами, каких раньше не было,
Или породить новую песчаную пустыню.

השיר בא עם כל מזג-אוויר, -
ואחר יוצר אקלים משלו,
נוטע גנים לא העלו זהב קדם,
או נעשה ערב למדבר חול חדש.

После того, как песня спета над снегом её и под солнцем её
Со всеми переменами ритма,
Она начинает дышать, как самостоятельный пейзаж,
Как реальная притягательная точка
На географической карте.

לאחר שהושר השיר על שלגו ושמשו,
וכל המעברים הפועמים לביניהם,
הוא נושם כנוף עצמאי,
כנקודה מוחשית-מושקת
על מפה גאוגרפית.

И только сотворивший песню,
Раненый любовью, остаётся вне пейзажа –
Остров, чьё море от него отступило.

רק מחולל השיר
פצוע אהבה נשאר מבחוץ:
אי שיימא נסוג ממנו.

Зельда Шнеерсон-Мишковская
(1914-1984)

זלדה.

Каждая лилия

כל שושנה

Каждая лилия – остров
Мира обетованного,
Мира вечного.

כל שושנה היא אי
של השלום המבטח,
השלום הנצחי.

В каждой лилии
Живёт птичка сапфировая,
Что зовётся "И перекуют".¹²

בכל שושנה מתרוקרת
צפור ספירית
ששמה "וכתתו".

¹² "...и перекуют они мечи свои на орала, и копыя свои – на садовые ножницы; не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать"
(ТАНАХ, Невиим, Ишияху 2,4)

И кажется,
Так близок
Свет лилии,
Так близок
Её аромат,
Так близок
Покой её листьев,
Так близок
Тот остров –
Возьми лодку
И пересеки море огня.

וְנִדְמָה
כֹּה קָרֹב
אוֹר הַשּׁוֹשְׁנָה,
כֹּה קָרֹב
נְחוּמָה,
כֹּה קָרֹב
שֶׁקֶט הָעֵלִים,
כֹּה קָרֹב
אוֹתוֹ אֵי –
קַח סִינָה
וְחַצֵּה אֶת יָם הָאֵשׁ.

Песня на музыку Изхара Эшадот в исполнении Гиги Гов
На сайте <https://www.youtube.com/watch?v=63V9mai-8OE>

Невидимый Кармель

הַכַּרְמֶל הָאֵי-נִרְאָה

Когда я умру,
чтобы превратиться в иную сущность,
невидимый Кармель,¹³
тот, что весь мой,
весь – сгусток счастья,
тот, что своими иголками, шишками деревьев, цветами и облаками
врезан в моё тело,
распростится с Кармелем видимым,
чьи сосновые аллеи спускаются к морю.

כְּאִשָּׁר אָמוּת
לַעֲבֹר לְמַהוּת אַחֶרֶת –
יִפְרֹד הַכַּרְמֶל הָאֵי-נִרְאָה
שֶׁהוּא כָּלוּ שְׁלִי,
כָּלוּ תַמְצִית הָאִשָּׁר,
שֶׁמְחַטִּיו, אֶצְטָרְבִּלְיוֹ, פָּרְחָיו וְעִנְנָיו
חֲקוּקִים בְּבִשְׂרִי –
מִן הַכַּרְמֶל הַנִּרְאָה
עִם שְׁדֵרֵת הָאֲרָנִים שִׁיזְרָדֶת לָיִם.

Может ли быть наслаждение от багряного заката
связано с тем, что я смертна?
А наслаждение от ароматов,
от встающего над водой тумана,
от момента возвращения
к пристальному взгляду иерусалимского неба,

הֲאֵם תַּעֲנוּג הַשְּׁקִיעָה הָאֲדָמָה
הוּא מִסִּוד הַתְּמוּתָה שְׁבִי?
וְתַעֲנוּג הַבִּשְׂמִים
וְרֹגַע עֶרְפְּלֵי הַמַּיִם
וְרֹגַע הַשִּׁיבָה
לְמַבֵּט הַתְּקִיף שֶׁל שָׁמַי יְרוּשָׁלַיִם,

¹³ Кармель – гора в Израиле, на которой расположен город Хайфа

к Тому, Кто превыше всего...
И оно тоже?

לעליון על הכל –
האם מיסוד התמונה הוא?

Яков Орланд
(1914-2002)

Радость бедных

Яков Орланд (1914-2002) – израильский поэт и композитор

Ионатан Ратош – псевдоним израильского поэта Уриэля Шелаха (1908-1981). Книга "Чёрная хупа" вышла в начале 1941г.

Лея Гольдберг (1911-1970) – израильская поэтесса. (переводы – см. на этом сайте). Книга "Кольца дыма" вышла в 1935г.

Натан Альтерман (1910-1970) – израильский поэт. Книга "Звёзды вовне" вышла в 1938г., а поэма

"Радость бедных" – в марте 1941г. (переводы – см. на этом сайте)

Ури-Цви Гринберг (1896-1981) – израильский поэт

יעקב אורלנד.

שמחת עניים

פעם, לאחר הופעת 'חפה שחורה' של יונתן רטוש,
סעדנו צהרים בבן-יהודה פנת פרישמן
נכנסנו קדם למסעדה אחרת בקרבת-מקום,
אבל מצאנו שם את לאה יושבת לבדה,
ה'חפה' דקדקה בידיה הגרומות, כלה אפופה טבעות-עשן,
והיא מכנסת בקריאה.
נתן הביט בה – ונרתע,
כמפני מתנפל, כמשואת-רשעים,
הוא הדחיק ראשו פנימה אל בין כתפיו
והחל סב חרש על עמדו.
בעזית-פיו רמז לי לצאת אחריו.
לאה הבחינה בנו, ואלו אנו ברכנו אותה, כלה תמהון,
וסמקנו החוצה.

מאז הבקר היה קודר.

הוֹי קוֹדֶר, הוֹי כְּמָה קוֹדֶר.
וְעֵשֶׁן בְּשֶׁרֶשֶׁרֶת.
שְׁמַתִּי יָדִי עַל כְּתָפוֹ בְּלִי לְדַעַת לְמָה בְּדִיּוֹק,
נִהְגְּתִי עִמּוֹ כֶּךָ לִפְעָמִים.
הוּא נֶעַר מַעֲלִיו אֶת הַיָּד בְּרִתִּיעָה שְׁלֹא הֵייתִי רָגִיל בָּהּ
וְתִלִּיתִי בּוֹ עֵינַיִם.
פְּתָאם זָרֵק אֶת הַסִּיגְרִיָּה הַבּוֹעֶרֶת וּמַעַךְ אוֹתָהּ בְּסוּלִיתוֹ,
כְּחֹפֶחַ בְּגָרוֹנוֹ, הַשְׁתַּעַל, יֶרֶק, נִכְנָס לַמַּסְעָדָה בְּבֶן-יְהוּדָה
וְאָמַר פְּעָמִים קוֹנִיָאֵק,
הַרִיק אֶת הַמִּשְׁקָה בְּלִגְמָה אַחַת בַּעֲוִית-שְׁפָתַיִם מְרָה, כְּגוֹמַע רַעַל,
אָמַר "אַה..." מִפְּנֵי הַחֲרִיפוֹת וּמִפְּנֵי מָה שֶׁנֶּאֱרָא לִי מַעֲבָר לָהּ,
הַשְׁעִין גִּבּוֹ לְקִיר מֵאֲחוֹרָיו, הִבִּיט בְּעֵינָיו לַחוֹת
וְגִמְגָם בְּאֵלִימוֹת וּבְזַעַם וּבְהֶרֶחֶק מִשְׁגָּרְתוֹ,
כְּשֶׁהוּא מְטִיחַ אֲגָרוֹפִיו בְּקִיר מִשְׁנֵי צַדִּי גּוֹפּוֹ בְּקֶצֶב שֶׁל מִכָּה עַל-חֹטָא:

'אֶת יְחִידָה כָּצֵל
אֶת בּוֹגְדָה כְּנַחַל
אֶת תַּצְעֲנִי לְכָל, לְכָל עוֹבֵר וְשָׁב...'

"אִיךָ זֶה? זֶה טוֹב, מָה? זֹנָה, זֹנָה, הַלְשׁוֹן הַעֲבָרִית..."
אַחֲר־כֶּךָ שֶׁתֵּק אֲרָכוֹת וְהִנֵּהן לַעֲצֹמוֹ בְּנִיד-רֹאשׁ אֶת קֶצֶב שְׁתִּיקָתוֹ
וְאֶת מִשְׁמַעוֹתָהּ, כְּמִי שֶׁמִּשְׁלִים עִם פְּתִיעוּלוֹתֶיהָ וְחֻקְתָּהּ שֶׁל הַבְּרִיָּאָה,
לְבִסּוֹף הַיִּשִּׁיר אֵלַי מִבֶּט נוֹקֵב, שֶׁהִיא קֶצֶת וּמִלְמַל כְּמִתְחַטָּא:
"אַל תִּקַּח אוֹתִי בְּרִצְיוֹנוֹת, זֶה יַעֲבֹר" ... וְחִיךְ בְּמִמְזְרוֹת פְּצוּעָה.
חֲבֵרוֹת אֲמִיצָה הִחֲזִיקָה אֲזַי בְּשִׁנָּיו,
בְּהִבְדֵּל רַב מִיַּחְסֵי-סוּפְרִים סֵתֵם,
כְּלוֹמֵר...
נוֹ טוֹב, מִיֵּלָא. לֹא עֲכָשׁוּ.

וְזֹאת לְדַעַת:
בְּיָמִים הֵהֵם אֵין מֶלֶךְ בְּיִשְׂרָאֵל,
לְבַד מִנֶּתֶן.
לֹא עָשָׂה אִישׁ הַיֵּשֶׁר בְּעֵינָיו, כִּי אִם בַּעֲצָתוֹ וְעַל פִּיו.
קָשָׁה לְהִסְבִּיר. מִיִּן דֶּרֶךְ-אֲרָץ בְּפָנֶי חֲכַמַת-הַלֵּב הַמְּפֹלָאָה שְׁלוֹ,
בְּפָנֶי מִגְד-רֶגֶשׁ כְּשָׁרוֹנוֹ, שֶׁרְאִינוּ בָּם זִיו מֵאִיקוֹנִין שֶׁל שְׂכִינָה.
תֹּאמְרוּ שְׁלוֹנֶסְקִי, תֹּאמְרוּ אוּרִי-צָבִי,

אָבֿל שְׁלוֹנֶסְקִי שָׂרְבִיט הָיָה לוֹ, לֹא כֶּתֶר.
וְאֵלּוֹ אוּרִי-צִבִי – הֶר-שָׂרְפָה מִסְכֵּן הָיָה אַז, וְרֹחוֹק וּמִנְכָּר
מִפְּנֵי הַחֶרֶם, מִפְּנֵי קֶצֶר-הָרֹאוֹת, מִפְּנֵי מָה לֹא?
רַק נִתֵּן עִם כָּל כּוֹכְבָיו בַּחוּץ, חֵם כָּמוֹ בֵּית-אֵמָא, כָּמוֹ
רוּעַת-הָאֲנָזִים וּפְנִידָק-הַיַּעַר וּפִילִי-הַשְּׂמִימִים הַגְּדוֹלִים,
כָּמוֹ נָזִיר מְשַׁלַּח בְּתוֹכֵנוּ, מִזְמֵר יְפִי כְּאַחַד הָאָדָם,
שׁוֹנֵא מִלְחָמוֹת וְאִינוֹ נוֹתֵן לָהֶן רוֹבִים
וְהָאוֹרֶקֶל מְדַבֵּר מִפִּיו מְדִי שְׂבוּעַ,
אֶהְבֵנוּ אוֹתוֹ.
עוֹדוֹ רַךְ וּמְשׁוּחַ אַז, וְכִבֵּר אֶהְבֵנוּ אוֹתוֹ,
כִּיּוֹרֶשׁ-עֶצֶר צַעִיר, כְּנוֹשָׂא-עֶטְרָה בְּבוֹא הַיּוֹם,
וְהוּא חֶרֶד כָּל-כֶּךָ לְמַלְכוּתוֹ, וְאַף קִנְאִי לָהּ,
הוּי כְּמָה קִנְאִי לָהּ, מָה אַתָּם יוֹדְעִים...
וְאֵלּוֹ כָּאֵן פֶּתְאָם – כְּמֶרְאָה הַחֲשֵׁמֶל מִתּוֹךְ הָאֵשׁ וְכַחֲשֶׁרֶת-סוּפָה מִן הַמִּדְבָּר –
שִׁירִי 'חֶפָה שְׁחוּרָה'.
וּבְיָמִים הֵהֱם, כְּיָמִים כְּלִילוֹת, מִלְחָמָה סְבִיב
וְאַנְשִׁים לֹא טוֹב לָהֶם
וְאֵלֹהִים מִתְחַבֵּא מִפְּנֵי הַפְּרָעוֹת, יוֹדֵעַ מְרֻנָּיִם אַחֲרָיו
אֵיזָה עוֹלָם בָּרָא.
חֲשֵׁנוּ שׁוֹאָה, חוּיֵנוּ קֶץ הַעֲתִידִים, אִישׁ עַרְבִי מִכָּה אִישׁ עֵבְרִי
וְגוֹי אֶכְזֵר מֵהוֹתֵת בְּחֶרֶב הַגְּדוֹלָה,
וְשִׁכְיִנְתָּא לֹא בְּגִלוּתָא וְלֹא בְּכָאן, וּמִי אֲנַחְנוּ וּמָה שְׂרָשֶׁרֶת-הַדְּהַב
לְמֵן חֶרֶב־בֵּית עַד לְחֶרֶב־בֵּית?
וְהַכֹּל מִתְנַבְּאִים בַּמַּחֲנֶה – הִנֵּה סִכַּת-דָּוִד נוֹפֶלֶת וְהִנֵּה בָּאוּ מֵיָם עַד,
וְהִנֵּה מִפְּנֵי חֲטָאֵינוּ גְּלִינוּ וְכִמוֹ צִלִּיל לָחֵם שְׁעוּרִים מִתְהַפֵּךְ בַּמַּחֲנֶה - -
וּלְפֶתַע רוּחַ גְּדוֹלָה בָּאָה וְקוֹל תֵּף וְנִבֵּל וְחִלִּיל
וְחִבֵּל-נִבְאִים חֲדָשׁ מִתְגַּדֵּד בְּרֹחוֹבוֹת
עִם בְּכוֹר שׁוֹרוֹ הַדֵּר לוֹ וְעִם אֵל מוֹצִיאֵם מִמִּצְרַיִם בְּתוֹעֲפּוֹת רָאִם
וְעִם יוֹנָתָן מִרַעְנוֹ הַטוֹב בְּרֹאשׁם
אוֹמֵר לְמָה לָנוּ כָּל אֵלָה, וְלֹא מִשְׁלָנוּ כָּל אֵלָה, וְקִשָּׁה גְלוּת לִי־יִשְׂרָאֵל,
קִדְמַת-עֵדֶן כָּלוּ, עֵינָיו שְׁמֵשׁ, שִׁירוֹ חֲמוּקִי-סִהֵר,
תְּאֻנוֹת גְּבַעוֹת-עוֹלָם.
וְהַלְשׁוֹן – מִי-תְהוֹם, מְשִׁיבַת-נֶפֶשׁ, כָּמוֹ בָּאֵר חֲפְרוּהָ שָׂרִים,
לֹא שְׁמַעְנוּ כְּמוֹתָהּ מֵאֵז נִגְזְרָנוּ.
וּלְפֶתַע – כְּאֵמֹר – שִׁירִי 'חֶפָה שְׁחוּרָה', כָּמוֹ תַנּוּר עֹשֵׂן וְלִפִּיד אֵשׁ עוֹבֵר בֵּין הַגְּזָרִים.

שְׁלוֹנֶסְקִי הָלִיט פָּנָיו בְּאֶדְרֵתוֹ
וְלֹאָה בְּחֶדְרֶיהָ בָּאָה,
הָאֲלִילִים שָׁחָה נִפְשָׁם לְעֶפֶר
וְהַנִּפְּלִים הָיוּ אַז בְּאֶרֶץ...
הָלֹא רְאִיתֶם, הָלֹא קָרַאתֶם.

וּבְמִסְעָדָה, בְּבֶן-יְהוּדָה, אִישׁ וָרֵעוֹ יִשְׁבְּנוּ.
בְּלֹא חֲמֻדָּה הִסֵּב עָמִי נָתַן אֶל הַלְחָם.
כָּאֵל מֵאֶפֶה-שֶׁלִּשְׁם. טַעַם הַקֶּשׁ בְּפִיו.
יִשָּׁב. וְשִׁתֵּק. פֶּתָאֵם נִזְדַּהְרוּ עֵינָיו כְּמוֹ נֶר-אֱלֹהִים נִשְׁמַת אָדָם,
וְאָמַר בְּרִכּוֹת רַבָּה וּכְאֵלֹו בַּעֲנָה:
"מִמָּזֶר... אֵיךְ הוּא עוֹשֶׂה אֶת זֶה, לַעֲזָאזֵל..."

'אֶת יְחִידָה כָּצֹל
אֶת בּוֹגְדָה כְּנַחֵל
אֶת תַּצְעָנִי לִפְלִי, לְכָל עוֹבֵר וְשָׁב...'

...תִּשְׁמַע אֵיךְ זֶה מְצַלֵּץ אֶצְלוֹ, כֶּסֶף שֶׁכָּלוּ שָׁלְנוּ.
עֲשִׂיר גְּדוֹל הָאִישׁ הַזֶּה, עֲשִׂיר יְהוּדֵי גְּדוֹל, בּוֹא נִחְזֵר לְלֹאָה. הִיא לֹא תִבִּין".
וְחִזְרָנוּ. וְיִשְׁבְּנוּ עִמָּה. כָּלְנוּ עֲשִׂירִים.

וְעָבְרוּ צְהָרִים וְעָרֵב בָּא.
וְדִפְקָה עַל הַדֶּלֶת 'שְׁמַחַת עֲנִיִּים'.

Как-то после выхода в свет "Чёрной хупы"¹⁴ Ионатана Ратоша
мы обедали на углу Бен-Иегуда и Фришман.
Сначала мы зашли в кафе неподалёку оттуда,
но увидели там Лею, сидящую в одиночестве.
В её костлявых пальцах тоненькая книжица "Хупы", вся окутанная *кольцами дыма*¹⁵,
и она погружена в чтение.
Натан посмотрел на неё и отпрянул,
как от злоумышленника или смертельной засады.
Он втянул голову в плечи
и начал тихонько поворачиваться.

¹⁴ хупа – 1) свадебный балдахин 2) свадьба (иврит)

¹⁵ Здесь и далее в стихотворении курсив мой (А.Г.)

Гримасой скомандовал мне выйти следом за ним.
Лея увидела нас, и мы, поприветствовав её, совершенно изумлённую,
выскользнули наружу.

С утра он был мрачен.
Мрачен, ох, как мрачен!
И курил сигареты одну за другой.
Я положил руку ему на плечо, сам не знаю, зачем
(иногда я позволял себе это).
Он стряхнул с себя мою руку резко, чего раньше не бывало.
Я уставился на него.
Вдруг он бросил горящую сигарету, раздавил её подошвой,
откашлялся, сплюнул, зашёл в кафе на Бен-Иегуда
и попросил двойную порцию коньяка.
Осушил стакан залпом, скривил горько губы, как-будто глотнул яд.
Сказал "А!.." от горечи и, как мне показалось, от чего-то большего,
опёрся о стену позади него, посмотрел влажными глазами
и пробормотал грубо и с гневом, что было совершенно на него не похоже,
ударяя кулаками о стену ритмично, как будто каялся:

" Ты лишь одна как тень
Ты как ручей петляешь
Ты как цыганка всякий уведёт с собой

Каково? Здорово, да? Вот сукин сын!.. язык!.. иврит!.."

Потом долго молчал, отмечая кивками головы только ему слышный ритм
и его смысл, как-будто примирялся с непредсказуемостью и с законами мироздания.
Наконец, посмотрел прямо на меня пронизывающим взглядом,
помедлил немного и пробормотал, как бы извиняясь:
"Не примай меня всерьёз. Это пройдёт..." и улыбнулся хитровато, но с болью.
Нас двоих связывала тогда крепкая дружба,
совсем не так, как обычно бывает между писателями,
то есть...
Ну, ладно, хватит. Не сейчас.

Надо знать:

В те дни не было царя в Израиле,
кроме Натана.

Никто ничего не делал по-своему, а только по его совету и по его слову.

Трудно объяснить. Из уважения к чудесной мудрости его сердца,
к сладким плодам его таланта, в которых мы видели сияние божественной иконы.

Назовите Шлэнского, назовите Ури-Цви,

но у Шлэнского был жезл¹⁶, но не было короны,

а Ури-Цви – опасный вулкан – был тогда и далёким, и чуждым

из-за остракизма¹⁷, из-за близорукости и многого другого.

Только Натан со всеми его *звёздами вовне*, тёплый, как мамин дом, как *пасущая гусей*,

лесной трактир и огромные небесные *слоны*¹⁸,

как отшельник, посланный к нам, воспевающий красоту, словно обычный человек,

ненавидящий войны и не дающий им оружия,

и оракул вещает устами его еженедельно¹⁹ -

Мы любили его.

Ещё когда был юн и ещё только помазан²⁰, уже любили его,

как наследника престола, который будет коронован в один из дней.

И он так болел душой за своё царство, даже ревновал к нему;

ох, как ревновал к нему, что вы знаете...

А тут вдруг – как разряд электричества из пламени, как вихрь бури из пустыни –
стихи "Чёрной хулы".

А в те дни, дни и ночи, вокруг война,

плохо людям,

и Бог прячется от бедствий, знает, что ликуют за спиной Его:

какой мир создал!

Мы ощущали катастрофу, предчувствовали конец времён,

араб бьёт еврея и жестокий чужой народ, уверенный в своём огромном мече...

¹⁶ Авраам Шлэнский был не только выдающимся поэтом, но и активным деятелем в области литературы – редактором журналов, руководителем литературных групп, идеологом модернизма в поэзии

¹⁷ Ури-Цви Гринберг подвергался остракизму со стороны либеральной интеллигенции из-за своих идеологических установок

¹⁸ Названия стихотворений из книги "Звёзды вовне": "Пасущая гусей", "Песня в лесном трактире", "К слонам"

¹⁹ Натан Альтерман вёл в газете еженедельную колонку, посвящённую актуальным событиям и имевшую большой общественный отклик

²⁰ Помазание елеем в древности совершалось в знак святости или при назначении на особо важную должность. Так пророк Самуил помазал будущего царя Давида по велению Господа и "снисходил дух Господень на Давида с того дня и позже" (ТАНАХ, Невиим, Шемюэл, 16, 13)

И Бог не с нами ни в галуте²¹, ни здесь, и кто мы такие, и какова золотая цепь
от разрушения Храма до разрушения дома?
И все в стране пророчествуют: вот падает шатёр Давида, вот поднялись воды до...,
вот за грехи наши мы изгнаны,
и вот сейчас последняя ржаная лепёшка упадёт на землю...
И вдруг – сильный ветер прошёл, звуки барабана, арфы, флейты.
Явились новые провидцы, собираются на улицах
с великолепным вожаком и с Богом, который выведет их из Египта,
как могучий олень своё стадо,
с Ионатаном, добрым пастырем нашим, во главе,
говорящим: зачем нам все эти, они не из наших, галут был не по силам детям Израиля.
Весь – райский вестник, глаза его – солнце, песни его совершенны, как луна,
в них устремление к вершинам мира,
а язык – воды бездны, отрада души, как колодец, вырытый вождями.
Мы таких не слыхали с тех пор, как судьба наша решилась.
И вдруг, как сказано, стихи "Чёрной хупы".
Дым и факел горящий пронёсся между рядами.

Шлёнский облёк его своей мантией,
Лея удалилась в дом свой,
идолы ниц попали в пыль...
И гиганты были тогда на земле...
Разве вы не видели, разве вы не читали?

А мы сидели вдвоём в кафе на Бен-Иегуда.
Натан ел свой хлеб без всякого аппетита,
как засохший дня три назад. Вкус соломы во рту.
Сидел, молчал. Вдруг глаза его засветились,
как свеча Божья, коей зажжёт свет в душе человека.
И сказал очень мягко, как бы скромничая:
"Вот плут... Как он это делает, чёрт возьми..."

Ты лишь одна как тень
Ты как ручей петляешь

²¹ Галут – рассеяние евреев по разным странам (иврит)

Ты как цыганка всякий уведёт с собой

Послушай, как это у него звенит. Всё это серебро – наше.
Богат, велик человек этот, богач еврей.
Давай вернёмся к Лее, она не поймёт."
Вернулись, сидели с ней, все – богачи.

И закончился день, и настал вечер,
и постучала в дверь "*Радость бедных*".²²

Элиэзер Каган
(1914-2000)

Золотая свадьба

Когда б я силы мог вернуть сегодня,
Когда б ты влезла в свадебный наряд,
Я на руки тебя опять бы поднял,
Как в том селе полсотни лет назад.

Я б внёс тебя в наш дом легко и смело,
Где б нас ждала прохладная кровать,
И мы б опять единым стали телом,
О чём жених мог только и мечтать.

Жду с нетерпением твоего прихода.
Едва дышу и глазом не моргнул.
Душа летит к тебе, застыл у входа...
Борюсь с отдышкой и держась за стул.

2.10.92

Сила притяжения

אליעזר כגן.

חתונת זהב

אלו כחי עמד לי במתנים,
ואת רזית כבימים מקבר,
הייתי מרימה שוב על כפיים,
כעשיתי לפני יובל בכפר:

נושאך קלה מעל מפתן ביתנו
מטת-כלולותינו הקרה,
היינו לבשר אחד שוב שנינו,
כשמח החתן על הכלה.

יום-יום ממתין עודני לבואך
בקצר-רוח, כל-עוד נשמה,
נפשי יוצאת אליך ולמראך,
אך מכסא ובקצר נשימה.

כח הכבידה

²² Позма Альтермана "Радость бедных" начинается словами "Постучала в дверь Радость бедных"

Как гири, руки; палка вместо шеи;
Свинцом налиты ноги – не поднять.
Ещё вчера я ветра был быстрее,
Через препятствия мог, как олень, скакать

И шёл легко, как будто на Луне я,
Теперь, как по Сатурну, - жалкий вид!
Со стула встать я силы не имею,
Пойду – в походке мира лень сквозит.

Растёт, растёт планеты притяжение,
Что год, клонюсь я долу головой.
Земля – так, между делом – за мгновенье
Незримой цепью шаг сковала мой.

Я с каждым днём к ней становлюсь всё ближе,
Не избежать её могучих рук.
Вот-вот меня обнимет, обездвижит,
Как трепыхавшуюся моль паук.

Хаим Гури
(р.1943)

Вот недвижимые наши тела

Посвящается Дани и его друзьям

Вот недвижимые наши тела нескончаемым строем лежат.
Смерть глядит из глазниц, наших лиц не узнать.

Мы не дышим. Смотри:

Опускается вечер на горы. Последние тают лучи.
Мы не встанем уже, чтоб идти по дорогам, где гаснет закат.
Нам уже не любить, струн печальных не перебирать до зари,
Ни один против ветра в лесу уже не закричит.

יְדֵי כְּבָדוֹת וְצִוְּאֵי קִשּׁוּם,
עוֹפֶרֶת בִּירְכֵי רֶבֶת מִשְׁקָל.
לִפְנֵי שָׁנִים מִסֶּפֶר הֵייתִי רוּחַ;
עַל מְכַשּׁוּלִים דִּלְגָתִי – עֹפֶר קָל!

קָלוֹת צַעֲדָתִי כְּעַל יָרֵחַ,
הַפֶּעַם פְּסִיעוֹתַי כְּעַל שְׁבָתָאִי.
לִלְכָת – מְשִׁימָה, לְקוּם אֵין כֹּחַ,
עֲצָלוּת, יִסוּד עוֹלָם, בְּתַנוּעוֹתַי.

בְּהִתְכוּץ חִלְדֵי הַנְּעֻקָּד,
גְּבֵרָה כְּבִידַת הָאֲדָמָה עָלַי;
וְתוֹךְ שָׁנִים מִצָּעַר, כְּלֹא־חֶרֶד,
עַד בְּלִי-הֶפֶר אֶסְרָה אֶת שְׁעָלִי.

לֹא עוֹד יָמִים רַבִּים נוֹתְרוּ לִשְׁוִם;
יוֹם-יוֹם כֹּחַ הוֹלֵךְ וּמִתְגַּבֵּר,
עַד תִּאֲמָצְנִי אֶל לְבָה אֵין-זוּעַ,
כְּעֶכְבִּישׁ טֶרֶפוֹ הַמִּפְרָפֵר.

חיים גורי.

הנה מטלות גופותינו

לדני וחבריו

רֵאָה, הֵנָּה מְטָלוֹת גּוּפוֹתֵינוּ שׁוֹרָה אֶרֶץ אֶרֶץ.
פָּנֵינוּ שָׁנוּ. הַמָּוֶת נִשְׁקָף מֵעֵינֵינוּ.

אֵינָנו נוֹשָׁמִים.

כָּבִים נְגוּהוֹת אַחֲרוֹנִים וְהָעֶרֶב צוֹנֵחַ בָּהֶר.

רֵאָה, לֹא נִקּוּם לְהֵלֵךְ בְּדַרְכִּים לְאוּרָה שֶׁל שְׁקִיעָה רְחוֹקָה.
לֹא נֶאֱהָב, לֹא נִרְעִיד מִיִּתְרִים בְּצִלִּילִים עֲנָגִים וְדִמוּמִים,
לֹא נִשְׁאָג בְּגָנִים עֵת הָרוּחַ עוֹבְרֶת בִּיעָר.

Наши матери, горем согбенны, молчат. Прячут слёзы друзья.
Рядом взрывы гранат и пожар. Значит, буря близка.
Неужели нас всех похоронят сейчас?
Мы воскреснем ещё, мы рванёмся в атаку, нам медлить нельзя!
Встанем рослые, грозные, ринемся в бой на врага.
В наших жилах огонь, всё бурлит, всё живёт внутри нас.

Пусть обоймы пусты, подтвердят наши ружья:
никто не предал.

Они помнят последние наши слова, их стволы горячи,
И на каждом шагу нашей кровью полита земля.
Всё, что можно, мы сделали. Но и последний упал.
Кто же нас упрекнёт, если мёртвыми были в ночи
И к холодной скале прижимались, губами лоя.

Посмотри, что за ночь – широка, велика.
Звёзды в небе сквозь мрак расцвели, как цветы.
Сосен свеж аромат...
Хороните сейчас, пусть нам комьями лица укроют.
Ограждения, траншеи... Теперь всё для нас на века.
Новый день! Не забудь средь трудов, суеты:
Пока смерть нам глаза не смежила, мы жили тобою.

Мы не дышим. Недвижные наши тела, словно строй.
Но наполнило горы могучего ветра дыханье,
И в сиянии утра в камнях засверкала роса.
Мы вернёмся ещё, мы цветами вернёмся домой.
Вы в мгновение ока узнаете нас: "Горняки!"²³
Им подходит название".
Мы тогда расцветём, когда смолкнут стрельбы голоса.

Песня на музыку Нахума Геймана в исполнении Гилы Альмагор и
Дани Голана

ראה, אמותינו שחוחות ושותקות, ורעינו חונקים את בכים,
ומפץ רמונים מקרוב ודלקה ואותות מבשרים סערה!
האמנם תטמינונו כעת?
הן נקים, וגהחנו שנית כמו אז, ושבנו שנית לתחייה.
נדדה אימים וגדולים ואצים לעזרה,
כי הכל בקרבנו עוד חי ושוצף בעורקים ולוהט.

לא בגדנו.
ראה, נשקנו צמוד ומרקן כדורים, אנשפתנו ריקה.
הוא זוכר מלותינו עד תם. עוד קניו ללהטים.
ידמנו מתז בשבילים שעל-שעל.
עשינו ככל שנוכל, עד נפל האחרון ולא קם.
האמנם נאשם אם נותרנו עם ערב מתים
ושפתנו צמודות אל אדמת הסלעים הקשה?

ראה, איזה לילה גדול ורחב.
ראה, פריחת כוכבים במחשה.
ניחוחי ארנים.
תקברונו כעת, ורגבי העפר על פנינו.
פה התיל סמור, חפירות, פה כלנו יחדו.
יום חדש, אל תשכח! אל תשכח!
כי נשאנו שמך, עד המות עצם את עינינו.

הנה מטלות גופותינו, שורה ארצה ואינונו נושמים.
אך הרוח עזה בזהרים ונושמת.
והבקר נולד, וזריחת הסללים רוננה.
עוד נשוב, נפגש, נחזר כפרחים אדמים.
תפירונו מיד,
זו "מחלקת ההר" האלמת.
אז נפרח. עת תדם בזהרים זעקת יריה אחרונה.

Израэль Пинкас
(р.1935)

Два отрывка о сне и любви

2

Что случится с поэтом, когда он умрёт?
Встретят ангелы душу у райских ворот?
И любимая сразу придёт?
Если да, как узнает, каким его нынче найдёт
После стольких годов, как ей дал от ворот поворот
И как в небо ушла, чтоб его подготовить приход?

А пока что...
Поэт среди ночи в постели лежит,
С ним жена, что до смерти ему только принадлежит
(Так, как в картах китайских издревле и надлежит),
Только сердце его к этой жизни уже не лежит.

Ури Бернштейн
(р.1936)

Короткая любовь

Он так хотел остаться с ней.
Жизнь без неё пуста.
Она ж – лишь осень и бедней
Дрожащего куста.

Ушла, но память в нём живёт:
Была весна и есть!

ישראל פנקס.

שני פרקים על שינה ואהבה

ב.

מה קורה את המשורר אחר מותו?
היורדים אליו המלאכים לפגוש אותו?
הבאה אליו אהבתו?
ואם באה, כיצד היא מכירה אותו
אחר כל השנים האלה, אחר לכתו
ממנה, אחר לכתה עם מלאכים להכין את צידתו?

בינתיים:
המשורר שוכב בלילה במטתו,
המשורר שוכב אבל לא שוכב לבו,
שוכב המשורר ולידו מנחת אשתו,
כמו בקלפים סיגיים מן המאה השלש-עשרה.

אורי ברנשטיין.

אהבה קצרה

אדם נאסף מכל קצותיו
להיות עמה אחד.
יש לו עמדה רק סתו
שקוף כעץ נרעד.

ובלכתה תמיד היא מותירה
את זכר פריחתו שהתקיימה.

И он во сне потом несёт
Ей утешенья весть.

ואם זָכָה היא מדבֿרה
בְּחִלּוֹמוֹ. והוא מְנַחֵמָה.

Был резон

Молчанье накрыло меня.
Как будто под пледом, лежу.
И в тёмной депрессии я
Покой и тепло нахожу.

הָיָה טָעֵם

הַטָּלָה עָלַי שְׁתִּיקָה.
כְּמוֹ שְׁמִיכָה הַטָּלָה.
נוֹחַ לִי בַּמוֹעֵקָה
הַחֲמָה, הָאֶפְלָה.

Когда-то резон был, видать,
В Китае стихи сочинять.
Народ голодал. Ли-тай Го
Старался понять: отчего?
Он видел микробов в них, ведь
Когда-нибудь нужно умнеть!

הָיָה טָעֵם

בְּכַתִּיבַת שִׁירִים בְּסִין פְּעַם:
קִשְׁהָעַם רָעַב, וְלִי-טִי־פֹו
חֶקֶר, שְׁפֹוֹר, אֶת נוֹפֹו
כְּחֶקֶר אֶת הַחִידָקִים.
אָדָם חָיֵב פְּעַם לְהַחֲכִים.

... Резон, видно, существовал,
Коль с переселеньем души
Ты избран был, но опоздал...
Ещё будет шанс, не спеши.
Все страсти за жизнь за одну
Тебе утолять ни к чему :
Для тела и духа полезней.
Не надо ломать лишних дров.

הָיָה טָעֵם

כָּל זְמַן שְׁחַשְׁבַּת שְׁנִבְחַרְתָּ.
אָבֵל כְּנִרְאָה שֶׁהִפְעַם,..
בְּגִלְגּוּל הַזֶּה, אַחֲרֶת.
יְהִיוֹ אוֹלֵי גִלְגּוּלִים חֲדָשִׁים.
אֵינְךָ חָיֵב לְהַגְשִׁים
אֶת כָּל מַאֲנִיךְ בְּדוֹר הַזֶּה.
אִתָּה רִשְׁאֵי לְהִיּוֹת הַזֶּה
בְּחֶסֶכּוֹן, בְּבִיתְךָ, בְּשִׁקְטוֹ.

Не факт, что поэзия сразу исчезнет,
Когда не останется слов.

גַּם הַשִּׁירָה אֵינָה בְּהֶכְרַח נִפְסָקֶת
כְּשֶׁנִּפְסָקוֹת הַמַּלִּים.

Отчуждённость

И всё, что я решил, заставил дождь менять.
Он белым светом вновь укрыл кровать.

זָרוּת

וְשׁוֹב מִטֶּר שֶׁמְשַׁנָּה כָּל הַחֲלָטָה
בְּאוֹר לָבֵן כֶּסֶה אֶת הַמִּטָּה.

Скажи, была ль хотя бы мысль одна,
Которой никому знать не дано,
Иль нет в глазах ни краешка, ни дна,
Где лишь моё лицо отражено?

אמרי לי מחשבה אחת
שלא החלפת אם אחרים.
הלא יש פנה בעיניך
שם רק פני מסתתרים.

Скажи, что дождь – откуда ни возьмись, -
Как известь едок, разъедает связь.
Замаскируйся, как вначале, притворись,
Что ты чужая, скромно отдалясь.

אמרי שגם הגשם הוא מקרי,
כמו הזרות המאכלה כסיד.
בואי, נתחפש כבתחלה. נגיד
שאת זרה, ותצטנעי ותתנכרי

Отдайся мне опять и будешь, как рулон
Новейшей ткани, развернёшься здесь
Впервые, остальное – свет и звон,
И всё – мираж, и стоит предпочесть

ותתמסרי לי מחדש, כגליל של בד
שמתפרש, שלא נגעה בו יד.
אמרי שבטעות את מצטדפה.
שזה משחק של אור, העדפה

Сомненья правде, и что кожа мертвеца,
Которой ты прикрылась, может быть
Лишь ракушкой для юного лица,
Уловкой, чтобы кровь разгорячить

של חששות על האמת.
אמרי נא לי שעור המת
שבא את מתכסה הוא רק תכסיס
לעוררני בקרה או להתסיס

Мою. Как дождь... Решениям сейчас
Он возвратил их место и их час.

אותי כגשם המשיב כל החלטה
למקומה ושעתה.

Рахель Халфи

רחל חלפי.

Рыба-скульптор

הדג הפסל

Я рыба ваяющая
из самого трудного материала

אני הדג המפסל
בחמר הקשה מכל

Я ваяю из воды
и вода принимает меня как зрелая женщина
Как будто всегда
как будто только в прошлом

אני מפסל במים
והמים מקבלים אותי כמו אשה בשלה
כאלו תמיד

Нет мига что после ваяния
Нет мига что до
Лишь дрожь воды между временами

Посмотрите как
красива вода что выходит из под пальцев моих
Увёртливая как испуганный оленёнок
Изваянная вода!

Изваять любовь
Как изваять любовь
искрящуюся во мне сквозь воды

Рука моя перемешивает воду чтобы любовь застыла
а вода оmyвает её
Я придаю ей форму зелёной печали
и она укрывает меня глубоким одеялом

Видно, приличествует нам молчание

Хвост Эллы

Элле и Дади

У Эллы хвост соединён прямо с сердцем.
Немножко радости – немножко повилает.
Много радости – виляет быстро туда-сюда.
Не проходит и доли секунды волнения сердца
Без синхронного перевода на язык хвостика.
Что это? Единая нервная система
Или, может, хвост и есть местопребывание сердца?
Или, может, сердце её – продолжение хвоста,
Который есть продолжение
Её сердца?

כָּאֵלוּ כָּבֵר לֹא

אֵין רָגַע אַחֲרֵי הַגְּלוּף
אֵין רָגַע לִפְנֵי
רַק רֵעַד הַמַּיִם שֶׁבֵּין הַזְּמַנִּים

רְאוּ אֵיךְ
כַּמָּה יָפִים יֵצְאוּ מִתַּחַת יָדֵי
חוֹמְקִים כְּעַפְרִים נִבְהָלִים
מִים מִפְּסָלִים!

לִפְסֹל אֶהְבֶּה
אֵיךְ לִפְסֹל אֶהְבֶּה תֵּן מַיִם
רוֹשָׁפָה בִּי פְּנִימָה

וְיָדֵי לִשָּׁה בְּמַיִם רוֹצָה לְהִקְפִּיא אֶהְבֶּה
וְהַמַּיִם שׁוֹטְטִים אֶת הָאֶהְבֶּה
וְאֲנִי מַעֲצֵב אוֹתָם בְּעֶצְבוֹת יִרְקָה
וְהֵם מְכַסִּים עָלַי בְּשִׁמְיָה עֲמֻקָּה

כָּאֵלוּ יָפָה לִנּוּ שְׁתִּיקָה

הזנב של אלה

לאלה ולדדי

לֹאֵלָה הַזֵּנֵב מְחֻבֵּר יָשָׁר לִלֵב.
קָצֵת שְׂמֻחָה – קָצֵת נִעְנוּעַ.
הַרְבֵּה שְׂמֻחָה – הַזֵּנֵב מִתְנַדֵּד חֶזֶק מֵצֵד לְצֵד.
לֹא עוֹבֵר חֲלָקִיק שְׁנִיָּה שֶׁל רַחֲשׁ לֵב
בְּלִי הַתְּרָגוֹם הַסִּימּוֹנִטְנִי לְזִנְבִית.
מָה זֶה? מַעֲרֻכֶּת עֲצָבִים מְשֻׁתָּפוֹת?
אוֹ שְׂמָא הַזֵּנֵב הוּא מוֹשֵׁב הַרְגָּשׁ?
אוֹ שְׂמָא הַלֵּב שְׁלָה הוּא שְׁלוּחַת
הַזֵּנֵב שְׁלָה שְׁהוּא שְׁלוּחַת

הלב שלה?

Элла, Элла, такая чувствительная собачонка!
От дрожащего мокрого носика
До кончика шикарного чёрного хвоста
Ты вся – сердце.

Какая ты красивая, Элла,
Какое у тебя длинное сердце,
Какое большое... Элла, Элла

אלה אלה כלבה רגשית כזאת
מן הזרבובית הרוטטת הלחה
אל קצה זנבה השחר המפאך
כלה לב

איזה יפי לה, אלה
איזה לב ארוך לה, אלה
איזה לב גדול לה, אלה אלה

Meir Wizeltir
(p.1941)

О правде

מאיר ויזלטיר. באמת

יש אנשים שמתקשים להודות באמת
יש אנשים שהאמת מפחידה אותם
יש אנשים שכשהם רואים את האמת הם בורחים לדרום אמריקה
יש אנשים שבשבילם אמת בבית כמו מת בבית
יש אנשים שמוכנים למות פעמים ובלבד שלא יראו את האמת
יש אנשים שמוכנים למות מות מלך אבל הרחק מן האמת
יש אנשים שהאמת מרה להם מלענה
יש אנשים שמקיאים מריח של אמת
יש אנשים שהאמת שולחת אותם ישר לבת-המשגעים
יש אנשים שמוכנים להתנכר לבניהם ולאחיהם אשר דבקה בהם אמת
יש אנשים שמבטחים את עצמם כנגד האמת בפוליסה כפולה צמודה לדולר
יש אנשים שכשהם שומעים את המלה אמת הם שולחים את ידם אל האקדח
יש אנשים שמשננים לבניהם שהאמת מתה ונקברה ואין לקרא אל המתים
יש אנשים שעומדים בראש ארגון ארצי כנגד האמת
יש אנשים שעומדים בראש ארגון בינלאומי כנגד האמת

יֵשׁ אָנָשִׁים שְׂאוּמְרִים שֶׁהָאֱמֶת הִיא מָשָׁל וְהַנֶּמֶשׁל הוּא אֱלֹהִים
 יֵשׁ אָנָשִׁים שְׂאוּמְרִים שֶׁהָאֱמֶת הִיא הַבִּיּוֹגְרַפְיָה שֶׁלָּהֶם
 יֵשׁ אָנָשִׁים שְׂאוּמְרִים שֶׁהָאֱמֶת הִיא אוֹיֵב הַחַיִּים
 יֵשׁ אָנָשִׁים שֶׁמַּעֲיָדִים עַל עֶצְמָם שֶׁהֵם נִקְיִים מִכָּל רֶבֶב שֶׁל אֱמֶת
 יֵשׁ אָנָשִׁים שְׂאֵמָצֵעַ-חֲטוֹי כְּנֶגֶד הָאֱמֶת הֵם פְּרִנְסֶתֶם: הֵם מְמַלִּיצִים
 לַהֲשִׁתָּמֶשׁ בָּהֶם בְּקֹר צְהָרִים וְעָרֵב, כִּי הָאֱמֶת, בְּדוּמָה לְנִמְלִים
 וּלְמַקְקִים עֲשׂוּיָה לְהַתְּגַלּוֹת בְּמַפְתִּיעַ, בְּכָל זְמַן וּבְכָל מְקוֹם, כָּאֵלּוּ יֵשׁ
 מֵאִין.

Есть люди которые затрудняются признаться в правде
 Есть люди которых правда пугает
 Есть люди которые когда видят правду бегут от неё в Южную Америку
 Есть люди для которых правда в доме подобна мёртвому в доме
 Есть люди готовые умереть дважды лишь бы не видеть правды
 Есть люди готовые умереть самой отвратительной смертью но только бы вдали от правды
 Есть люди для которых правда горше полыни
 Есть люди которых тошнит от одного только запаха правды
 Есть люди которых правда приводит прямо в сумашедший дом
 Есть люди готовые считать чужими своих сыновей и братьев если к тем прилипла правда
 Есть люди страхующие себя от правды удвоенным полисом с привязкой к доллару
 Есть люди которые услышав слово правды тянутся к пистолету
 Есть люди внушающие сыновьям что правда умерла похоронена и не нужно вызывать мёртвых
 Есть люди стоящие во главе национальной организации по борьбе с правдой
 Есть люди стоящие во главе международной организации по борьбе с правдой
 Есть люди утверждающие что правда это притча а мораль её - Бог
 Есть люди считающие что их биография это и есть правда
 Есть люди утверждающие что правда враг жизни
 Есть люди утверждающие что к ним не прилипло ни одного пятна правды
 Есть люди для которых средства против правды это их бизнес и они рекомендуют
 пользоваться ими утром днём и вечером ибо правда подобно муравьям
 и тараканам может обнаружиться внезапно в любом месте в любое время возникнув
 как бы ниоткуда.

Стансы

Когда-то что́ есть стих мог распознать,
 Теперь уж нет. Дни были полны грёз,

סטנצות

פֶּעַם יְדַעְתִּי מָהוּ שִׁיר,
 אָךְ כְּבֹר שְׂכַחְתִּי. הַיָּמִים

מָלְאוּ וְהִתְרוֹקְנוּ, וְשׁוּב
הֵגוּ קוֹפֵא בְּדָכִי לִילּוֹת חֲמִים.

וְהִשָּׂאֶלָה אֲבֹדָה מִדְּחִיפּוֹתֶיהָ.
רַחֲשׁוּשׁ עֵקֶשׁ בֹּדֶה מִקְאוֹב עָמוּם.
הַטְעָנוֹת כָּבֵד הִסְתַּתְּמוּ. אֶתָּה
כָּלָה לֹאט, לֹא מִיחֹל לְכָלֵּם.

רק המאן לקלט את הקולות
המסזרים בתקף מתסנחן
למכר לך סחורות מקלקלות
מחזיק עוד מאמד ולא בותן.

וְהִידְעָה הַמַּחֲלֵלֶת, הַקִּשָּׁה,
הַמְבַּזֵּיקָה פֶּתָאם בְּאוֹר רֵאשׁוֹן
(הַרְגֵעַ גַּז, וְהִיא כְּבֵר נִקְרָשָׁה)
מִצֵּרֶת כְּפִדּוֹר הָאֲחֵרוֹן.

יונה וולך.

אבשלום

אָנִי מִכְרַחָה פֶּעַם נֹסֶפֶת
לְהִזְכֹּר בְּבִנִי אַבְשָׁלוֹם
שֶׁשְׁעָרוֹתַי נִתְּפְסוּ בְּרַחֲמֵי
וְלֹא יָצָא לִי
לְגַמֵּר אֶת אַבְשָׁלוֹם בְּנִי
אָנִי בּוֹנָה אֶת אִפְשָׁרֵי־וֹת הַרְגָּשָׁתִי
הַרְחָמִים שׁוֹטְפִים בִּי
וְהָרֶעַב הָאִפְשָׁרִי
רְצוֹנוֹת הַתּוֹרָשָׁה
וְאַבְשָׁלוֹם שֶׁלֹּא הָרָשָׁה

²⁴ Авшалом – сын царя Давида, восставший против отца. Преследуемый в лесу, запутался волосами в ветвях дерева и был убит.

Но в другом воплощении
Он будет моим возлюбленным
И я смогу ощутить с ним память того продолжения
Ощутить телом как чрево моё освобождается
От сына моего Авшалома
Расположение падающих звёзд
И меч как магнитом влекомый
к сердцу памяти

И точное ощущение:
С кем будет биться
И где успокоится
ветер
Куда унесёт тебя ветер,
сын мой

Танхум Авнер

Стихи

"Что делать!", - говорит продавец,
Возвращая мне мою книгу, -
"Сейчас не покупают стихов. Может быть,
У поэзии нет перспектив..."
Он разводит легонько руками
Искусным жестом отчаянья.
Чувствительный, верный торговец. Нет, правда...
Я беру у него две тяжёлые связки
Спускаюсь на улицу. Пусто. Оглядываюсь по сторонам
С видимым беспокойством, как вор,
Застигнутый прямо на месте.

Стихотворения, не вошедшие в «Антологию»

Стихотворения Дана Пагиса

בְּגִלְגּוּל אַחֵר אֲבָשָׁלוֹם יְהִי
אֶהוּבִי וְאֲנִי אֲחוּשׁ זְכָרָה
כְּשֶׁאֲבָשָׁלוֹם אֶהוּבִי
תְּחוּשָׁה גּוֹפִיט אוֹ אֵיךְ בְּטִנִּי
רִיקָה מֵאֲבָשָׁלוֹם בְּנִי
סְדוּר שֶׁל כּוֹכְבִים
נוֹפְלִים וְחֶרֶב מְכָה
בְּמִגְנֵט עַל לֵבָה
הֶרְגָּשָׁה מְדִיקָה:
בְּמָה תִלְחֶם
וְעַל מָה תִּנּוּחַ
הָרוּחַ
לֹאן תִּשְׁאַךְ
הָרוּחַ בְּנִי.

תנחום אבנר

שיר

מָה אֶפְשָׁר לַעֲשׂוֹת, שְׁעַל אוֹתִי הַמְּפִיץ
שֶׁל סִפְרֵי כְּשֶׁהַחֲזִיר לִי אֶת סִפְרִי,
הַיּוֹם לֹא קוֹנִים שִׁירָה.
אוּלֵּי אֵין עֲתִיד לְשִׁירָה.
הוּא עֹשֶׂה בִּידֵיו תְּנוּעָה קְלָה,
מִיָּמֶנָה, שֶׁל יְאוּשׁ. סוֹחֵר רְגִישׁ וְנֶאֱמָן
בְּהֶחֱלֵט.
אֲנִי נוֹטֵל בִּידֵי שְׁתֵּי חֲבִילוֹת כְּבִדּוֹת
שֶׁל סִפְרִים וְיוֹרֵד לְרֹחוֹב הָרִיק, מִתְּבוֹן לְצַדִּים
בְּאִי-נוֹחוֹת גְּלוּיָה,
כְּגֶנֶב הַנֶּתֶפֶס בְּשַׁעַת מַעֲשָׂה.

שירי דן פגיס

Мгновение в Лувре

Я тороплюсь на неотложную встречу:
В стеклянном кубе меня ожидает
(я уже опаздываю) писец фараона.
Он сидит, скрестив ноги,
весь превратившись в слух,
и смотрит на меня белыми глазами:
что я ему продиктую?
Что поручено мне продиктовать ему?..

Посетители, случайно задержавшиеся на мгновение,
отражаются в стекле и стираются с него.

Итак, мы вдвоём.
Его колени смотрят на меня терпеливо.
Ну, итак...
Он – обожжённая глина,
я – глина, застывающая постепенно.
Что прикажу ему?

Он смотрит почти неподвижно
на моё молчание,

он процарапывает его
на гладкой дощечке.

Я бросаю взгляд на часы, ухожу и стираюсь
со стекла и с лица его.
Он не заметил, что я уже был.
Он ждёт меня.
Я уже опаздываю.

Внезапное сердце

רגע ב-לוגר

אני ממהר לפגישה דחופה:
בתוך תבת הזכוכית ממתינ לי
(אני כבר מאחר) הסופר המהיר של פרעה.
ישוב בשכול רגלים,
כלו קשוב
מביט בי בעינים לבנות.
מה אכתיב לו.
מה מסל עלי להכתיב לו.

מבקרים באקראי מתעכבים לרגע,
משתקפים בזכוכית, נמחקים.

ובכן שנינו.
ברכיו מביטות בי בארך רוח.
ובכן מה.
הוא טיט שרוף,
אני טיט מתקרש והולך.
מה אצוה לו.

הוא רואה כמעט בלי נוע
את שתיקתי,
הוא חרט אותה
על לוח חלק.

אני מציץ בשעון, הולך ונמחק
מעל הזכוכית, מעם פניו.
לא ראה שכבר הייתי.
הוא ממתינ לי.
אני כבר מאחר.

לב פתאמי

Внезапное сердце, акробат без лонжи
и без отдыха, доколе?
Внизу бегут для тебя лошади по освещённой арене,
плюмажи перьев на их головах приветливо машут.
Но уже причитают по тебе в отрывистом ритме
печально ворчащая туба
и с нею контрабас, сентиментальный старик.
Предвидя твоё падение,
напрягся в глубине души
барабан.

Но этот голубой простор,
но это свободное падение,
но эта острая радость... О сердце!

Опознание

В дальней комнате нашего дома
на кромке на удивление извилистого облака
мчался на лошади сколько хватало дыхания
китайский всадник, вышитый шёлковой нитью.

Мчался и мчался из Китая и пытался доехать.
С годами он стал бросать на меня косые взгляды
с досадой. Я хотел пуститься ему навстречу, но
расстояние было слишком велико.

Теперь, когда прошли годы и когда я обнаружил,
что мы ошибались и что мы оба – один
и вышиты друг в друге,
я уже не знаю, где он – улетучился ли в облаке
или сгорел вместе с домом.

Эпилог к «Робинзон Крузо»

לב פתאמי, לולין בלי חבל
ובלי מנוחה, למתי?
למטה נדים לך סוסי הזירה המוארת,
ציצי הנוצות על ראשם נופפים לשלום.
וכבר סופדים לך בקצב הקטוע
הטובה עגומת הנהימה
והבטנון, זקן סנטימנטלי.
לקראת נפילתך
נמתח הרחק בעמק
התף.

אבל החלל הפחל הזה,
אבל הנפילה החפשית,
אבל השמחה החדה, הו לב.

התודעות

בחדר האחרון בביתנו,
בשולי ענן מפתל להפליא,
היה דוהר על סוסו עד כלות הנשימה
פרש סיני רקום קורי משי.

דהר ודהר מסין ונסה להגיע.
עם חלוף השנים לכסן לעברי מבטים
של תרעמת. רציתי לצאת לקראתו, אבל
המרחק היה גדול מאד.

בסוף השנים, כשאני מגלה שטעינו
וששנינו היינו אחד, רקומים זה בזה,
כבר אינני יודע איפה הוא: נדף בענן
או נשרף עם הבית.

אפילוג לרובינזון קרוזו

С острова, полного попугаев и забытого речью,
он вернулся, как если бы вчера задержался,
дожидаясь попутного ветра. Вернулся, и вот он здесь.
Но у входа в дом, как оказалось, вертелись на своих осях
все прошедшие года.

И тогда
посреди пустых кресел он понял,
что между тем произошло, и поумнел,
как тот, у кого нет дороги назад.
Слишком умный для жизни, опустошённый, с тонкими
седыми волосами, он жил,
попыхивая трубкой своих историй, и говорил,
чтобы заглушить постукивание и позвякивание своих мёртвых.
Говорил и говорил об острове, который в историю не вошёл.

Новый любовник

Ты подбираешь меня – червонец, другою почти что забытый,
Трёшь меж большим и указательным пальцами.
Я стараюсь выглядеть новым, даже слегка блеснуть.

Ты уточняешь стоимость, выбитую на мне,
Всматриваешься в оттиснутую на мне физиономию.
Я величествен, почти как всамделишный император.

Мало того, ты склоняешь ко мне чуткое ухо,
Постукиваешь, слушаешь. Я издаю для тебя
Чистейший звон почти без изъяна.

Под конец, как умудрённый жизнью меняла,
Ты надкусываешь меня: не прогнётся ли он,
Этот фальшивый червонец?

מאי כבד תכיים ושכוח דבור
הוא חזר, כאלו אתמול נתעכב
עד בוא רוח טובה. חזר והנהו.
אך בפתח הבית סובבו פתאם
כל השנים על צירן.
ואז,
בין פרסות חלולות ידע
מה נפל בינתיים, והחכים
כמי שאין לפניו חזרה.
חכם מלחיות, שדוף ודק שיבה הוא חי
עם מקטרת ספוריו, ודבר -
כדי להחריש את תקותוק מתיו
ואת צלצולם – דבר ודבר
על אי שלא בא במנין הקורות.

מאהב חדש

את אוספת אותי, זהוב כמעט עזוב,
ומשפשפת אותי בין אגודל ואצבע:
אני משתדל להיות חדש, אפילו קצת להבריק.

את בוחנת את ערפי הנקוב,
מתבוננת בפרצוף שנטבע בי:
אני מתגדל, כמעט קיסר של ממש.

לא די. את מרפינה אלי אֵזן דואגת,
מקישה, מקשיבה לי: אני משמיע לך
את צלצולי החרב ביותר, כמעט ללא סיג.

לבסוף, כחלפנית למודת נסיון,
את נושכת אותי: אולי יתעקם
הזהוב המזויף הזה.

Я выдерживаю пробу, я твёрд (ну, не то чтобы золото,
Но вполне подходящий сплав). И теперь ты сможешь
Со спокойным сердцем растратить меня.

1976

Мозг

1

Во тьме черепной коробки
Он обнаруживает внезапно,
Что родился.
Тяжёлый момент.

С тех пор он очень занят. Он размышляет
О том, что он размышляет о том...
Он крутит и вертит:
А выход-то где?

Если в каком-то мире имелись бы вещи,
Он бы, конечно, их очень любил.
Он бы для каждой придумал название.
Вот, например, название: мозг.
Это я – мозг. Мозг – это я.

С тех пор он скитается, ищет: должно же быть место,
Где можно найти покой.

2

Как развеять тьму?
Мозг витает одиноко над бездной.
Но вот в лобной кости разверзаются вдруг
Две глубокие раны – глаза
И начинают ему доносить
О вселенной: "Тут перед тобой распростёрся

אני קשה, עומד בנסיון: אמנם לא זהב,
אבל נתך הגון. עכשו תוכלי
בלב בוסס לבזבז אותי.

מח

1

בתוך ליל הגלגלת
הוא מגלה לפתע
שנולד.
רגע קשה.

מאז הוא טרוד מאד. הוא חושב
שהוא חושב ש
והוא סובב סובב:
איפה המוצא?

אלו היו דברים באיזה עולם,
היה בודאי אוהב אותם מאד.
היה קורא שמות לכלם.
למשל שם אחד: מח.
זה אני: מח: אני הוא.

מאז הוא גולה, נדמה לו:
אפשר היה למצא מנוח.

2

איה יגיע את החשק?
מח מרחף לבדו על פני התהום.
אבל עכשו נבקעים בעצמות המצח
שני פצעים עמקים, עינים –
העינים מלשינות לפניו
על העולם: הרי כאן, לפניו, משתרע

Мир, который уже завершён и окреп".
А мозг-то витает не выше,
Чем метр шестьдесят от земли!
Но сейчас, когда ему стало всё ясно,
Голова закружилась ужасно от такой высоты:
Метр шестьдесят!
Одинокий над бездной.

3

В нём поселяется подозрение,
Что во всём мире чèreпа
Нет мозга другого, помимо него.

А после новое подозрение:
А вдруг там теснятся
Множество разных мозгов?
От него отделяются, предают за спиной,
Окружают...

И, какое из этих двух зол меньше,
Не ясно.

4

Он, правда, не слишком красив,
Но на вид разве не интересен:
Весь в серо-белых извилинах
Маслянистых, скользящих одна по другой,
С сединою локонов внутри черепной коробки?
Нет, мозг не похож
Ни на что на свете, разве что на
Тонкий кишечник.

5

עולם גמור ומוצק,
ומח מרחף רק
מטר וששים סנטימטר מעל לרצפה!
אבל עכשו שנודע לו הכל,
תוקפת אותו סחרחרת גבהים נוראה:
מטר וששים!
לבדו על פני התהום.

3

מקונו בו החשד
שבכל עולם הגלגלת
אין עוד מח מלבדו.

אחרי זה, חשד חדש:
שהמוני מחות כלואים בו,
צפופים מאד,
והם מתפצלים ממנו, בוגדים בו מבית,
מכתרים אותו.

והוא אינו יודע מה הרע
במעוטו.

4

נכון, איננו יפה, אבל
הוא בעל הופעה מענינת:
פתולים אפרים-לבנים,
שמנוניים מעט, מחליקים זה על זה.
תלתלי שיבה מפנים לגלגלת?
לא, מח אינו דומה
לשום דבר בעולם, אולי רק
למעי הדק.

5

Вот гора, а вот женщина, но
Мозг разгадает сразу:
Нет, не гора – перевёрнутая долина,
Не женщина - только притворяющееся тело
с руками, с ногами,

Только пещерная лихорадка страсти,
Поразившая кровь.
Можете не сомневаться.

6

Мозг обнаруживает партнёра (такой же затворник).
Оба – любители беспроводной связи
И в свободное время посылают друг другу
Сигналы со своих чердаков.
Мозг вопрошает, к примеру:
Есть у тебя клавиатура, центры сигнализации,
Память в шестьсот миллионов ячеек, и как
Ты себя чувствуешь, мозг, в черепной коробке?

Иногда он пытается пошутить:
Что там слышно у вас,
Что, мозг, у вас видно,
Чем пахнет и что есть вкусенького?
(Он-то знает, что чувство шестое его
Важнее всех чувств остальных!)
Но приятель его раздражён:
Я прошу не морочить мне голову, мозг.

Впрочем, время идёт, и приятель становится другом,
С ним теперь можно касаться интимных проблем:
Послушай, ты способен забыть?

7

Один из его страхов: Иероглифы

זֶה הָרִ, זֶה אִשָּׁה.
אָבֵל מִחַ מִפְּעֻנָּח מִיָּד:
לֹא הָרִ, בִּקְעָה מְהֻפָּכֶת.
לֹא אִשָּׁה. גּוּף וְגַפִּים שֶׁהֶעֱמִידוּ פָּנִים.

רַק קִדְחַת הַמַּעְרוֹת
הַתּוֹקֶפֶת אֶת הַדָּם בְּתִשׁוּקָה.
אֵין בָּהּ סִפֵּק.

6

מִחַ מוֹצֵא לוֹ חֵבֶר, סָגוּר כְּמוֹהוּ.
שְׂנִיָּהֶם חוֹבְבֵי אֶלְחוּט,
וּבִשְׁעוֹת הַפָּנִאי הֵם מְשַׁדְּרִים זֶה לָזֶה
מַעֲלִית הַגֵּג.
מִחַ שׂוֹאֵל לְמִשְׁלִי:
יֵשׁ לְךָ הַקָּשִׁים? מֶרְכָּזִי אֲזַעֲקָה?
שֵׁשׁ-מֵאוֹת-מִילִיּוֹן תָּאִי זָכְרוֹן?
וְאִיךָ אֶתָּה מְרַגֵּשׁ בְּקַפְסֶת הַגְּלָגֶלֶת שְׁלֹךְ, מִחַ?

לִפְעָמִים הוּא מְנַסֶּה לְהִתְבַּדֵּחַ:
מָה נִשְׁמָה אֶצְלָךְ?
מָה נִרְאָה אֶצְלָךְ, מִחַ,
מָה נִטְעָם וּמוֹרַח אֶצְלָךְ עֹכֶשֶׁשׁ?
(וְהִרְיָהּ יוֹדֵעַ שֶׁחִוּשׁוֹ הַשְּׁשִׁי
דוֹקָא הוּא הַחֲשׁוּב בֵּין חוּשֵׁיוֹ!).
אָבֵל חֵבֶרוֹ מִתְעַצֵּב:
אֲנִי מְבַקֵּשׁ מִמֶּךָ, אַל תְּבַלְבֵּל אוֹתִי, מִחַ.

כְּעֵבֶר זְמַן הוּא בֹאֶמֶת מִתִּידֵד אֹתוֹ,
וְהוּא מְשַׁדֵּר לוֹ גַּם בְּעִיּוֹת אִישִׁיּוֹת בְּהֶחֱלֵט:
שִׁמְעֵ-נָא, אֶתָּה יוֹדֵעַ לִשְׁכַּחַם?

7

בֵּין שְׁאָר פְּחָדָיו: שְׁכֵתֵב הַחֲרָטְמִים

Ещё вырезаны на нём.
Он – извилистый мозг умершего фараона.
Но фараон пока не готов:
Прежде, чем из него сделают мумию,
Жрец должен просверлить его ноздри
И извлечь через них
Остывший мозг.

8

И было на полпути к смерти, в печали
О жизни, пройденной до половины,
Когда застрял я в чаще артерий, в сумрачном лесу...

В артерий чашу, между мной и тем, что ждёт,
Ворвалась вдруг, пробив себе дорогу,
Живая кровь – раба моя и госпожа...

Зачем я говорил, кому?.. Не то!
Ведь я ж не об этом хотел рассказать.
Алло! Кто слушает, кто там? Алло!

9

Внутренние артерии головы подходят к передней части
Основания мозга, от них ответвляются артерии мозга –
Переднего, среднего и заднего. В коре мозга,
Несмотря на то, что она очень (очень!) тонка, сосредоточено
Большинство нейронов нервной системы: у человека –
Около 10 миллиардов. Мозг – орган времени. Собака,
У которой удалён большой мозг, может некоторое время жить.
Но только в настоящем. Всё собачье прошлое сразу угасает,
Собачье будущее больше не существует.

Мозг зевает. Он смущён от столь большой славы.

עֲדִין חֲקוּק בּוֹ.
הוא מחו המפתל של פרעה במותו.
ופרעה טרם מוכן:
לפני שחונטים אותו,
מחרר החונט את שני נחיריו
ושואף דרכם
את המם הקר.

8

וְהִי בְּמַחְצִית מוֹתִי, בַּצֶּעַר
עַל מַחְצִית חַיִּי, וְעוֹד אֲנִי
אַחֻז בְּסִבָּךְ עוֹרְקִים, בְּאַפִּל יַעַר,

בְּסִבָּךְ עוֹרְקִים, בִּינִי וּבֵין דִּינִי –
הַגִּים פֶּתַע וּפֶרֶץ לוֹ דֶּרֶךְ
הַדָּם הַזֶּה, עֲבָדִי וְאֲדוֹנִי –

לְמָה דִּבַּרְתִּי. וְאַל מִי. לֹא לֹא,
הֲרִי לֹא זֹאת רְצִיתִי לְהוֹדִיעַ.
הֲלֹא? מִי שָׁם, מִי מֵאֲזִין? הֲלֹא?

9

עוֹרְקֵי הָרֹאשׁ הַפְּנִימִיִּים מְגִיעִים לַחֲלָק הַקָּדְמִי
שֶׁל בְּסִיס הַמֶּחֶם, וּמֵהֶם מִסְתַּעְפִּים עוֹרְקֵי הַמֶּחֶם הַקָּדְמִי,
הָאֲמָצְעִי וְהָאַחֲרִי – שְׁלֹשֶׁתָם. בְּקִלְפַת הַמֶּחֶם,
אֵף עַל פִּי שֶׁהִיא דִקָּה מְאֹד (מְאֹד) מְרָכֵז הָרֵב הַגָּדוֹל
שֶׁל גּוֹפֵי נְרוֹנִים בְּמַעֲרֶכֶת הָעֵצָבִים:
בְּאֵדָם בְּעֶרְךָ 10 מִלְיָאָרְד. הַמֶּחֶם הוּא אֲבָר הַזְּמַן. כָּלֵב
שֶׁהוֹצֵא מִמֶּנּוּ מִחוּ הַגָּדוֹל עוֹד יָכוֹל לְחִיּוֹת זְמַן-מָה,
אֲבָל רַק בַּהוֹנָה. כָּל הָעֵבֶר הַפְּלִבִּי כָּבֵד מִיָּד,
הָעֵתִיד הַפְּלִבִּי כָּבֵד אֵינֶנּוּ קָיָם.

מִחַ מִפְּהֶק: הוּא נְבוֹךְ מְרֵב תְּהִלָּה.
הָאוֹתִיּוֹת הַנִּפְלְאוֹת הָאֵלֶּה! מִי הַמְצִיא אוֹתָן?

Эти чудесные буквы! Кто их придумал?
Мозг. А бумагу? Мозг.
А меня?
Но мозг уже научился защищаться
От подобных атак.
Он даёт команду: Да будет мрак!
И сразу
Пальцы закрывают
Энциклопедию.

10

Чей он, страх этот, если эти руки – руки мои? Мой, мой.
Чей он, нож этот острый, артерии эти? Мои, мои.
Чья она, удивительно быстрая кровь?

11

Он хочет быть верным
Только себе,
Быть чистым, пустым,
Без памяти, как зеркала.

12

Он – луна, чьи две половины
Навеки погружены во мрак.

13

Мозг считает
Секунды на пути от звезды к звезде,
Годы на пути от песчинки к песчинке,
Световые годы на самом длинном своём пути – к мозгу.

14

מח. וְאֵת הַיָּר? מח.
וְאוֹתִי?
אֲבָל מח כָּבֵד לַמֶּד לְהַתְּגוֹן
מִפְּנֵי הַתְּקֵפָה שֶׁכְּזָאת.
הוּא נוֹתֵן אוֹת: יְהִי אִפְּל!
וּמִיד
סוּגְרוֹת הָאֲצָבָעוֹת
אֶת הָאֲנִצִּיקָלוּפְדִּיהַ.

10

שֶׁל מִי הַפֶּחַד אִם הַיָּדִים יָדִי? שְׁלִי, שְׁלִי.
שֶׁל מִי הַסַּכִּין הַחֹד, שֶׁל מִי הָעוֹרְקִים? שְׁלִי, שְׁלִי.
שֶׁל מִי הַדָּם הַמַּהִיר לְהַפְּלִיא?

11

הוּא מְבַקֵּשׁ לִהְיוֹת נֶאֱמָן
רַק לְעַצְמוֹ,
לִהְיוֹת נָקִי וְרִיק,
רִיק מִזְכָּרוֹן כְּמוֹ רֹאִי.

12

הוּא יָרַח שְׁשָׁנֵי חֲצָאִיו
שֶׁקוּעִים לְעַד בְּאִפְּל.

13

מח מוֹנֶה
שְׁנֵי זֵית בְּדֶרֶכּוֹ מִכּוֹכַב לְמִשְׁנֶהו.
שְׁנֵים בְּדֶרֶכּוֹ מִגְּרֶגֶר-חוֹל לְמִשְׁנֶהו.
שְׁנוֹת-אוֹר בְּדֶרֶכּוֹ הָאֲרָכָה בְּיוֹתֵר: אֵל מח.

14

Час желаний. Он немного нежится
 В размышлениях о том,
 Что в какой-то туманности,
 В пространстве меж звёздами,
 Смешавшимися в млечный пар,
 Ждёт его, наверняка, некое предназначение,
 Пока непонятное, но предназначенное только ему.
 Завтра ли, послезавтра - когда пожелает -
 Сбросит серую тюремную робу
 И в тонкой ореховой скорлупе
 Выйдет, отчалит, достигнет... – властитель
 Бессчётных скоплений миров.

15

Мозг зондирует всё, что есть рядом: да, он окружён.
 Черепная коробка – не убежище.
 В лабиринте петляет
 Другой лабиринт.

Мозг сейчас огромен: серое облако,
 Очень тяжёлое. В его глотке застряла
 Зигзагообразная молния – ни выплюнуть и ни проглотить.

Минуту, минуту... Мозг слышит, как сам он
 Тикает. Так.. Минуту, минуту...
 Бомба с часовым механизмом?
 К такому он вовсе не был готов.
 Не предвидел.

Но мозг, не медля, отбрасывает эту мысль
 И постановляет: я - только сон.

16

שעת רצון. הוא מתפנק מעט
 בהרהוריו, כגון
 ששם, באיזו ערפלית,
 בחללים שבין הכוכבים
 שנתמזגו להבל חלבי,
 שם מצפה לו ודאי איזו תכלית –
 סתומה עדיו, אך כלה שולו.
 מחר או מחרתים, אם יחלית,
 יסיר לבוש הפלא האפר,
 ובקלפת אגוז דקה
 יצא, יפליג, יגיע: הוא שליט
 על אפשרויות של עולמות אין-ספור.

15

מח מגשש סביבו: הוא מקור.
 הגלגלת איננה מפלט.
 במבוך מתפתל
 המבוך.

מח עכשו ענקי: ענן אפר,
 כבד מאד. בתוך לע הענן הזה תקוע
 ברק עקום. לא להקיא ולא לבלע.

רגע-רגע: מח שומע את עצמו
 מתקתק רגע-רגע.
 פצצת-זמן?
 לזה לא היה מוכן בכלל.
 לא היה ער.

אבל מח מתנער מיד
 וגזר: אני רק חלום.

16

Мозг принимает сигналы
 С огромных расстояний.
 Из пространства, удалённого на годы мрака,
 Доходит до него живой код:
 Другой мир непрерывно сигналил сейчас, как и он,
 Не засыпая, как он,
 Не создавая...
 Сердце?

17

Мозг с удовлетворением проверяет свои центры:
 Центр речи, центр лжи,
 Центр памяти
 (В нём есть больше семи десятков часов разных лет),
 Особый центр боли...
 Вдруг
 (Простите, кто говорит? Кто это?)
 Он потрясён сенсационной новостью:
 Существует неизвестный круг,
 Центр которого находится всюду,
 А периметра нет нигде.
 Центр его близок настолько,
 Что никогда
 Не удастся увидеть его.

18

Теперь он предвидит:
 Он расстанется постепенно, нехотя,
 И немного сумбурно...
 Первым
 Покидает его страх
 И исчезает.
 Потом он прощается с насмешливостью,

מח קולט אותות
 ממרחקים עצומים.
 בחלל, מעמק ממנו
 צפן חי מגיע אליו:
 עולם אחר משדר בלי הרף, כמוהו,
 בלי תנומה, כמוהו,
 בלי דעת.
 - לב?

17

מח סוקר בספוק את מרכזיו:
 מרכז לדבור, מרכז לכזב,
 מרכז לזכרון
 (שבעים שעות ושעות, לפחות, וכלם שוני שנים)
 מרכז מיוחד לכאב - -
 פתאום
 (מי מדבר בבקשה? מי שם?)
 הוא נדהם מפני חדשה מרעושה:
 קיים מעגל נעלם
 שמרכזו בכל מקום
 והקפו בשום מקום איננו:
 מרכז קרוב כל כך
 שלעולם
 לא יוכל לראותו.

18

עכשו הוא כבר רואה את הנולד:
 הוא יפרד לאט, בלי רצון,
 וקצת באי סדר.
 ראשון.
 נוטש אותו הפחד
 ונמלט.
 אחר כך הוא נפטר מן הלעג,

С весёлым настроением,
С игрой слов.
Потом отключается интуиция.

Некоторое время он мешкает: ведь было здесь что-то,
Очень близко, беспокоило. Что это было?..

Потом уже помнить не нужно.

Потом
Он забыт,
И он – свет

מבדיחות הדעת,
מלשון נופל על לשון.
אחר כך נתקים נחושיו.

זמן מה הוא משתהה: הרי היה כאן משהו,
קרוב מאד, מטריד. מה זה היה - -

אחר כך כבר איננו נדרש לזכר.

אחר כך
הוא נשכח
והוא אור

Стихотворения Эстер Рааб

שירי אסתר ראב

Роща

Роща прижавшаяся к горизонту
Серая роща к утреннему горизонту
Тучи над ней в скачке стальных коней
Растопчут нежность её маленьких крон
Тучи накрыли её
Замашут над нею дождями –
Серым и чёрным
И вдруг раскроют её – потрясённую и мечтательную
как обещание горизонтам –
далёкое и сияющее
на золотых песках
светлых как дорогое украшение,
смутное обещание
в погашенном языке пламени
дням которые ещё наступят

החרשה

החרשה אשר באפק דבקה
חרשה אפרה לאפק בקר
עננים ממעל לה בדהרות סוסי פלדה
יבוסו עדנת צמרותיה זעירות
עבים חפוקה
ינפנו עליה מטרות -
אפר ונשחור
ולפתע יגלוה – מזעזעת וחולמת
בהבטחה לאפקים רחוקה
זוהרת
על פני חולות הזקב
בהירים כתכשיט יקר מציאות
בהבטחה עוממת
בלהבה כבוייה
לימים יבואו

На самом деле я так и не вышла на свою дорогу –
 дорогу широкую озарённую светом
 и обсаженную по краям деревьями
 Всю жизнь я брела по окольным дорогам
 ведущим в никуда глубоко страдая погружённая в печаль
 Я не расцвела так как было во мне заложено
 Может я - десять крепких как дубы сыновей
 которые не вышли из моего чрева
 Может я мать племени которое сбилось с дороги в пустыне
 или совершенный и элегантный синий цветок-медонос
 а может быть я –искра затерявшейся в пространстве звезды

בְּעֶצֶם לֹא הִגַּעְתִּי אֶף פַּעַם
 לְדֶרֶךְ
 דֶּרֶךְ רֻחָבָה זְרוּעַת אוֹר וְשִׁתּוּלֵת עֵצִים
 תָּמִיד הַשְׁתַּלְשַׁלְתִּי בִּיסוּרִים גְּדוֹלִים בִּירְכָתֶיהָ
 בְּדֶרֶכִים צָדִידוֹת לֹא שְׁלָמוֹת טְבוּלָה בְּצַעַר
 לֹא הִגַּעְתִּי לְכָלִּל פְּרִיחֹתִי הַטְּבוּעָה בִּי
 אוֹלִי הָיוּ אֵלֶּה עֲשָׂרַת בְּנֵי הָאִתָּנִים כְּאֵלּוֹנִים
 שֶׁלֹּא יָצְאוּ מִמַּעִי
 אוֹלִי אֲנִי אִם שָׁבַט שְׁאֵבֵד דֶּרֶכּוֹ בְּמַדְבָּר
 אוֹ צוֹפִית נַעֲלָה כְּחֹלָה וְאַלְגֻּנְטִית
 וְאוֹלִי אֲנִי נִיצוֹץ מְכוֹכֵב אֲבוּד בְּחֹלֶל

Дрофа

חוגה

Она встаёт из глубин времени
 Я вижу её:
 Дрофа токует
 нежно
 с перерывами
 в дрёме
 в предрассветных зимних сумерках;
 Мой отец идёт уверенно
 тяжёлыми шагами
 вытаскивает из сарая и тащит плуги:
 Глухое звучание металла -
 удары по земле
 Дрофа -
 голос её всё громче -
 и храп лошадей
 фыркающих в утреннюю прохладу
 заставляют меня дрожать всем телом
 Мой отец
 в утреннем холоде

מִנְבְּכֵי-הַזְּמַן
 הִיא עוֹלָה
 אֲנִי שׁוֹמַעַת אוֹתָהּ:
 חוּגָה מְצִיּוֹת:
 רַכּוֹת -
 בְּהִפְסָקוֹת
 מִנִּמְנָמֹת:
 תּוֹךְ דְּמָדוּמִי-שַׁחַר
 חֲרָפִי;
 אָבִי מְהַלֵּךְ כְּבִדּוֹת
 וּבִטּוּחוֹת:
 מוֹצִיא מִחֲרָשׁוֹת,
 גּוֹרֵר מִן הַמַּחֲסָן;
 צָלִיל בְּרָזָל עֲמוּם -
 חֲבֻטָּה בְּקֶרֶקַע
 הַחוּגָה -
 קוֹלָה הוֹלֵךְ וְחִזָּק;
 וְחֲרוּר הַסּוּסִים
 הַנוֹשָׁפִים לְתוֹךְ צֶנֶת-הַבֶּקֶר -
 מְרַעִידִים אֶת כָּלִי -

зимой
в предрассветных сумерках

אָבִי
בֶּקֶר-הַבֶּקֶר
בַּחֲרָף -
עם דְּמִדּוּמֵי-שָׁחַר

Стихотворения Якова Фихмана

Караван в пустыне *(Налево, направо)*

Куда ни глянь, кругом песок.
В пустыне жёлтой нет дорог.

И лишь мираж лесов вдали
У края неба и земли.

Идёт, качаясь, караван –
Живой фантом из дальних стран.

Верблюдов цепь идёт след в след,
И звон вверх-вниз шагам их вслед.

Дин-дон! Шагают, как во сне,
Как пахари по целине.

От моря к морю путь прямой.
Их лёгок шаг, их строен строй.

И, как наказ, дин-дон звучит:
Иди – неси! Иди – молчи!

Скитаний песнь легко понять:
Легко нести, легко шагать!

Песня на музыку Давида Заави (1927) в исполнении Шошаны Дамари
на сайте <https://www.youtube.com/watch?v=JPoS9kl3SME>

שירי יעקב פיכמן

אוֹרְחָה בְּמִדְבָּר (יָמִין וּשְׂמָאל)

עִירָם נֶחֱוֹל, יָמִין וּשְׂמָאל.
יִצְהִיב מִדְּבָר לֹלֵא מִשְׁעוֹל.

רַק קוֹ בְּפֶאֶת יַעֲרִים חֵד,
צֵלוֹ עַל פְּנֵי הָאֶפֶק יֵט.

אוֹרְחָה עוֹבְרָה, דּוֹמָם נָעָה,
כְּדַמוֹת בְּדִים שֵׁם מְפֻלָּאָה.

הֵד צִלִּיל עוֹלָה-יֹרֵד קְצוֹב.
גְּמִלִים פּוֹסְעִים בְּנוֹף עָצוֹב.

זֶה אַחֵר זֶה יִשְׂרֵי-פְסִיעָה
כְּחוֹרְשֵׁי-נִיר יִחְצוּ צִיָּה.

לִין-לֵן ! לִין-לֵן ! מִיָּם אֵל יָם.
כָּל נֹעַ קֵל, כָּל צַעַד תָּם,

שִׁמְעֵה קוֹל הַצִּלִּיל כְּצוֹ מֵתוֹק :
הִלּוֹךְ וְשֹׂאֵת ! הִלּוֹךְ וְשֹׂאֵת !

לִין-לֵן ! לִין-לֵן ! זֶה שִׁיר הַנְּדוּד.
רַק קֵל לְשֹׂאֵת ! רַק קֵל לְצַעַד !

Легенда

(У берега Кинерета)

Возле озера чаши
Есть дворец, всех он краше.
Сад там Божий на склоне
Недвижим и спокоен.

Отрок в нём, словно птица,
Что средь леса ютится.
Он внимает уроку
Элияу-пророка.

Чуть Кинерет струится,
И слетаются птицы,
Чтоб, прервав своё пенье,
Внять благому ученью.

1921

Песня на музыку Х.Карцивски в исполнении Шломит Аарон на сайте

<https://www.youtube.com/watch?v=rine2aRJ0IA>

Парус

Кто же я?
Только белый парус в море пустом.
Пою и скитаюсь, здесь повсюду мой дом.
Могу освежиться в бурю чёрной водой,
Ветра и тучи подружились со мной.

Куда? Мне о странах, где небо видно со дна,
Из бездны зелёной тихо шепчет волна.
Без цели плыву я, куда ветер велит,
И каждый остров душе радость сулит.

אגדה

(על שפת ים כנרת)

על שפת ים כנרת
ארמון רב תפארת,
גן אל שם נטוע,
בו עץ לא ינוע.

מי גר שם ? רק נער
קעוף בדמי יער !
לומד שם תורה הוא
מפי הנביא אליהו.

הס גל לא קולח,
כל עוף הפורח
עומד וְשומע -
תורת אל בולע.

המפרש

מי אני ?
רק מפרש לבן בודד.
על מים רבים הן אני ונודד;
ומים שחורים לי ייטיבו פנים
ורוחות ליל לי רעו ועננים.

לאן ? על מים וארצות-הוד רחוקים
לי שרים חרש גלי-תהום ירוקים,
ושבוי הרוחות אתע ימים רבים –
כל אי, כל חוף לנפשי גיל מנבאים.

Белый парус, коварной я подвластен судьбе.
Привет сердечный, каждый берег, тебе!
Что день, новой песней утешен, храним,
Считаюсь с ветром я с печальным морским.

В исполнении Давида Багли песню на музыку П.Гриншпуна можно
прослушать на сайте

http://zemer.co.il/FlashPlayer/player.asp?version_id=179

Рука коснулась

Рука чья-то тронула вдруг паланкин,
И дрогнули шторы дня моего.
Внезапно ветер принёс печаль,
Но, сердце, скажи, как знать – отчего?

Под солнцем, как лев, разлёгся мир.
Он рад погреться в нимбе лучей.
Над счастьем склонилось сердце моё,
Как клонится ива над тенью своей.

Она вышивает ветвями узор,
Пока ещё солнца свет не исчез.
Покоем полное сердце стучит
Под лёгким куполом синих небес.

О сердце, скажи, почему ты с днём
Расстаться торопишься поскорей
И, как перед бурей птица к гнезду,
Стремишься так к тревоге своей?

Ты стало чуждым вдруг, солнце моё,
Хоть ночь пока ещё далека.
И тайно по ткани лучей мой удел
Судьбы незримой вышивает рука.

אני רק מפרש לבן על פני ימים,
ושלומי אל כל חופי ליל נשמים;
לי שיר כל יום, לי רבבות תנחומים –
ונד אני עם רוחות-ים עגומים.

יד מי נגעה

יד מי נגעה באפיריון
וילאות יומי זעו,
רוחות באות, נושאות עצב,
והלב לא ידע מה הוא.

כארי עוד ירבץ עולם
תחת שמש שש בהילו;
אף הלב כבר נשח על אשורו,
כעץ ערבה על פני צלו.

כעץ ערבה רוקם ערב
על פני יריעות נהרה,
נע לבבי, שבע מנוחה,
תחת חפת תכלת ברה.

לבי, לבי, מה תמהר
כה מיומך להפרד,
וכמו צפור לפני סער
אלי קנה, אתה חרד ?

אותות ערב עוד רחקים –
שמש, שמש, ואת כבר זרה !
ועל יריעות אור רוקמת
את גורלי יד נסתרה.

В исполнении Мирьям Левитин песню на музыку неизвестного композитора можно прослушать на сайте
http://zemer.co.il/FlashPlayer/player.asp?version_id=2650

Стихотворения Натана Заха

Год за годом

Год за годом это будет становиться все более утончённым,
в конце концов всё это будет очень утончённо,
сказала она и именно это имела в виду.
Но иногда у меня такое чувство, что я тону во времени.
У меня такое чувство, что я тону во времени,
Он колебался.
Все это потому, что ты опускаешься, ответила.
Все это потому, что ты опускаешься, ты знаешь.
Не знаю. Иногда мне кажется, что сила моя уже не со мной.
Утончённо, знаешь, это другая сторона плохо.
Я знаю, и я благословляю тебя за твоё открытие.
Я благословляю тебя за цвет твоих глаз...
Ты ничего не оставляешь позади себя.
Действительно, именно этого мне нехватает.
Действительно, это то, что я чувствую.
Опять же ты ошибаешься: ты чувствуешь себя хорошо,
и это «хорошо» окружает тебя.
Оно уже вокруг, и оно несёт тебя на своих плечах.
Если ты будешь терпелив, оно ещё тебя обнимет.
В конце концов, оно должно тебя поцеловать.
Ты знаешь, как такое бывает.

Нам всем нужна милость

Всем милость нужна временами,

שירי נתן זך

משנה לשנה זה

משנה לשנה זה נעשה יותר מעדן,
זה יהיה כל-כך מעדן בסוף,
היא אמרה והתכונה לזה.
אבל לי יש לפעמים הרגשה שאני טובע בזמן.
יש לי הרגשה שאני טובע בזמן,
הסס.
זה הכל מפני שאתה שוקע, השיבה.
זה הכל מפני שאתה שוקע, אתה יודע.
לא יודע. לפעמים אני חושב שפחיתות לא אתי.
מעדן, את יודעת, זה צד אחר של שלילי.
אני יודעת ואני מברכת אותך על גלוייך.
אני מברכת אותך על צבע עיניך..
שום דבר אינך משאיר אחרריך.
ובכן זה בדיוק מה שמפסיד אתי.
ובכן זהו מה שאני מרגיש.
שוב אתה טועה: אתה מרגיש בטוב והטוב מקיף אותך.
הוא כבר מסביב, על כתפיו הוא מרביב אותך,
אם תהיה סבלני, הוא עוד יחבק אותך,
בסופו של דבר, הוא חייב לנשק אותך.
אתה יודע איך דברים קאלה קורים.

כלנו זקוקים לחסד

כלנו זקוקים לחסד,

И прикосновение всем,
Тепло оплатив не деньгами,
А прикосновением тем.
Давать, не держа на примете:
Верну, как настанет день, -
Как солнце, которое светит,
И так, как падает тень.
Приди, я могу показать
Место, где можно дышать.
Давать согласны мы все.
Лишь горсть знают, как и когда.
Пора уяснить себе,
Что счастьем улыбка чужда,
И то, что однажды дано,
Отнять никому не дано.
Что есть в этом смысл и вес,
Даже когда смысл исчез...
Приди, место есть у меня,
Где ясен ещё свет дня.
И есть земля, говорят,
Где порхают даже плоды,
Где боль и горечь утрат
Особого света полны,
Приди, я могу показать,
Где ещё можно мечтать.

Одну минуту

Одну минуту тишины прошу. Я, я
хочу что-то сказать. Он прошёл
мимо меня. Я мог прикоснуться к краю
его одежды. Я не прикоснулся. Кто мог
знать то, чего не знал я.

Песок прилип к его одежде. В его бороде
запутались веточки. Как видно,

כָּלֵנוּ זְקוּקִים לְמַגֵּעַ.
לְרַכֵּשׁ חֵם לֹא בְכֶסֶף,
לְרַכֵּשׁ מִתּוֹךְ מַגֵּעַ.
לִתֵּת בְּלִי לְרִצּוֹת לִקְחַת
וְלֹא מִתּוֹךְ הֶרְגֵּל.
כְּמוֹ שְׁמֵשׁ שְׂזוֹרַחַת,
כְּמוֹ צֵל אֲשֶׁר נוֹפֵל.
בּוֹאִי וְאַרְאֶה לָךְ מְקוֹם
שָׁבוּ עוֹד אֶפְשָׁר לְנִשָּׁם.
כָּלֵנוּ רוֹצִים לִתֵּת.
רַק מַעֲטִים יוֹדְעִים אֵיךְ.
צָרִיךְ לְלַמֵּד כָּעֵת
שֶׁהָאִשָּׁר לֹא מְחַיֶּה,
שְׁמָה שְׁנִיתָן אִי פַעַם
לֹא יִלְקַח לְעוֹלָם.
שֵׁישׁ לְכָל זֶה טַעַם,
גַּם כְּשֶׁהִטְעַם תָּם...
בּוֹאִי וְאַרְאֶה לָךְ מְקוֹם
שָׁבוּ עוֹד מְאִיר אוֹר יוֹם.
אוֹמְרִים שִׁישְׁנָה אֶרֶץ,
שֶׁאֶפְלוּ לִימוֹנִים פּוֹרְחִים בָּהּ,
שֶׁבָּהּ גַּם מַחְסוֹר, גַּם כָּאֵב
כָּאֵלוּ תַמִּיד קוֹרְנִים בָּהּ,
בּוֹאִי וְאַרְאֶה לָךְ מְקוֹם
שָׁבוּ עוֹד אֶפְשָׁר לְחַלֵּם.

רגע אחד

רגע אחד שקט בבקשה. אנא. אני
רוצה לומר דבר מה. הוא הלך
ועבר על פני. יכלתי לגעת בשולי
אדירתו. לא נגעתי. מי יכול היה
לדעת מה שלא ידעתי.

החול דבק בבגדיו. בזקנו
הסתבכו זרדים. כנראה לן

спал раньше на сене. Кто мог
знать, что следующей ночью он будет
лёгким, как птица, тяжёлым, как камень.

Я не мог знать. Я не виню
его. Иногда я чувствую, как он просыпается,
притягиваемый луной, как море,
проходит рядом со мной, и говорит
мне: сын мой.
Сын мой... Я не знал, что ты так мне близок.

Ибо человек — дерево в поле

Словно дерево в поле, он,
И оно вырастает с годами,
Срублен будет он, как оно.
Потому я не знаю,
Где я был и где буду потом.
Как дерево он,
Словно дерево в поле, он,
Как оно, всё выше стремится,
Как и он, сгорает в огне.
Потому я не знаю,
Где я был и где буду потом.
Как дерево он.
Любил я и ненавидел,
Того и другого вкусил,
Во прахе похоронили меня,
И горько, горько во рту.
Как дерево он,
Словно дерево в поле, он,
Как оно, воды он жаждал,
Жаждущим, как и он, осталось.
Потому я не знаю,
Где я был и где буду потом.

לילה קדם בתבן. מי יכול היה
לדעת שבעוד לילה יהיה
ריק כמו צפור, קשה כמו אבן.

לא יכלתי לדעת. אינני מאשים
אותו. לפעמים אני מרגיש אותו קם
בשנתו, סהרורי כמו ים, חולף לידי, אומר
לי בני.
בני. לא ידעתי שאתה, במדה כזאת, אתי.

כי האדם עץ השדה

כי האדם עץ השדה
כמו האדם גם העץ צומח
כמו העץ האדם נגדע
ואני לא יודע
איפה הייתי ואיפה אהיה
כמו עץ השדה
כי האדם עץ השדה
כמו העץ הוא שואף למעלה
כמו האדם הוא נשרף באש
ואני לא יודע
איפה הייתי ואיפה אהיה
כמו עץ השדה
אהבתי וגם שנאתי
טעמתי מזה ומזה
קברו אותי בחלקה של עפר
ומר לי, מר לי בפה
כמו עץ השדה
כי האדם עץ השדה
כמו העץ הוא צמא למים
כמו האדם הוא נשאר צמא
ואני לא יודע
איפה הייתי ואיפה אהיה
כמו עץ השדה

Как дерево он.
Любил я и ненавидел,
Того и другого вкусил,
Во прахе похоронили меня,
И горько, горько во рту.
Как дерево он,
Как дерево он,
Словно дерево в поле, он,
Словно дерево в поле, он,
В поле один.

אהבתי וגם שנאתי
טעמתי מזה ומזה
קברו אותי בחלקה של עפר
ומר לי, מר לי בפה
כמו עץ השדה.
כמו עץ השדה.
כי האדם עץ השדה.
כי האדם עץ השדה.
עץ השדה.

במה להמתיק ימים

Чем подсластить дни

Чем подсластить дни, если не стихами.
Чем подсластить? Юноши услышат
И будут танцевать мечтая, девушки смахнут слезу. Старики,
Чьи добрые сердца добры в стихах, забудут
О своём злом сердце и тоже смахнут слезу. Чем подсластить?
Дети,
Оторванные далеко от дома своего,
Или просто плохо им дома,
Будут им стихи этого поэта утешением.
Он и сам жаждет утешения.
Они узнают, что они написаны вечерами,
Они узнают, что они написаны с любовью.
Предстанут перед ними, как когда-то,
И многие воды не погасят картину семьи.
И, когда будут пить их, поднимутся из вод звуки
Весёлые, и будут танцевать под них босые
На всех горах,
Когда в них стала радостью навек печаль детства,
Горькая память об их юности.

במה להמתיק ימים אם לא בשירים.
במה להמתיק? עלמים ישמעו,
וירקדו חלומים, נערות תמחינה דמעה. ישישים,
כטוב לבם הטוב בשירים, ישכחו
את לבם הרע, אף הם ימחו דמעה. במה להמתיק?
ילדים
מנתקים מביתם במרחקים
או בעצם ביתם הרע
יהיו להם שיריו של משורר זה נחומים
אף הוא כמה לנחמה
ידעו שנקתבו בערבים
ידעו שנקתבו באהבה
יעמדו לפניהם כמו לפני ימים
ומים רבים לא יכבו את תמונות המשפחה
וכשישיתו מהם - יעלו מהם צלילים
עולזים וירקדו עמם ברגל יחפה
על כל הרים
שבם שמחה לעד עצבת ילדים,
זכרון נעוריהם הרע.

איך הוא מעז

Как она смеет?

Как она смеет, ради всего святого?
Одна-единственная звезда!
Я бы не посмел.
И я не один.

אֵיךְ הוּא מַעַז, לְמַעַן הַשֵּׁם.
כּוֹכֵב אֶחָד לְבַד.
אֲנִי לֹא הֵייתִי מַעַז.
וְאֲנִי, בְּעֶצְמִי, לֹא לְבַד

שירי חיים לנסקי נוספים

הלילה שוב נגלית

И вот ты ночью вновь передо мной

И вот ты ночью вновь передо мной:
Всё та же красота, всё тот же взгляд.
Такая же восемнадцать лет тому назад
Ты невзначай украла мой покой.
Увы! Вернулся он. Кто звал его, кто звал?
Душа была когда-то холодна –
Он стужей кровь ещё сильнее сковал.
Красива как! И как мила! И как нежна!
Не торопись из грёзы исчезать,
Пока не украдёшь покой опять.

הַלֵּילָה שׁוּב נִגְלִית בְּחִלּוּמִי,
מָאוּם מִיָּפִי מֵרְאִיךְ לֹא שָׁנָה.
כְּזֹאת לִפְנֵי שְׁמוֹנֶה-עָשָׂרָה שָׁנָה
הוֹפְעֶת וְלִתְמִיךָ גְּזֵלָת שְׁלוֹמִי.
אָבוּי! הוּא שָׁב. וּמִי בִקְשׁוֹ? מִי? מִי?
צוֹן מִשְׁהִיָּה בְּרֹאשׁוֹנָה
יִצֵּק אֶת קְפֹאוֹנוֹ לְתוֹךְ דָּמִי.
הָאֲהוּבָה! הַחֲבִיבָה! הַעֲדִינָה!
אֶל-כָּא תַחֲשִׁי צֶאֱת מַחְלּוּמִי
עַד אִם שְׁנִית לֹא תִגְזְלִי שְׁלוֹמִי

Сиреневые ночи

Кусты сирени, сад,
Тот сад ночной,
Тот сад ночной,
Тот сад ночной,
Их запах не для нас с тобой.

לילות לילך

לילות, לילות לילך
לילות לילך
לילות לילך
לילות לילך
ריחם זלף - לא לי לא לך

Так да иль нет? – спросил тогда.
Сияли звёзды вдалеке.
Склонив головку, - «нет и да».
Смеялась ямочка в щеке.

ריחם זלף קסמם חלף
לחשתי לך: ההן אם לאו
הרכנת ראשך: הן- לאו לאו- הן
חייכה לחיך, גומת החן

Кусты сирени, сад...

לילות, לילות לילך...

«Ах, звёзды: мне-то счастья что ж
В улыбке двойственной такой?
Хитрюги!» «Тотчас ты поймёшь!» -
Погасли все, закрылись тьмой.

Кусты сирени, сад...

И так прошла ночь, как во сне.
И ты исчезла без «прощай!»,
И птицы щебетали мне:
«Глупец, вопросы задавай!»

Кусты сирени, сад...

Песня на музыку Сьюзан Двор в исполнении её и Пран на сайте

<https://www.youtube.com/watch?v=rQjox26njZc>

Приложение

Соответствие названий частей Библии на иврите и на русском языке

Диврей-הא-ямим – книга Хроники или Летопись (в разделе Писания)
Ирмияהу – книга Иеремии (в разделе Пророки)
Ишayahу – книга Исаии (в разделе Пророки)
Коheлет – книга Экклесиаст (в разделе Писания)
Кетувим – Писания, раздел Ветхого Завета
Невиим – Пророки, раздел Ветхого Завета
ТАНАХ – Библия, Ветхий Завет
Шемюэйл – книга Самуила (в разделе Пророки)

Из французской поэзии

Table

Оглавление

שאלתי פי הכוכבים
מה טוב חיוך דו-פרצופים?
הערומים! רמזו: מיד!
רמז דעוך אחד אחד

לילות, לילות לילך...

חלף הליל כיציר חלום
נעלמת ובלי ברכת שלום
ועלי ציץ כל עוף הגן
מקשן טיפש! טיפש מקשן!

לילות, לילות לילך...

Clément Marot

Languir me fais sans t'avoir offensée

Pierre de Ronsard

Ode 17

Victor Hugo

Demain, dès l'aube...

Charles Baudelaire

Привидение
Alchimie de la douleur

Albert Mérat

Je n'aimerai jamais que toi...
L'amour...

Charles Cros

À ma Femme Endormie

Paul Verlaine

Chanson d'automne

Guillaume Apollinaire

Le Pont Mirabeau
Mai

Jacques Prévert

Клеман Маро (1496-1544)

Тебя щадя, я томлюсь

Пьер де Ронсар (1524-1585)

Ода 17

Виктор Гюго (1802-1885)

А завтра на заре

Шарль Бодлер (1821-1867)

**Привидение
Алхимия боли**

Альбер Мера (1840-1909)

**Другой я не люблю...
Любовь...**

Шарль Кро (1842-1888)

Моей спящей жене

Поль Верлен (1844-1896)

Осенняя Песня

Гийом Аполлинер (1880-1918)

**Мост Мирабо
Май**

Жак Преввер (1900-1977)

Le Cancre

Marguerite Yourcenar

Ceux qui nous attendaient

* * *

Clément Marot

Languir me fais sans t'avoir offensée

Languir me fais sans t'avoir offensée :
Plus ne m'écris, plus de moi ne t'enquiers.
Mais nonobstant autre Dame ne quiers :
Plutôt mourir que changer ma pensée.

Je ne dis pas t'amour être effacée,
Mais je me plains de l'ennui que j'acquiers,
Et loin de toi humblement te requiers
Que loin de moi, de moi ne sois fâchée.

Pierre de Ronsard

Ode 17.

À Cassandre.

Дурачок

Маргерит Юрсенар (1903-1987)

Те, кто ждали нас

* * *

Клеман Маро (1496-1544)

Тебя щядя, я томлюсь

Тебя щядя, я томлюсь, но прошу:
Не спрашивай обо мне, не пиши.
Скорей умру, чем иначе решу,
Хоть спрашивать Дама та не спешит. *)

Не говорю, что забыта любовь,
Но скука гложет, давно нет огня.
И я смиренно прошу тебя вновь:
Подальше будь, не сердись на меня.

*) Маро был близко знаком с Маргаритой Наваррской, Рене Французской, Дианой де Пуатье

Пьер де Ронсар (1524-1585)

Ода 17

Кассандре

Mignonne, allons voir si la rose
Qui ce matin avoit desclose
Sa robe de pourpre au Soleil,
A point perdu ceste vesprée
Les plis de sa robe pourprée,
Et son teint au vostre pareil.

Las ! voyez comme en peu d'espace,
Mignonne, elle a dessus la place
Las ! las ses beautez laissé cheoir !
Ô vraiment marastre Nature,
Puis qu'une telle fleur ne dure
Que du matin jusques au soir !

Donc, si vous me croyez, mignonne,
Tandis que vostre âge fleuronne
En sa plus verte nouveauté,
Cueillez, cueillez vostre jeunesse :
Comme à ceste fleur la vieillesse
Fera ternir vostre beauté.

Victor Hugo

Demain, dès l'aube...

Demain, dès l'aube, à l'heure où blanchit la campagne,
Je partirai. Vois-tu, je sais que tu m'attends.
J'irai par la forêt, j'irai par la montagne.
Je ne puis demeurer loin de toi plus longtemps.

Je marcherai les yeux fixés sur mes pensées,
Sans rien voir au dehors, sans entendre aucun bruit,
Seul, inconnu, le dos courbé, les mains croisées,

Пойдём же, милая, пора!
Вот роза расцвела с утра. **
Как пурпур лепестков хорош,
На солнце как они горят!
И этот пурпурный наряд
На розы щёк твоих похож.

И в этом уголке пока
Хватает места для цветка,
Он юн, красив и он цветёт.
Увы, известно нам с тобой:
Его вечернею порой
Природа- мачеха убьёт.

Мне, милая моя, поверь:
Пока, как он, цветёшь теперь,
Пей свежей юности росу.
Всё время у цветка – лишь день,
И старость-вечер бросит тень,
Сотрёт, убьёт твою красу.

Виктор Гюго (1802-1885)

А завтра на заре

А завтра на заре в тот час, когда дома
Деревни белый свет зальёт, отправлюсь я.
Ты, знаю, ждёшь. Сквозь лес, холмы спешу туда.
Вдали я не могу быть больше от тебя.

Иду, не видя я, не слыша ничего,
Взгляд к мыслям обратив своим и чуждый всем.

Triste, et le jour pour moi sera comme la nuit.

Je ne regarderai ni l'or du soir qui tombe,
Ni les voiles au loin descendant vers Harfleur,
Et quand j'arriverai, je mettrai sur ta tombe
Un bouquet de houx vert et de bruyère en fleur.

Charles Baudelaire

Le Revenant

Comme les anges à l'oeil fauve,
Je reviendrai dans ton alcôve
Et vers toi glisserai sans bruit
Avec les ombres de la nuit,

Et je te donnerai, ma brune,
Des baisers froids comme la lune
Et des caresses de serpent
Autour d'une fosse rampant.

Quand viendra le matin livide,
Tu trouveras ma place vide,
Où jusqu'au soir il fera froid.

Comme d'autres par la tendresse,
Sur ta vie et sur ta jeunesse,
Moi, je veux régner par l'effroi.

День мрачен для меня, как ночь, и оттого
Я руки на груди скрестил, согбен и нем.

Не видя парусов, что к устью держат путь,
И золотую вечера зарю, приду
С цветущей ветвью вереска, но не на грудь
Тебе сложить, а на могильную плиту. *)

1847

*) Стихотворение написано в память о дочери поэта, Леопольдине, утонувшей четырьмя годами ранее вместе с мужем в возрасте 19 лет

Шарль Бодлер (1821-1867)

Привидение

С грозным взором, как ангел суров
И красив, я вернусь в твой альков
И бесшумно скользну под луной,
О брюнетка моя, в твой покой.

Я тебе подарю средь теней
Поцелуй луны холодней,
И змеиные ласки мои
Окружат тебя вместо любви.

Хмурым утром рассеется дым,
Ты найдёшь моё место пустым
И весь день будешь холод терпеть.

Как другие владеют любя,
Твоей жизнью и юностью я
Только страхом хочу овладеть.

Charles Baudelaire

Alchimie de la douleur

L'un t'éclaire avec son ardeur,
L'autre en toi met son deuil, Nature !
Ce qui dit à l'un : Sépulture !
Dit à l'autre : Vie et splendeur !

Hermès inconnu qui m'assistes
Et qui toujours m'intimidas,
Tu me rends l'égal de Midas,
Le plus triste des alchimistes ;

Par toi je change l'or en fer
Et le paradis en enfer ;
Dans le suaire des nuages

Je découvre un cadavre cher,
Et sur les célestes rivages
Je bâtis de grands sarcophages.

Шарль Бодлер (1821–1867)

Алхимия боли

Природа! Тот тебе свой пыл,
Другой лишь скорбь свою дарит.
Ты та, кто жизнь и блеск сулит,
Иль вдруг - уныние могил!

Ты, как Гермес, даёшь успех,
Меня пугая и маня,
С Мидасом ты равнишь меня,
Алхимиком печальней всех;

В железо злато превратить
Могу, рай в ад преобразить,
Сквозь белый саван, в облаках

Я труп, родной мне, различить,
И на небесных берегах
Большой построить саркофаг.

В этом стихотворении из книги «Цветы зла» (1861) Бодлер утверждает, что дар поэта, которым наградила его Природа, как Гермес – бог ремёсел, знаток алхимии— это проклятие, особенно, когда поэт становится жертвой печали и боли. Тогда он способен превратить золото в железо и рай в ад. Так проклятием стала для Мидаса дарованная ему Дионисом способность превращать всё в золото. По мнению Бодлера, задача поэта теперь состоит в том, чтобы заново изобрести красоту, не сосредотачиваясь больше на классической Красоте, чтобы уродливое, деформированное, злое, больное предстало как новые формы красоты. Боль плодородна,

поскольку является источником вдохновения для поэта. (А.Г. По материалам Википедии)

Albert Mérat

Je n'aimerai jamais que toi...

Je n'aimerai jamais que toi...
A moins qu'une femme ne m'aime,
Et ne me donne aussi sa foi
Pour me la reprendre de même.

Car, vois-tu, nous ne pouvons pas,
Si forte qu'en soit notre envie,
Aux liens frêles de vos bras
Dérober jamais notre vie.

Nous prenons nos amours brisés
Pour nous en forger d'autres chaînes.
— Ô contagion des baisers,
Défaillances toujours prochaines !

Albert Merat

L'amour...

L'Amour, fautre soir, fantasque et moqueur.
Passant près de moi, prit une balance
Dans l'un des plateaux il jeta mon coeur,
Il jeta mon coeur avec violence
Dans l'autre, plaça deux yeux presque verts.
Deux bras potelés et deux levres roses.
Des cheveux enfin ces petites choses

Альбер Мера (1840-1909)

Другой я не люблю...

Другой я не люблю...
Женщина, не любя,
Душу отдаст свою,
Чтобы забрать у тебя.

Нельзя нам позволить вдруг,
Как не горит в нас страсть,
Узам их хрупких рук
Всю нашу жизнь украсть.

Крохи любви собрав,
Цепи куём опять.
Губ женских яд впитаю,
Краха не избежать!

Отрывок из «Прощание» , 1873

Альбер Мера (1840-1909)

Любовь...

Любовь прошла на закате дня,
Который был как-то странен и тих,
С весами в руках мимо меня,
Швырнула вдруг моё сердце на них.
На чаше другой — пара синих глаз,
Две ручки, две губки, вокруг парит
Копна волос, что меня, как магнит,

Qui m'ont toujours mis la hête à Fenvers
Or vola du coup la balance folle
Le plateau des yeux verts, des jolis bras
Sous un tel fardeau s'enlève, s'envole
L'autre comme un bloc tombe, et patatras
Enseignement vif sinon salutaire.
Mon coeur lourdement a roulé par terre

Recueil Les chimeres (1866)

Charles Cros

À ma Femme Endormie

Tu dors en croyant que mes vers
Vont encombrer tout l'univers
De désastres et d'incendies ;
Elles sont si rares pourtant
Mes chansons au soleil couchant
Et mes lointaines mélodies.

Mais si je dérange parfois
La sérénité des cieux froids,
Si des sons d'acier ou de cuivre
Ou d'or, vibrent dans mes chansons,
Pardonne ces hautes façons,
C'est que je me hâte de vivre.

Et puis tu m'aimeras toujours.
Éternelles sont les amours
Dont ma mémoire est le repaire ;
Nos enfants seront de fiers gas
Qui répareront les dégâts,
Que dans ta vie a faits leur père.

В Фенвер тянули всегда и сейчас.
Шальным стало ясно сразу весам:
Две ручки, две губки - пух на весах,
Их лёгкая чаша летит к небесам.
Другая упала, как камень, и бах!..
Скатилось тяжко сердце в песок.
Живой, но бесполезный, урок.

Коллекция химер (1866)

Шарль Кро (1842-1888)

Моей спящей жене

Ты во сне веришь: мир без сил,
Я стихами его захламил
О несчастиях на века.
Но число их мало, притом
Их расслышать можно с трудом
На закате издалека.

Если смущал я порой
Холодных небес покой,
Если можно сталь различить,
Медь и золото в песнях моих,
Не судите за пафос стих:
Просто я тороплюсь жить.

Вот за это люби меня,
Верность любви храня.
Любовь навек - не вопрос.
Мы вырастим крепких ребят,
Урон они возместят,
Что отец стихами нанёс.

Ils dorment sans rêver à rien,
Dans le nuage aérien
Des cheveux sur leurs fines têtes ;
Et toi, près d'eux, tu dors aussi,
Ayant oublié, le souci
De tout travail, de toutes dettes.

Moi je veille et je fais ces vers
Qui laisseront tout l'univers
Sans désastre et sans incendie ;
Et demain, au soleil montant
Tu souriras en écoutant
Cette tranquille mélodie.

Paul Verlaine

Chanson d'automne

Les sanglots longs
Des violons
De l'automne
Blessent mon cœur
D'une langueur
Monotone.

Tout suffocant
Et blême, quand
Sonne l'heure,
Je me souviens
Des jours anciens
Et je pleure

Et je m'en vais

Они спят, как в облаках,
Волос тонок на их головах;
Спят спокойно, не видя снов.
И ты тоже спишь возле них,
Устав от забот дневных,
От всех трудов и долгов.

Я пишу стихи, спит эфир;
Я тоже покину сей мир
Без бурь и без катастроф;
А восход завтра будет хорош,
И ты с улыбкой прочтёшь
Несколько тихих строф.

Из книги «Ожерелье из когтей» (посмертно, 1908)

Поль Верлен (1844-1896)

Осенняя Песня

Жесток скрипач:
Вновь песни плач
Из окон.
Осенним днём
В сердце моём
Тот же стон.

Как трудно жить!
Кого ж винить?
Час пробил.
Памяти гнёт
Время вернёт,
Но нет сил.

И мне пора.

Au vent mauvais
Qui m'emporte
Deçà delà,
Pareil à là
Feuille morte.

Guillaume Apollinaire

Le Pont Mirabeau

Sous le pont Mirabeau coule la Seine
Et nos amours
Faut-il qu'il m'en souviennе
La joie venait toujours après la peine.

Vienne la nuit sonne l'heure
Les jours s'en vont je demeure.

Les mains dans les mains restons face à face
Tandis que sous
Le pont de nos bras passe
Des éternels regards l'onde si lasse.

Vienne la nuit sonne l'heure
Les jours s'en vont je demeure.

L'amour s'en va comme cette eau courante
L'amour s'en va
Comme la vie est lente
Et comme l'Espérance est violente.

Vienne la nuit sonne l'heure
Les jours s'en vont je demeure.

Вот со двора
Ветра свист...
Летит всегда
Туда-сюда
Мёртвый лист.

Гийом Аполлинер (1880-1918)

Мост Мирабо

Сена тихо течёт под мостом.
О той любви...
Нужно ль помнить о том?
Да, печаль, но и радость потом.

Бьют часы и близится ночь,
Я стою, дни уходят прочь.

Лица наши рядом, в руке рука,
А ниже, под
Мостом наших рук, издалека,
Устав от взглядов, течёт река.

Бьют часы и близится ночь,
Я стою, дни уходят прочь.

Уходит любовь, как уходит волна,
Как жизнь течёт –
Не спешит она,
Как надежда жестока и холодна.

Бьют часы и близится ночь,
Я стою, дни уходят прочь.

Passent les jours et passent les semaines
Ni temps passé
Ni les amours reviennent
Sous le pont Mirabeau coule la Seine.

Vienne la nuit sonne l'heure
Les jours s'en vont je demeure.

Guillaume Apollinaire

Mai

Le mai le joli mai en barque sur le Rhin
Des dames regardaient du haut de la montagne
Vous êtes si jolies mais la barque s'éloigne
Qui donc a fait pleurer les saules riverains ?

Or des vergers fleuris se figeaient en arrière
Les pétales tombés des cerisiers de mai
Sont les ongles de celle que j'ai tant aimée
Les pétales flétris sont comme ses paupières

Sur le chemin du bord du fleuve lentement
Un ours un singe un chien menés par des tziganes
Suivaient une roulotte traînée par un âne
Tandis que s'éloignait dans les vignes rhénanes
Sur un fifre lointain un air de regiment

Le mai le joli mai a paré les ruines
De lierre de vigne vierge et de rosiers
Le vent du Rhin secoue sur le bord les osiers
Et les roseaux jaseurs et les fleurs nues des vignes

Jacques Prévert

Дни, недели летят над мостом,
Не вернётся любовь.
Время будто объято сном,
Сена тихо течёт под мостом.

Бьют часы и близится ночь,
Я стою, дни уходят прочь.

Гийом Аполлинер (1880-1918)

Май

Был май, чудесный май. Мы в лодке. Рейна гладь.
На нас с горы глядели дамы вниз тогда.
Ты так красива, но уносит нас вода.
Кто ивы у реки заставил так рыдать?

Цветущие сады застыли вдалеке.
Похожи майских вишен лепестки
На ногти той, с кем были мы близки;
На вёки – лепестки, увядшие в реке.

По берегу идёт цыган и следом строй
Ведёт – медведь, собака, обезьяна тут;
Осёл везёт тележку, натянув хомут.
За Рейн куда-то в виноградники бредут
Под дудку полковой мелодии простой.

Был май; чудесный май руины заслонял
Плющом виргинским диким и кустами роз,
А тихий рейнский ветер виноградных лоз
Безлиственных цветы и листья ив качал.

Жак Превер (1900-1977)

Le Cancre

Il dit non avec la tête
Mais il dit oui avec le cœur
Il dit oui à ce qu'il aime
Il dit non au professeur
Il est debout
On le questionne
Et tous les problèmes sont posés
Soudain le fou rire le prend
Et il efface tout
Les chiffres et les mots
Les dates et les noms
Les phrases et les pièges
Et malgré les menaces du maître
Sous les huées des enfants prodiges
Avec des craies de toutes les couleurs
Sur le tableau noir du malheur
Il dessine le visage du bonheur.

Marguerite Yourcenar

Ceux qui nous attendaient

Ceux qui nous attendaient, se sont lassés d'attendre,
Et sont morts sans savoir que nous allions venir,
Ont refermé leurs bras qu'ils ne peuvent plus tendre,
Nous léguant un remords au lieu d'un souvenir.
Les prières, les fleurs, le geste le plus tendre,
Sont des présents tardifs que rien ne peut bénir;
Les vivants par les morts ne se font pas entendre;
La mort, quand vient la mort, nous joint sans nous unir.
Nous ne connaissons pas la douceur de leurs tombes.
Nos cris, lancés trop tard, se fatiguent, retombent,

Дурачок

Он «нет» говорит головой,
Но сердцем всем говорит
Тому, что любит, «да»;
А учителю «нет» бубнит.
Он стоит.
Вопросы просты,
И все задачи ясны.
Вдруг начал смеяться он.
С доски – раз, два -
Стирает числа, слова,
Даты и имена,
Фразы учёных всех.
Угрозы мэтра презрев,
Под вундеркиндов смех
Он мелками, меняя цвет,
На доске несчастий и бед
Рисует счастья портрет.

Маргерит Юрсенар (1903-1987)

Те, кто ждали нас

Те, кто нас долго ждал, устали вечно ждать,
Умерли, не узнав, что мы ещё придём.
Сжав не протянут рук, чтобы нам передать
Совести муки их, не весть о былом.
Им приносить цветы, молитвы читать -
Некому этот дар благословить потом;
Нет у нас таких сил, чтобы их услышать,
Смерть, когда к нам придёт, не пустит в их дом.
Сладости не узнать, что есть в могилах их.
Наш слишком поздний крик, быстро устав, затих,

*****Pénètrent sans écho la sourde éternité;
Et les morts dédaigneux, ou forcés de se taire,
Ne nous écoutent pas, au seuil noir du mystère,
Pleurer sur un amour qui n'a jamais été.

В вечности эха нет, примет в лоно своё;
Мёртвые нас не ждут или молчать должны,
Им не до нас во тьме в странах, что тайн полны,
Плачут там о любви, не испытывав её.

Из польской поэзии

Юлиан Тувим

Акация

Любовь

Когда-то была дорога

Ранняя осень (Мелодия)

Бабочки

Это было на закате

К женщине

Akacje

Miłość Ci wszystko wybaczy

Przypomnienie

Wczesna jesień (Melodia)

Motyle

Chwila była przed zmrokiem

Do kobiety

* * *

Акация

Белых акаций запах пьянящий
Серебряно-синей ночью,
Как будто нет цветов, пахнущих слаще,
И не было в этой роще.

Их листья тёмны, цветы белоснежны,
А шёпот их - шелестящий,
Как будто звуков столь трепетно нежных
Никто и не слышал раньше.

Так тихо вокруг, так безмятежно,
Так ярки звёзды на небе,
Как будто не знал любви я прежде

Akacje

Białe akacje tchną wonią opłą
Pod nocą srebrno-modrą,
Jak gdyby innych kwiatów nie było
I wcale być nie mogło.

Te ciemne liście i białe kwiecie
Szelestnym szemrzą szeptem,
Jak gdybym żadnych głosów na świecie
Nie słyszał nigdy przedtem.

Tak przez gałęzie lśnią gwiazdne dale
I taki cichy ten wieczór,
Jak gdybym jeszcze nie kochał wcale

И только с Тобой изведал.

Любовь

Всё, всё простить она может
И обратить печаль в смех,

Ложь разукрасить поможет,
Грубость, предательство, грех.

Даже когда она гложет
Сердце, жестокость кляня,

Милый, простит она тоже,
Ибо любовь— это я.

Если ты любишь так сильно, как я,
Так нежно, по зову души,

До конца, до безумства, до дна,
То предай меня и согреси.

Любовь же простить тебя сможет
И обратит печаль в смех,

Ложь разукрасить поможет,
Грубость, предательство, грех.

Даже когда она гложет
Сердце, жестокость кляня,

Милый, простит она тоже,
Ибо любовь— это я.

I tylko Ciebie przeczuł.

Miłość Ci wszystko wybaczy

Miłość Ci wszystko wybaczy
Smutek zamieni Ci w śmiech.

Miłość tak pięknie tłumaczy:
Zdradę i kłamstwo i grzech.

Choćbyś ją przeklął w rozpaczy,
Że jest okrutna i zła,

Miłość Ci wszystko wybaczy
Bo miłość, mój miły, to ja.

Jeśli pokochasz tak mocno jak ja,
Tak tkliwie, żarliwie, tak wiesz,

Do ostatka, do szafu, do dna,
To zdradzaj mnie wtedy i grzesz.

Bo miłość Ci wszystko wybaczy
Smutek zamieni Ci w śmiech.

Miłość tak pięknie tłumaczy:
Zdradę i kłamstwo i grzech.

Choćbyś ją przeklął w rozpaczy,
Że jest okrutna i zła,

Miłość Ci wszystko wybaczy
Bo miłość, mój miły, to ja.

Ядвига Бараньска исполняет песню знаменитой Ордонки (Х.Ордоновской), стиль которой она имитирует.

Сайт <https://www.youtube.com/watch?v=IJx6uMiUuVs>

Когда-то была дорога

*)

Когда-то была дорога
Вся в солнце, был белый дом...
А сердце моё печально,
Печальным уснул я сном...

И было окно в том доме
В те добрые времена,
Я мир далекий, безмолвный
Искал, искал из окна...

Я мог пробыть там до ночи,
А, может, остался б навек...
Но было одно лишь утро,
Когда выпал белый снег.

Заснеженный, белый, детский
Смеялся на солнце дом!
А сердце моё печально,
И белым уснул я сном...

*) Оригинальное название стихотворения

«Przypomnienie» - синоним слова воспоминание. Но под этим названием переведено другое стихотворение Тувима

Ранняя осень (Мелодия)

Это время моё - ранняя осень.
Под цвет глаз моих - серое утро.

Przypomnienie

Miałem słoneczny gościniec
I biały, cuddly dom...
Smutno jest sercu mojemu,
Smutno jest moim snom...

I było okno w mym domu
Za dawnych, dobrych lat,
Patrzałem sobie, patrzałem
W daleki, cichy świat...

Może tam byłem dzień jeden,
A może cały wiek...
Wiem tylko, że kiedyś rano
Bieluchny opadł śnieg.

I śnieżnie, biało, dziecinnie
W słońcu się śmiał mój dom!
Smutno jest sercu mojemu
I dawnym, białym snom...

Wczesna jesień (Melodia)

Wczesna jesień - oto moja pora.
Siwy ranek - kolor mego wzroku.

Я в хорошем кафе, в облаке будто,
И до ночи сидеть рад бы очень.

За окном суета, волнение,
Но я знать не хочу, не слышу,
И, затихнув в улыбке осенней,
Покачиваюсь, глядя на крыши.

Лучше, чем на мир законный
Из кафе смотреть, быть не может.
Таким утром человек — влюблённый,
Чем грустнее он, тем моложе.

Сонный день и опустошённый.
Из любви, что была такой зыбкой,
Из твоих слов, не ко мне обращённых,
Я творю; на губах улыбка.

Ах, такие мгновения редки,
Всё слилось мелодии ради.
Иностранка в пальтеце в клетку
Нараспев зовёт: «Шоколаде!»

Что за женщина! Вот, кто мне нужен!
Как нас мало, а мир огромен!
А духи! Аромат бесподобен.
И поэт не хуже!..

Бабочки

*)

Где вы, бабочки жестокие, что были,
Где павлиние глаза и адмиралы,
Вы, летящие цветы и черви,
Вы, обваленные в чудотворной пыли,
Что ночами отряхнуть пытались

w obłoku, Siedzę w miłej kawiarni jak
Mogłbym tak do wieczora.

Za oknami tyle pośpiechu,
Ale ja nie wiem i nie słyszę,
I zamilkły w jesiennym uśmiechu,
Zapatrzeniem dalekim się kołysze.

Tak najlepiej: sięść w cukierni rankiem
I patrzeć, jak ulica chodzi.
W takie ranki jest się kochankiem,
I smutniej człowiekowi, i młodziej.

Od miłości, od czułych wspomnień
Dzień zacząłem senny i pusty.
Z twoich słów, nie pisanych do mnie
Wiersz układałam uśmiechniętymi ustami.

A to wszystko razem jest melodią,
I melodii chwile są rade.
Cudzoziemka w palcie kraciastym
Śpiewnie, ślicznie zamawia "szokolade".

Jaka wiotka, matowa kobieta!
Jak nas mało na świecie! Jak mało!
I jakimi perfumami zawiało!
I jaki poeta!...

Motyle

Gdzie jesteście, okrutne motyle,
Pawie oczy, żałobniki, admirały,
Fruwające kwiaty i robaki,
Wytarzane w czarodziejskim pyłku,
Który nocą ze skrzydeł strząsały

Птицы певчие, расстроив нервы?

Сколько было вас когда-то над полями...
И безумным мальчиком по травке
Гнался я за вами обгорая,
С поднятыми в небеса глазами.
Я в живых вас вкалывал булавки,
Бабочки, жестокие. Какая
Ведьма держит вас в плену, скажите? **)

Там я на лугу в дни жаркие, бывало,
Чувствовал порыв набега и забавы,
Когда сеть зелёная ложилась
На густые, с ядовитым соком, травы,
Там, под этой марлей бабочкою билось
Моё маленькое сердце, трепетало
И, вспорхнув, в просторе растворилось.

Точки чёрные, зелёные разводы,
Формы, вырезки — то уже, а то шире,
Банка с крышкою, булавки, яды,
Мысли светлые — цветные воды,
Пыль растёртая и смерть в эфире,
Все цвета проносятся мелькая.
О мечта моя, ты там, в том мире,
Столь короткая и дорогая.

И, когда меня вино дурманит,
В августовском небе тихо встанет,
Серп неся блестящий, призрак девы, **)
Тогда выйду я на луг, в порыве диком
Позову вас ночью детским криком:
Где вы?

Бабочки последние, придёте,
С мёртвою головкой упадёте.

Obłąkane, rozśpiewane ptaki!

Przecież dawniej bywało was tyle,
Kiedy byłem szalony i mały,
I goniłem was w pożodze białej
Z zadartemi, ślepemi oczyma,
Nakłuwalem was żywcem na szpile,
Wy okrutne arabskie motyle,
Jaka wiedźma w uwięzi was trzyma?

O, na łące w złote dni gorące
Drgał i skakał pęd dzikiej obławy,
A gdy siatka zielona spadała
Na splątane jadowite trawy,
To pod merłą było-trzepotało
Me schwytane serce fruwające
I jak motyl z rąk się wymykało!

Czarne centki, zielone obwódki,
Wycinanki, jaskółcze ogony,
Purpurowe i pomarańczowe
Gąsienice w puszcze, szpilki, trutki,
Myśli jasne — wody kolorowe —
Pył roztarty — eteryczne zgony!
O chaosie! O barwne miliony!
Śnie najdroższy i tak bardzo krótki!

— Gdy mnie ciemne wino otumani,
Gdy upiorna księżna ocygani
Srebrnym sierpem na sierpniowym niebie,
Wyjdę wtedy na łąkę cichaczem
I przywołam was dziecięcym płaczem
Do siebie.

Przyfruniecie, opadniecie w bezsile,
Trupie główki, ostatnie motyle...

*) В то время поэт находился в состоянии глубокой депрессии. Воспоминания о множестве бабочек и его жестокости по отношению к ним травмируют поэта, поэтому он называет их жестокими.

В сборнике стихов Тувима от 1965г. в переводе В.Левика говорится, что птицы осыпают бабочек пылью:

«Вас пылью волшебной осыпали

Быстрые, неистовые птицы»,

а в оригинале – совершенно противоположное (возможно, ошибка в подстрочнике):

Fruwające kwiaty i robaki,

Wytarzane w czarodziejskim pyle,

Który nocą ze skrzydeł strząsały

Obłąkane, rozśpiewane ptaki!

**) Вероятно, намёки на польские верования

Это было на закате

*)

На закате, стоя рядом,

Она слов не нашла.

Лишь, скользнув холодным взглядом,

«Ну, пока!» - и ушла.

Время шло год за годом,

Вновь судьба нас свела.

Сколько писем я не кончил,

Кулаки сжав в дни ненастья,

Сколько плакал среди ночи!

И теперь, ах, что за счастье!..

Только холодно кивнула,

Улыбнулась мне и скоро

Chwila była przed zmrokiem

(вольный перевод Тувима с испанского)

Chwila była przed zmrokiem

Powiedziałam: bądź zdrow

Popatrzyłam zimnym wzrokiem

I odeszłam bez słów

Rok popłynął za rokiem

Aż ujrzałam cię znów

Ile listów niewysłanych

Ile bólu zgmiotły pięście

Ile nocy przepłakanych

A teraz, ach, jakie szczęście

Ale chłodno uśmiechnięta

Obojętne cedzę słowa

Вдруг ушла. Не вспомнить слова
Мне теперь из разговора.

Не верь ты ни слову,
Глазам ты не верь!
Скрыл чувства. Когда же
Увижу теперь?

Любимая, больше нет слёз.
А сердце ноет молча,
Хоть воет, как пёс.

«Мне уйти до ночи надо» -
Голос будет суров,
Вновь окину странным взглядом
И уйду вновь без слов.

Так пройдёт год за годом.
Как нам встретиться вновь?

Кто бы мог - искать напрасно -
Быть счастливей, чем мы двое?
Тяжкий сон поры прекрасной,
Не даёшь ты мне покоя.

Несчастливым счастье стало,
Моя песня не допета,
Не нашёл любви ответа,
Жизни как и не бывало.

И вновь разошлись мы,
«Пока!» А без слов:
«Пропал мой любимый
Для жизни, для снов».

И ясно ведь всем по глазам:

I nic nie wiem, nie pamiętam
Taka jest nasza rozmowa

O nie wierz mym oczom
Nie słuchaj mych słów
Mnie zmysły tak mroczą
Że widzę cię znów

Najmilszy, nie starczy mi łez
Gdy serce głucho milczy
Choć wyje, jak pies

Muszę odejść przed zmrokiem
Znowu powiem: bądź zdrów
Znowu spojrzę obcym wzrokiem
I odejdę bez słów

Rok popłynie za rokiem
Gdy zobaczę cię znów

Któż by inny jak my dwoje
Mógł szczęśliwszy być w miłości
Przecież ja przy tobie stoję
Bolesny śnie mej młodości

Szczęście moje nieszczęśliwe
Piosnko ma niezaśpiewana
Miłości ma niewykochana
Ach, biedne życie nieżywe

Pójdziemy w dwie strony
Bądź zdrowa, bądź zdrów
Mój miły, stracony
Dla życia, dla snów

Więc światu przekazmy tę wieść

Любовь подобной силы
Не выдержать нам.

На закате, стоя рядом,
Она слов не нашла... **)

1933г.

Перевод с польского

*) Отдельную категорию лирической деятельности Тувима — помимо зарисовок, текстов песен и либретто для мини-оперетт — составляют тексты, написанные им для танго, популярных в межвоенный период (Википедия «Тувим в музыке»)

Танго на музыку Модесто Ромеро Мартинеса (1931г.)
в исполнении Ядвиги Бараньска на сайте
<https://www.youtube.com/watch?v=J6oqOzBjeIA>

К женщине

Глядя на самую маленькую мушку,
Не могу постигнуть ходьбы природе,
С восхищеньем смотрю на её ножку,
Я, существо человеческого рода;
Я пока не знаю ни причины особой
Цветенья садов ранней весной,
Ни истории Отца моего за гробом,
Даже жизни своей толком не знаю,
И я не знаю, какова природа
Кружения звездных миров. Поверьте:
Мне уже сорок четыре года,
Я недавно был на волосок от смерти.
(Право, это странное состояние:
Я улыбнулся – в душе – и не умер);

Zbyt silnie się kochamy
By miłość tę znieść

Chwila była przed zmrokiem
Powiedziałam: bądź zdrow

Do kobiety

Wobec tego, że najdrobniejszej muszki
Nie zgłębiłem tajemnicy chodu,
I z podziwem patrzę na jej nóżki,
Ja, istota człowieczego rodu;
Ani nie znam dotychczas powodu
Zakwitania na wiosnę ogrodów,
Ani Ojca mego dziejów za grobem,
Ani własnych, za życia, nie znam,
I że nie wiem, jakim sposobem
Zamieć światów kołuje gwiazdą
A już lat mam czterdzieści cztery
I o śmierć się niedawno otarłem
(Dziwny stan, jeżeli mam być szczery:
Uśmiechnąłem się – głęboko – i nie umarłem);

Я не отличу веков от мгновенья,
Мудреца от глупца – я не так разумен.
Вечная женщина, молю: при всём этом,
Будь дружелюбна со мной,
С поэтом.

Боги выйдут из глубы садов цепочкой
И самый серебряный объяснит словами,
Почему весной раскрываются почки
И как насекомое движет ногами.
Придёт Отец мой, от сна пробуждённый,
И свою историю объяснит вспомнив;
Звезды упадут к моим ногам сонно,
Образуя магический иероглиф,
И я познаю планетные бездны,
И смерть придёт снова, что неизбежно,
И я не уйду с улыбкой, как прежде.
Всё, как обычно! Но ты, моя нежная,
Мой единственная, любимая в мýке,
Посиди со мной в кафе утром снежным.
Положить мои руки на свои позволишь?
И посмотри мне в глаза, вечная женщина.
Будь дружелюбной и доброй. Всего лишь.
Я только поэт. Всего лишь.

Источник: https://poezja.org/wz/Julian_Tuwim/29563/Do_kobiety

Google:

Стихотворение Юлиана Тувима «Женщине» не так широко известно и не приписывается ему. Большинство источников сосредоточено на других его произведениях, таких как «Вамбóς» или «Простому человеку», а также на его любовных стихах, написанных его жене Стефани. Стихотворение «К женщине» не фигурирует в списке его произведений и не цитируется в биографических исследованиях. Возможно, это малоизвестное

Wobec tego, że nie odróżniam
Chwil od wieków, a mędrca od błazna -
Bardzo proszę cię, wieczna kobieto:
Bądź mi przyjazna
Jestem poetą.

Wyjdą z głębin ogrodów bogowie,
I ten pierwszy, najsrebrniejszy, opowie,
Czemu wiosną się pąk otwiera,
Czemu owad nóżkami przebiera;
Przyjdzie Ojciec mój, ze snu wyjęty,
I wyjaśni dzieje swoje bezdenne;
Do stóp moich gwiazdy padną senne
I ułożą się w hieroglif zakłęty,
I zrozumie planetarne odmęty,
I śmierć przyjdzie jeszcze raz, już pewna,
I uśmiechem się nie wykręcę -
Wszystko jedno! Lecz ty, moja rzewna,
Moja jedna, wykochana w męce,
Usiądź przy mnie w śnieżny ranek w cukierence
I na rękach moich połóż ręce,
I spójrz w oczy mi, wieczna kobieto,
I przyjazna bądź. Bądź dobra. Nic więcej.
Jestem tylko poetą. Nic więcej.

произведение или же это ошибка и отсылка к другому
стихотворению с похожим названием.

Чтобы установить авторство и дату создания этого стихотворения,
стоит обратиться к сборникам стихов Тувима или к
специализированным исследованиям
(с польского)